

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№3 МАРТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2015

О жизни и творчестве
художника Джузеппе Арчимбольдо читайте на стр. 76

Минувшее

<i>Майя Орлова</i>	Легенда красоты, или Красота легенды4
--------------------	--

Год литературы

<i>Денис Логинов</i>	Лицейст тринадцатого выпуска16
<i>Юрий Осипов</i>	«Полёта вольное упорство»50

Рассказ

<i>Ольга Степнова</i>	Ванька24
-----------------------	-----------------------

Из российской истории

<i>Илья Рюмин</i>	Посол Советского Союза 34
-------------------	--

Рандеву

<i>Елена Воробьева</i>	Ольга Кабо: «Если ты улыбаешься миру, он обязательно улыбнется тебе в ответ» 66
------------------------	--

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	«Вертумн» Джузеппе Арчимбольдо 76
---------------------	--

Забывтые страницы

<i>Александр Грин</i>	Позорный столб88
<i>Сомерсет Моэм</i>	Завтрак112

Поэзия

<i>Виктор Троицкий, Дмитрий Батраков</i>	Стихи 93
<i>Дмитрий Милов, Лариса Черникова</i>	Стихи 125

Житейские истории

<i>Анна Райнова</i>	Плюшевый мишка 96
---------------------	--------------------------------

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	А был ли герой?.. 106
--------------------------------	------------------------------------

Это интересно

<i>Евгения Гордиенко</i>	Вторая блондинка 116
--------------------------	-----------------------------------

Детектив

<i>Анна и Сергей Литвиновы</i>	Сердце Бога128
--------------------------------	-----------------------------

Кроссворд. Эрудит

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	Актриса театра и кино Ольга Кабо. Фото Влада Локтева
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 8550 экз.
Зак. №772

Цена свободная
Номер подписан в печать: 19.02.2015

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«*Всем хорошо знакомы строки: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз...»*

А вот сам автор этих строк, Николай Островский, дважды мог умереть от тяжелых ранений в Гражданскую войну. Мог уйти из жизни в тифозном бараке, сгинуть в ледяной воде, спасая лес. Пустить пулю в лоб, когда в 18 лет узнал, что его ждет полная неподвижность и слепота. Прикованный к постели, он писал книгу-исповедь. Писать о нем трудно, поскольку анкеты, которые он заполнял в течение своей короткой жизни, отличались друг от друга в зависимости от обстановки в стране, а друзья и соратники не успевали оставить воспоминаний — умирали, исчезали...

Денис **Логинов** «Как выплавлялась сталь»

«*В гражданской войне с обеих сторон участвовало немало женщин, чаще всего — медсестер и санитарок, гораздо реже — бойцов.*

И среди них есть одна, которая еще при жизни стала легендой, а после смерти — и вовсе символом, несмотря на то, что всегда чуралась политики и одинаково равнодушно относилась и к «красным», и к «белым». Хотя о ней еще при жизни была написана книга, а сама судьба простой сибирской крестьянки Марии Бочкаревой может стать основой любовно-авантюрного романа в военных декорациях...

Светлана **Бестужева-Лада** «Женское лицо войны»

«*Весной этого года исполняется 175 лет со дня рождения великого русского композитора Петра Ильича Чайковского. О его судьбе и нелегком пути в музыке рассказывается в очерке Юрия **Осипова** «Тот самый Чайковский»*

«*Мало кому известно, что в период между смертью юного короля Эдуарда VI восшествием на престол его сводной сестры, старой девы и яркой католички Марии, известной под прозвищем «Кровавая», уместились девять дней правления внучатой племянницы короля Генриха VIII леди Джейн Грей (в замужестве — леди Дадли). Она окончила свою короткую жизнь на плахе по обвинению в захвате государственной власти, хотя была виновна лишь в том, что в ее жилах текла королевская кровь, и что ее родители отличались бешеным тщеславием.*

Майя **Орлова** «Королева на девять дней»

«*Беседа Елены **Воробьевой** с актрисой театра и кино **Аллой Югановой***

«*Детектив Наталии **Солдатовой** «Я падаю...»*

Майя Орлова

ЛЕГЕНДА КРАСОТЫ

ИЛИ КРАСОТА ЛЕГЕНДЫ

Когда называют имя этой женщины, то сразу возникает ассоциация с чем-то невыразимо-прекрасным, почти божественным. Речь идет о Клеопатре — последней представительнице древнейшего греческого рода Птолемеев, много веков правившего Египтом. Она была возлюбленной двух великих людей — Цезаря и Марка Антония. Она потрясала Рим роскошью своего окружения, одежды, драгоценностей. И... она вовсе не была красавицей в общепринятом представлении, не продавала свои ночи за жизнь любовника и не пила жемчужин, растворенных в уксусе. У нее были совсем другие заботы...

При разделе империи Александра Македонского Египет достался Птолемею I Сотеру («Спасителю», 305–282 до н.э.), другу и соратнику царя. Осторожному и дальновидному Птолемею удалось привезти в Египет тело Александра, которое было погребено в святилище Аммона в оазисе Сива, что поставило Египет на особое место по сравнению с царствами остальных соратников Александра. К тому же Птолемей короновался не царем, как было принято в Греции, а фараоном под именем Птолемея I.

Триста лет после этого трон переходил по наследству от отца к сыну, но привнесенные греками традиции размывались египетскими обычаями и церемониями. Жреческая каста вернула себе почти прежнюю силу, и Египет получил вторую жизнь: без сооружения пирамид и сфинксов, но со знаменитой Александрийской библиотекой, Фаросским маяком, пышными храмами в честь новых богов — Сераписа, Арсинои и прежней египетской богини Исиды.

К сожалению, Птолемеи заимствовали и традицию внутрисемейных браков: фараон мог жениться только на родной сестре, и только дети от этого брака могли унаследовать трон. Это не могло не привести к постепенному вырождению династии — и привело. А появление на другом берегу Средиземного моря нового государства — Рима — и новой цивилизации ускорило процесс гибели Египта.

Клеопатра родилась в 69 году до Рождества Христова и была предпоследним ребенком в семье, поэтому

никак не могла претендовать на трон. У ее отца, Птолемея XII, было еще несколько детей, в том числе старшие сын и дочь, которые, по обычаям Египта, сочетались браком и должны были унаследовать трон отца.

Но наследники чем-то не угодили фараону и по его приказу были обезглавлены, следующая же по старшинству дочь, имя которой также осталось неизвестным, скончалась от какой-то болезни, не достигнув совершеннолетия. Старшим ребенком в семье и претендентом на трон стала Клеопатра, которой предписывалось выйти замуж за младшего брата.

Несомненно, на нее произвела сильное впечатление смута 58–55 гг. до н.э., когда ее отец Птолемей XII превратился фактически в марионетку, удерживающуюся у власти лишь благодаря римскому вооруженному присутствию. Неприятности царствования отца преподнесли урок будущей царице, и она использовала все средства, чтобы избавиться от противников и от всех, стоящих на ее пути. Она взошла на трон в 51 году до н.э. вместе со своим мужем-братом — Птолемеем XIII — вялым и безвольным ребенком, что тут же постарались использовать в своих интересах высшие жрецы.

Клеопатра попала в мир сложной международной политики и придворных интриг, к которым ее никто и никогда не готовил. И, что самое неприятное, основные противники (они же советники мужа-брата) были евнухами. Царица, уже давно понявшая, как можно целенаправленно использовать женские

чары, оказалась против них бес-
сильной. Правда, ненадолго.

Гней, сын одного из правителей
Римской республики Помпея, евну-
хом не был, поэтому очаровать мо-
лодого человека было легко. Любов-
ник пообещал ей военную поддерж-
ку, и наверняка оказал бы ее, если
бы... в самом Риме не произошел
переворот: Помпей был свергнут и
вынужден был бежать, а к власти
пришел Гай Юлий Цезарь, который

женщинами вообще интересовался
постольку поскольку, предпочитая
им войну и политику.

Клеопатре, как стороннице его
противников, пришлось бежать в
Сирию и скрыться в каком-то пу-
стынном оазисе. Для нее оставался
только один путь во власть — через
ложе самого Цезаря. Тем более что
победоносный и уже почти леген-
дарный властитель Рима сам при-
был в Александрию.

*Мраморная
голова
Клеопатры*

Цезарь одержал верх над Помпеем в борьбе за верховную власть в Риме, и тот бежал в Египет, надеясь найти помощь и поддержку у фараона Птолемея XIII, который, к тому же, задолжал Риму немалую сумму денег. Великий Помпей просчитался: молодой Птолемей, точнее, его советники, предпочли взять сторону Цезаря. Едва Помпей ступил на египетский берег, как был обезглавлен на глазах у всего его окружения.

Цезарь разгневался, приказал с почестями похоронить голову Помпея у стен Александрии, где воздвиг святилище Немезиды, и потребовал, чтобы в качестве «моральной компенсации» отрубили головы двум ближайшим советникам Птолемея. Их не стали бальзамировать и хоронить — вывесили на крючьях возле дворцовых ворот, наводя ужас на александрийцев.

Оказавшись в Египте, Цезарь попытался пополнить свою казну с помощью долгов, наделанных еще Птолемеем XII. Светоний писал, что «Цезарь не решился... превратить Египет в римскую провинцию, чтобы какой-нибудь предприимчивый наместник не сумел опереться на нее (провинцию с огромными ресурсами) для новых смут». Однако он заявил о намерении выступить арбитром в споре Птолемея XIII и его сестры-супруги Клеопатры. Последняя, кстати, больше импонировала Цезарю: он считал, что девчонка станет послушной марионеткой на троне.

Так что желание встретиться было взаимным, но инициативу про-

явила Клеопатра, придумав для этого остроумный ход.

Верный слуга упаковал (в буквальном смысле слова) свою царицу в специальный мешок для постельного белья и доставил в Александрию прямо в покои к Цезарю. Ковер был придуман позже, как и многое другое — для красоты. Нельзя же было допустить, чтобы легендарную красавицу таскали в мешке сомнительной чистоты. Тем более что «ковер в подарок» охрана Цезаря обязательно бы проверила, а небольшой тюк никого особо не заинтересовал.

И вот из мешка к ногам великого римлянина упала шестнадцатилетняя прелестница. И это — страшный враг, которым пугали Цезаря его соратники? Это — противник, которого нужно немедленно уничтожить, иначе будет поздно? Цезарь лишь укрепился в своем решении, что прелестную «куклу» будет гораздо приятнее видеть на египетском престоле, нежели ее малолетнего брата-мужа в вечном окружении надутых евнухов. И Клеопатра стала царицей.

Хотя за трон все-таки пришлось побороться. Жители Александрии восстали против римлян, осадили царский дворец. В ходе сражений сгорела большая часть знаменитой Александрийской библиотеки, что произвело потрясающее впечатление на Клеопатру, выросшую в атмосфере греко-египетской утонченной культуры, и оставило почти равнодушным Цезаря, который трезво полагал, что цель оправдывает средства. Ему удалось взять верх и по-

Монеты с изображением Клеопатры

садить Клеопатру на египетский трон, однако Египет сохранил независимость от Рима.

Пока римляне и объявленная ими царица Египта находились в осаде во дворце, Клеопатра стала любовницей Цезаря. Устоять перед египтянкой у него не было ни шанса: хотя Цезарь и был женат четырежды, в женщинах он не разбирался, женился всегда исключительно по политическим соображениям, а интимные удовольствия в список его приоритетов вообще никогда не входили. А тут — такое экзотическое чудо, а главное — деваться все равно некуда, пока осада не снята или не прорвана. И Клеопатра от слов перешла к делу, которое знала еще лучше, нежели риторику, благо времени у осажденных было в избытке.

Спас Цезаря и Клеопатру только подход подкреплений во главе с Митридатом Пергамским. Повстанцы были разбиты, царь Птолемей утонул при бегстве в Ниле. Осада с дворца была снята, и Цезарь и Клеопатра предприняли совместное путешествие по Нилу на 400 кораблях, сопровождаемое шумными празднествами. Клеопатра, формально

сочетавшаяся браком с другим своим малолетним братом Птолемеем XIV, фактически стала безраздельной правительницей Египта под римским протекторатом, гарантией которого являлись оставленные в Египте три легиона.

Вскоре после отбытия Цезаря в Рим у нее родился сын. Его назвали Птолемеем Цезарем, но он вошел в историю под данным ему александрийцами прозвищем Цезарион. Утверждали, что мальчик был очень похож на Цезаря и лицом, и осанкой, и тот признал его своим законным сыном (кстати, это был его первенец, хотя знаменитому римлянину уже перевалило за пятьдесят). Наступил звездный час знаменитой египтянки.

Многие пытались понять, чем же Клеопатра так очаровывала мужчин. Плутарх, например, в «Сравнительных жизнеописаниях» писал с несвойственной ему восторженностью:

«Красота этой женщины была не тою, что зовется несравненно и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимой прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкой убедительностью речей, с огромным обаянием, скво-

жившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад — на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами — эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами...».

Именно к этому периоду относятся легенды о знаменитых «ночах Клеопатры», о пирах, на которых она якобы продавала свою любовь присутствующим в обмен на их жизнь. Этим красивым сказкам мы обязаны

исключительно римлянам, которые описали свои собственные обычаи, причем более позднего периода. В Египте же ничего подобного не происходило.

Трагическая смерть Клеопатры еще более усилила тенденцию к романтизации ее образа, но это произошло уже спустя тысячелетия в Европе. А тогда император Октавиан Август и его окружение стремились всеми силами очернить царицу, представив ее опасным врагом Рима и злым гением Марка Антония.

Например, римский историк IV в. Аврелий Виктор, который, разумеется, лично царицу не знал, писал о ней: «Она была так развратна и обладала такой красотой, что многие

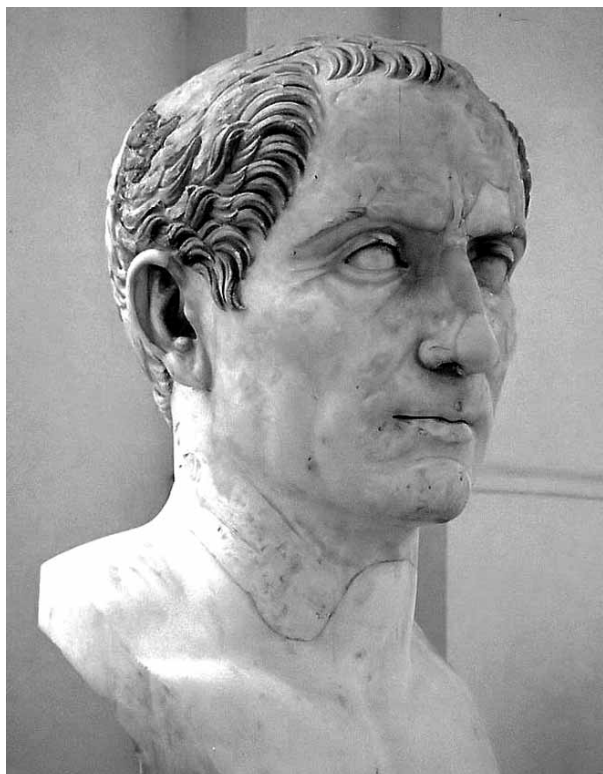

мужчины своей смертью платили за обладание ею в течение одной ночи». В других источниках о Клеопатре ничего подобного не говорилось. Разве что легкое изумление по поводу того, что египетскую царицу нельзя было назвать даже хорошенькой, на ее лице красовался большой нос и крупный, как у мужчины, рот. Профили на монетах показывают женщину с волнистыми волосами, крупными глазами, выступающим подбородком и носом с горбинкой (наследственные черты Птолемеев). Но при этом Клеопатра отличалась мощным обаянием, привлекательностью, отлично пользовалась этим для обольщения и вдобавок обладала чарующим голосом и блестящим умом.

Цезарь долго воевал с царем Понта Фарнаком, затем с последними сторонниками Помпея в Африке, но сразу же по окончании войн он вызвал в Рим Клеопатру, формально — для заключения союза между Римом и Египтом. Ей была выделена вилла Цезаря в его садах на берегу Тибра, где она принимала знатных римлян, спешивших засвидетельствовать свое почтение фаворитке.

У республиканцев это вызывало крайнее раздражение и стало одним из поводов, ускоривших гибель Цезаря. Ходил даже слух, что он собирается взять Клеопатру своей второй женой и перенести столицу в Александрию.

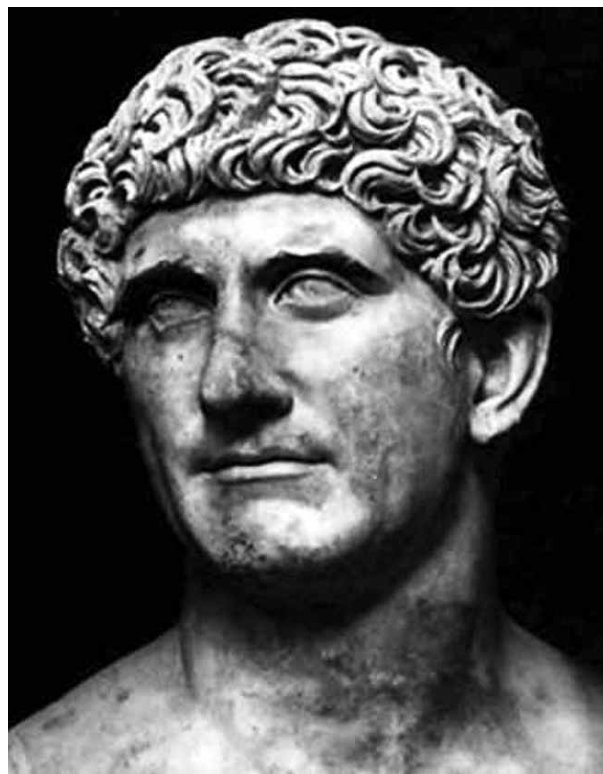
Конечно, Цезаря убили не из-за любовницы-царицы (она, кстати, вернулась в Египет, а Цезарь остался в Риме), а совсем по другим причинам, но мартовские иды 44 года

Гай Юлий Цезарь

до н.э. фактически оставили Клеопатру вдовой, тем более что скоропостижно скончался и ее фиктивный малолетний муж. Она осталась единственной полновластной правительницей Египта, и ее благосклонности искали и приверженцы убитого Цезаря, и его противники. Клеопатра оставалась равнодушной ко всему, что не касалось непосредственно Египта, воспитывала сына и носила траур... по кому? Наверное, все-таки по Цезарю.

В 43 до н.э. на Египет обрушился голод, и два года подряд не разливался Нил. Царица была озабочена, прежде всего, снабжением своей столицы, склонной к бунту. Три римских легиона, оставленные покойным Цезарем, бесчинствовали вплоть до их вывода из страны. Восток был

Марк Антоний

в руках убийц Цезаря: Брут контролировал Грецию и Малую Азию, а Кассий обосновался в Сирии.

Война между убийцами Цезаря и его наследниками — Марком Антонием и внучатым племянником Октавианом, которого Цезарь в своем завещании объявил своим наследником и передал свое имя, закончилась победой сторонников и последователей Цезаря. Люто ненавидевшие друг друга, они, тем не менее, изображали на людях нерушимый союз и братскую любовь: Октавиан даже выдал за Марка Антония свою младшую сестру Октавию. Но каждый держал за спиной кинжал, выжидая первого промаха соперника.

Это продолжалось до тех пор, пока в результате политических интриг и междоусобиц в Риме в азиат-

ских провинциях не стал править Марк Антоний — известный полководец, друг и в какой-то степени воспитанник Цезаря. Власть над Римом получил Октавиан, который именно этого и добивался, и который немедленно поднял вопрос о том, что Египет должен Республике баснословные суммы денег и не мешало бы новому правителю лично разобраться с этой ситуацией.

Новый правитель прибыл в Александрию, чтобы получить долг Египта за несколько лет. Деньги он получил, но... попал в те же сети, что и Цезарь несколько лет тому назад. Клеопатра мечтала о создании эллинистической восточной империи, и такой союзник, как Марк Антоний, был ей необходим. Но этот союз по расчету очень быстро обернулся в бурный роман, по праву считающийся одним из величайших в истории человечества.

Антоний, оставив армию, провел зиму 41–40 гг. до н.э., предаваясь

попойкам и развлечениям. Со своей стороны, Клеопатра старалась привязать его как можно крепче.

На такую удачу Октавиан даже не рассчитывал. Антоний и Клеопатра объявили себя божественной парой — Осирисом (Дионисом) и Исидой и совершили обряд официального бракосочетания, а в очень скором времени Клеопатра родила близнецов — мальчика, Александра Гелиоса («Солнце»), и девочку, Клеопатру Селену («Луну»). Клеопатра повелела отсчитывать от этого момента новую эру своего царствования в документах, а Антоний, в порыве радости, подарил любимой супруге Крит и Киликию, за что Октавиан объявил его изменником и двоеженцем, заслуживающим смертной казни.

Известие о раздаче земель вызвало сильнейшее возмущение в Риме, Антоний явно порывал со всеми римскими традициями и начинал разыгрывать из себя эллинистического монарха. Правда, он еще пользовался значительной популярностью в сенате и армии, но своими выходками в восточно-эллинистическом духе, бросавшими вызов римским нормам и традиционным представлениям, сам дал Октавиану оружие против себя.

Дело дошло до гражданской войны. При этом Октавиан провозгласил ее войной «римского народа против египетской царицы». Египтянку, которая поработила римского полководца своими чарами, изображали средоточием всего восточного, эллинистически-царского, чуждого Риму и «римским добродете-

лям». Вот тут-то и появились легенды о «египетских ночах», убитых любовниках и ваннах из крови новорожденных младенцев, которые Клеопатра, якобы, регулярно принимала, дабы сохранить молодость и красоту.

Со стороны Антония и Клеопатры для войны был подготовлен флот из 500 кораблей, из них 200 египетских. Антоний вел войну вяло, предаваясь совместно с Клеопатрой пиршествам и празднествам во всех попутных греческих городах и предоставляя Октавиану время для организации армии и флота. Пока Антоний стягивал войска к западному побережью Греции, собираясь переправиться в Италию, сам Октавиан стремительно переправился

в Эпир и навязал Антонию войну на его территории.

Объединенные силы Клеопатры и Антония были огромны, казалось, Октавиан будет безжалостно разбит. Но царица Египта допустила роковую ошибку, стоившую ей жизни. Она решила сама командовать египетской частью подготовленного к войне флота, который превосходил флот Рима. 2 сентября 31 года до н.э. в решающие минуты сражения, когда победа уже была близка, Клеопатра, оказавшаяся в центре боя, не выдержала напряжения и вывела свой корабль из гущи схватки. За ней бой стали покидать и другие египетские корабли. Увидев, что Клеопатра отступает, за ней устремился и Антоний. Флот, сразу лишившийся

двух руководителей, смешался и не смог противостоять организованному натиску кораблей флота Октавиана.

Война фактически закончилась разгромом объединенных сил Клеопатры и Антония в морской битве у мыса Акции 2 сентября 31 г. Они скрылись в Александрию, где полководец, считавший войну проигранной, впал в отчаяние и покончил с собой.

Последние дни Клеопатры подробно описаны Плутархом по воспоминаниям Олимпа, ее врача. Октавиан позволил Клеопатре похоронить возлюбленного, ее собственная судьба оставалась неясной. Она сказала больной и давала понять, что уморит себя голодом, но угрозы Октавиана расправиться с детьми заставили ее принять лечение.

Вскоре один влюбленный в Клеопатру римский офицер сообщил ей, что через три дня ее отправят в Рим

для триумфа Октавиана. Это означало, что ее и детей проведут по римским улицам в цепях вслед за колесницей триумфатора. Для той, которая правила Египтом больше 20 лет и при жизни стала легендой, это было хуже смерти. И она предпочла смерть. Царица Египта, которой благодаря уму, политической изворотливости и женскому обаянию удавалось столько лет оставаться у власти, решила уйти из жизни.

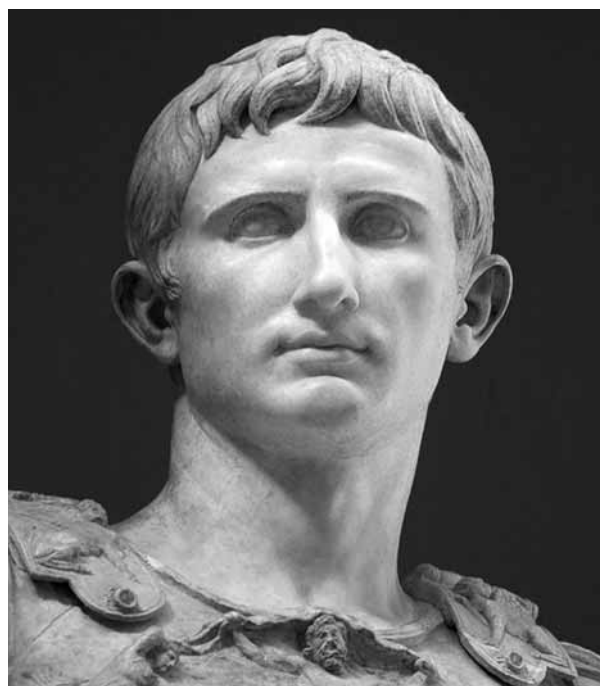
Клеопатра велела передать Октавиану заранее написанное письмо и заперлась со служанками в храме. Когда посланные Октавианом люди пришли туда, они нашли Клеопатру уже мертвой, в царском уборе, на золотом ложе. Поскольку перед тем к Клеопатре приходил какой-то крестянин с горшком смокв, не вызвавший подозрений у стражи, было решено, что в горшке ей пронесли змею. Утверждали, что на руке Клеопатры были чуть видны два легких укола. Саму змею в комнате не нашли, скорее всего, она сразу уползла из дворца. На мысль о том, что змея — это еще одна красивая легенда, наводит то, что обе служанки Клеопатры умерли вместе с ней. Сомнительно, чтобы одна змея умертвила сразу трех человек и после этого бесследно исчезла. Скорее всего, Клеопатра хранила яд в полый головной шпильке, устроенной наподобие миниатюрного шприца — версия, к которой склоняются многие серьезные историки.

Смерть Клеопатры лишила Октавиана блестящей пленницы на его триумфе в Риме. В триумфальном

шествии везли лишь ее изваяние. Еще до этого сын Цезаря был убит. Дети от Антония шли в цепях на параде триумфатора, а затем воспитывались у сестры Октавиана Октавии, жены Антония, «в память о муже». Впоследствии дочь Клеопатры, Селену, выдали замуж за мавританского царя. Судьба ее брата неизвестна, предполагается, что он умер очень молодым.

Вступление легионов Октавиана в Александрию в августе 30 года до н.э. положило конец независимости Египта, включенного в римские владения на правах особой провинции, управляемой императорским префектом.

А имя Клеопатры и ее образ остались в истории, обрастая все новыми и новыми подробностями — прекрасными и страшными, романтическими и будничными. Необыкновен-

Октавиан

ная красота последней египетской царицы — это только легенда, но легенда невероятно красивая. Остальное, в сущности, имеет значение только для серьезных историков. □

Денис Логинов

ЛИЦЕИСТ

тринадцатого выпуска

Его произведения и сегодня читаются так, как если бы они были написаны совсем недавно. Жаль только, что читают мало, особенно с тех пор, как его произведения были изъяты из школьной программы. Напрасно: его повести стоят нескольких десятков «обличительных» стихотворений хоть Пушкина, хоть Некрасова. А меткие афоризмы актуальны и по сей день. Взять хотя бы вот это: «Заговорил о патриотизме. Как видно, украсть что-то хочет».

А ведь родился Михаил Евграфович Салтыков (псевдоним — Н. Щедрин) почти двести лет назад, 27 января 1826 года в селе Спас-Угол Тверской губернии, в старинной дворянской семье. И дослужился впоследствии до титула тверского вице-губернатора. Но в историю России он вошел как талантливый писатель и один из первых настоящих сатириков, по некоторым оценкам — по сей день непревзойденный.

Михаил Салтыков был шестым ребенком потомственного дворянина и коллежского советника Евграфа Васильевича Салтыкова и дочери московского дворянина Забелина. Если сопоставлять факты из повести «Пошехонская старина» и жизни самого Салтыкова, можно обнаружить почти полное тождество. Хотя в примечании к повести писатель и просил не смешивать его с личностью Никанора Затрапезного.

Первым учителем Салтыкова был крепостной его родителей, живописец Павел Соколов. Когда Мише исполнилось десять лет, он поступил в Московский дворянский институт, а через два года, как один из лучших учеников, был переведен в Царско-сельский лицей, который окончил в 1844 году по второму разряду (то есть с чином X класса), семнадцатым из 22 учеников. Поведение его аттестовалось как «довольно хорошее», но не более того: к обычным школьным проступкам (грубость, курение, небрежность в одежде) присоединялось «писание стихов» «неодобрительного» содержания.

В лицее каждый курс имел своего поэта, на XIII курсе эту «роль»

играл Салтыков-Щедрин, но единственно — за неимением лучшего: ни одно из его стихотворений (отчасти переводных, отчасти оригинальных) нельзя назвать талантливым, хотя два или три были опубликованы в разных журналах того времени под псевдонимом «Н. Щедрин».

Салтыков скоро понял, что у него нет призвания к поэзии, перестал писать стихи и не любил, когда ему о них напоминали.

В августе 1844 года Михаил был зачислен на службу в канцелярию Военного министерства. «...Везде долг, везде принуждение, везде скука и ложь...» — такую характеристику дал он бюрократическому Петербургу.

Литература уже тогда занимала его гораздо больше, чем служба: он не только много читал, увлекаясь в особенности Жорж Санд и французскими социалистами, но и писал — сначала небольшие библиографические заметки (в «Отечественных записках» 1847), потом повести «Противоречия» (там же, ноябрь 1847) и «Запутанное дело» (март 1848).

Уже в библиографических заметках, несмотря на маловажность

книг, по поводу которых они написаны, проглядывает образ мыслей автора — его отвращение к рутине, к прописной морали, к крепостному праву, местами попадаются и блестящие насмешливого юмора.

Гораздо интереснее «Запутанное дело», заключающее в себе несколько замечательных страниц. «Россия, — размышляет герой повести, — государство обширное, обильное и богатое; да человек-то глуп, мрет себе с голоду в обильном государстве». «Жизнь — лотерея», подсказывает ему привычный взгляд, завещанный ему отцом; «оно так, — отвечает какой-то недоброжелательный голос, — но почему же она лотерея, почему ж бы не быть ей просто жизнью?»

Несколькими месяцами раньше такие рассуждения остались бы, может быть, незамеченными, но «Запутанное дело» появилось в свет как раз тогда, когда после Февральской революции во Франции в России был учрежден комитет, облеченный особыми полномочиями для обуздания печати.

В наказание за вольнодумие Салтыков был выслан в Вятку и определен канцелярским чиновником при Вятском губернском правлении. Позже он был назначен старшим чиновником особых поручений при вятском губернаторе, затем два раза занимал должность правителя губернаторской канцелярии, а с августа 1850 года служил советником губернского правления.

О его службе в Вятке сохранилось мало сведений, но, судя по за-

писке о земельных беспорядках в Слободском уезде, найденной после смерти Салтыкова-Щедрина в его бумагах, он горячо принимал к сердцу свои обязанности. Провинциальную жизнь в самых темных ее сторонах, в то время легко ускользавших от взора, Салтыков-Щедрин узнал как нельзя лучше, благодаря командировкам и следствиям, которые на него возлагались — и богатый запас сделанных им наблюдений нашел себе место в «Губернских очерках». Тяжелую скуку умственного одиночества он разгонял внеслужебными занятиями: для дочерей вятского вице-губернатора, из которых одна (Елизавета Аполлоновна) в 1856 стала его женой, составил «Краткую историю России».

Опала закончилась сравнительно быстро. В 1855 году Салтыкову разрешено было покинуть Вятку, а через год он был причислен к Министерству внутренних дел.

Летом того же года его командировали в Тверскую и Владимирскую губернии для ведения делопроизводства губернских комитетов ополчения. В его бумагах нашлась черновая записка, составленная им при исполнении этого поручения. Злоупотреблений при снаряжении ополчения было обнаружено множество. Им также была составлена записка об устройстве градских и земских полиций, весьма смело подчеркивавшая недостатки действовавших порядков.

Вслед за возвращением Салтыкова-Щедрина из ссылки с блеском возобновилась его литератур-

ная деятельность. Имя надворного советника Щедрина, которым были подписаны появлявшиеся в «Русском вестнике» «Губернские очерки», сразу стало одним из самых любимых и популярных.

Собранные в одно целое, «Губернские очерки» в 1857 году выдержали два издания и положили начало жанру литературы, получившему название «обличительный». Юмор, как и у Гоголя, чередуется в «Губернских очерках» с лиризмом, такие страницы, как обращение

вице-губернатором, а затем переведен на ту же должность в Тверь. Писал он в это время очень много, сначала в разные журналы, но позже — исключительно в «Современник». Из всего написанного им составились два сборника — «Невинные рассказы» и «Сатиры в прозе».

В 1862 году Салтыков-Щедрин в первый раз вышел в отставку. Он хотел поселиться в Москве и основать там двухнедельный журнал; когда ему это не удалось, он переехал в Петербург и стал фактиче-

Десяти лет от роду Миша поступил в Московский дворянский институт, а два года спустя был переведен, как один из лучших учеников, казеннокоштным воспитанником в Царскосельский лицей. Именно там он и начал свою деятельность писателя, что было вполне в традициях этого заведения

к провинции, производят до сих пор глубокое впечатление. Чем были «Губернские очерки» для русского общества, только что пробудившегося к новой жизни и с радостным удивлением следившего за первыми проблесками свободного слова, легко себе представить. Обстоятельствами тогдашнего времени — канун отмены крепостного права — объясняется и то, что автор «Губернских очерков» мог не только оставаться на службе, но и получать более ответственные должности.

В марте 1858 года Салтыков-Щедрин был назначен рязанским

ски одним из редакторов «Современника».

К этому же приблизительно времени относятся и замечания Салтыкова-Щедрина на проект устава о книгопечатании, составленном комиссией под председательством князя Д.А. Оболенского. Главный недостаток проекта Салтыков-Щедрин видел в том, что он ограничивался заменой одной формы произвола, беспорядочной и хаотической, другой — систематизированной и формально узаконенной. Весьма вероятно, что стеснения, которые «Современник» на каждом шагу встре-

чал со стороны цензуры, и отсутствие надежды на скорую перемену к лучшему побудили Салтыкова-Щедрина опять поступить на службу, но в другое ведомство.

В ноябре 1864-го он был назначен управляющим Пензенской казенной палатой, затем переведен на ту же должность в Тулу, а позже — в Рязань. Частая смена мест службы объяснялась конфликтами с начальниками губерний, над которыми писатель «смеялся» в памфлетах-гротесках.

Своеобразные особенности характера Салтыкова, проявленные им во время руководства важным правительственным учреждением в Туле, наиболее выразительные черты его личности были запечатлены служившим под его началом тульским чиновником И.М. Михайловым в статье, опубликованной в «Историческом вестнике» в 1902 году. На ад-

Как и следовало ожидать, деятельность Салтыкова в Туле завершилась его удалением из города по причине остроконфликтных отношений с губернским начальством. Что не удивительно: сатирик изобразил своего непосредственного начальника, губернатора Шидловского, в памфлете под названием «Губернатор с фаршированной головой».

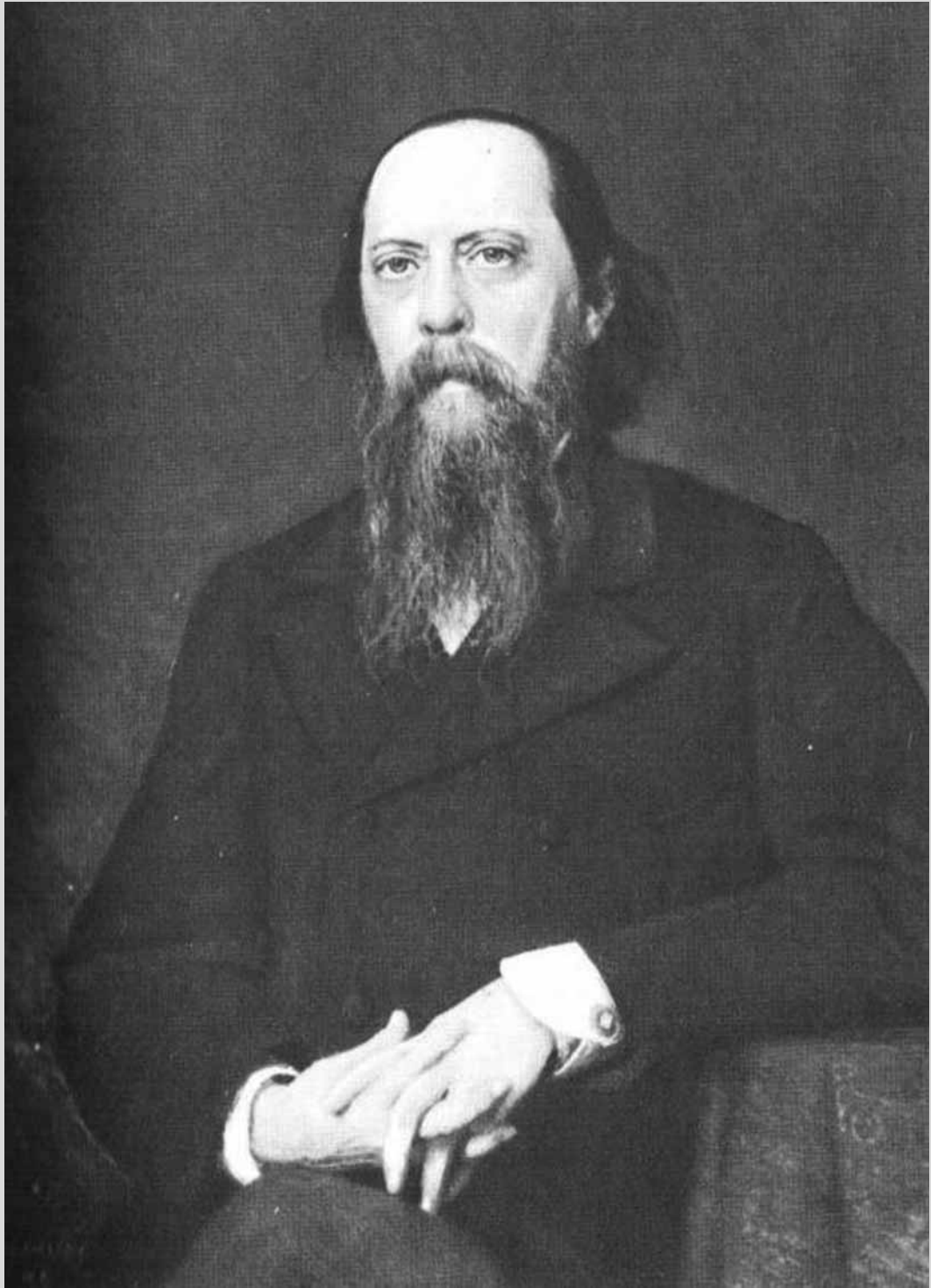
Тула упоминается Салтыковым в произведениях «Дневник провинциала в Петербурге» и «Как один мужик двух генералов прокормил». На тульский практический опыт Салтыков, видимо, опирался в одном из своих «Писем из провинции». Однако краеведы сходятся во мнении, что трудно учесть с документальной точностью, в каких еще щедринских произведениях отразились тульские впечатления.

Провинциальную жизнь в самых темных ее сторонах, в то время легко ускользавших от взора, Салтыков-Щедрин узнал как нельзя лучше благодаря командировкам и следствиям, которые на него возлагались — и богатый запас сделанных им наблюдений нашел себе место в «Губернских очерках»

министративном посту в Туле Салтыков энергично и на свой манер боролся с бюрократизмом, взяточничеством, казнокрадством, стоял за интересы низших тульских общественных слоев: крестьян, кустарей-ремесленников, мелких чиновников.

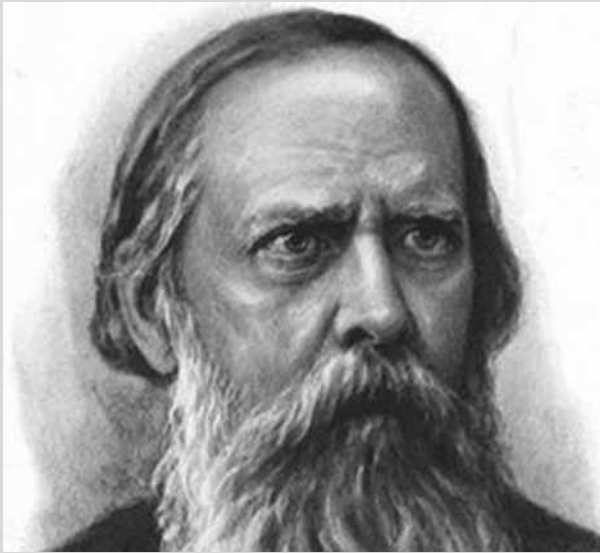
После жалобы уже нового начальника, рязанского губернатора, Салтыков в 1868 году был отправлен в отставку в чине действительного статского советника. Этот «беспокойный человек», по повелению императора Александра II, был

окончательно уволен как «чиновник, проникнутый идеями, не согласными с видами государственной пользы».

Он переехал в Петербург и принял приглашение Н.А. Некрасова поработать соредактором в его

журнале «Отечественные записки». Салтыков-Щедрин стал одним из их самых усердных сотрудников, а после смерти Некрасова занял должность руководителя и официального редактора журнала. Теперь он мог целиком отдаться литературной де-

тельности. И в 1869–1870 годах появилась на свет «История одного города» — вершина сатирического дара Салтыкова-Щедрина.

Пока существовали «Отечественные записки», то есть до 1884 года, Салтыков-Щедрин работал исключительно для них. Редакционной работой он занимался неумолимо и страстно, живо принимая к сердцу все касающееся журнала. Однако здоровье его, и так расшатанное еще с половины 1870-х годов, было глубоко подорвано запретом «Отечественных записок». Впечатление, произведенное на него этим событием, изображено им самим с большой силой в одной из сказок («Приключение с Крамольниковым», который «однажды утром, проснувшись, совершенно явственно ощутил, что его нет») и в первом «Пестром письме», начинающемся словами: «Несколько месяцев тому назад я совершенно неожиданно лишился употребления языка»...

Незаменимой утратой был для него разрыв непосредственной связи между ним и публикой. Он знал, что

«читатель-друг» по-прежнему существует, но этот читатель «заробел, затерялся в толпе, и дознаться, где именно он находится, довольно трудно». Мысль об одиночестве, о «брошенности» удручала его все больше и больше, обостряемая физическими страданиями и, в свою очередь, обостряющая их.

«Болен я, — восклицает он в первой главе «Мелочей жизни». — Недуг впился в меня всеми когтями и не выпускает из них. Изможденное тело ничего не может ему противопоставить».

В 1875–1876 годах Салтыков-Щедрин лечился за границей, где в Париже встречался с Тургеневым, Флобером, Золя.

Последние его годы были медленной агонией, но он не переставал писать, пока мог держать перо, и его творчество оставалось до конца сильным и свободным: «Пошехонская старина» ни в чем не уступает его лучшим произведениям. В 1880-е годы сатира Салтыкова достигла кульминации: были опубликованы его «Современные идиллии», «Господа Головлевы», «Пошехонские рассказы», «Сказки», «Мелочи жизни».

Незадолго до смерти он начал новый труд — «Забывшие слова».

— Были, знаете, слова, — сказал Салтыков Н.К. Михайловскому незадолго до смерти, — ну, совесть, отечество, человечество, другие там еще... А теперь потрудитесь-ка их поискать!.. Надо же напомнить!

Напомнить он не успел — скончался 10 мая 1889 года и был погребен, согласно его желанию, на Вол-

Ванька

В Светке было девяносто пять килограммов веса. И это при росте сто шестьдесят два сантиметра.

Понятно, что с такими параметрами она не укладывалась ни в какие формулы соотношения роста и веса. Хуже того, Светка точно не знала свой размер и с трудом находила одежду для себя. Продавцы в магазине, завидев ее, насмешливо морщились и старались не замечать Светку, давая понять, что ее проблемы — это не их проблемы. Приходилось идти на рынок. Там сердобольные тетушки навскидку находили ей платья и юбки величиной с парашют.

Светка не то, чтобы любила поесть, просто она не могла не есть — начинало сосать под ложечкой, и появлялись суицидные мысли. Если в этот момент не сунуть что-нибудь в рот, дело могло закончиться моргом.

Одно время она даже подумывала стать борцом сумо, чтобы оправдать свои габариты, но после первой же тренировки ей понадобился нашатырь и двойная порция гамбургеров.

Хотела ли она похудеть?

Светка старалась об этом не думать. Зачем хотеть того, что неосуществимо?! Лучше булку съесть.

Но примерно раз в год она снилась себе с тонкой талией, узкими бедрами, длинными ногами и интеллигентно-небольшой грудью. На ней было короткое платье, туфли на шпильках и отчего-то венки из одуванчиков на голове.

В общем, худеть Светка не собиралась. Как растолстела в семнадцать лет на почве стресса перед экзаменами, такой и оставалась.

А ведь пора было подумать о муже, детях, уютном гнезде и о чем там еще принято думать в двадцать пять лет, но что совершенно несовместимо с девяносто пятью килограммами?..

Из мужчин Светке нравился Брэд Питт. Ну и немножко сосед с верхнего этажа, потому что со спины он был похож на Питта.

Короче, мужской вопрос Светку не интересовал. Как-то не понимала она этого вопроса и всех переживаний, с ним связанных.

Она жила размеренной, неторопливой жизнью: работа, сериалы, женские детективы, работа. Ну и еда, конечно. Много еды.

Счастье кончилось в одно прекрасное утро.

К Светке пришла двоюродная сестра Алла и, выставив перед собой художничка, белобрысого мальчишка, попросила:

— Светка, будь человеком, посиди с Ванькой, а я в Сочи слетаю, личную жизнь улажу.

— Надолго? — жуя бутерброд, уточнила Светка.

— Недели на две, — пожалала плечами Алка. — А может, на месяц, как масть пойдет.

Ваньке было семь лет, выглядел он паинькой, и Светка, решив, что обузой племянник для нее не будет, великодушно согласилась:

— Ладно, я все равно в отпуске, пусть живет.

Все началось с мелочей.

— Не буду борщ, — сказал вечером Ванька, усаживаясь за стол. — И пельмени не буду. А винегрет тем более не буду.

— А что будешь? — без особого интереса спросила Светка.

— Пиццу с морепродуктами.

— Нет у меня ни пиццы, ни морепродуктов. Не хочешь есть, ложись спать голодным, — очень просто решила она проблему.

В три часа ночи ее разбудил звонок. Светка открыла дверь, и посыльный вручил ей огромную коробку, разрисованную крабами, кальмарами и прочей морской гадостью. Оказалось, что с ее домашнего телефона поступил заказ. Ошалевшая Светка отдала посыльному аж семьсот рублей.

Ванька спал как младенец. Будить и бить его было как-то неправильно, и Светка решила перенести беседу на утро. Она посмотрела на пиццу и почувствовала к ней отвращение.

Но утром воспитательной беседы не получилось...

Вместо зубной пасты в тюбике оказался клей, из душа на Светку не пролилось ни капли воды, из унитаза выскочила механическая лягушка, а из фена в лицо выстрелила мучная пыль.

Выход получался только один — бить.

Светка схватила ремень от юбки и помчалась за Ванькой, который заученно и бесстрастно стал маневрировать среди мебели. Он скользил между креслом, диваном, сервантом и столом, словно скользкий уж между камнями. Светка выдохлась через минуту и обессиленно упала в кресло.

— Сволочь! — только и смогла сказать она.

— Жиртрест, — с безопасного расстояния огрызнулся Ванька.

Если бы Светка знала, что это только начало! «Семечки», как говорила их общая с Алкой бабушка...

— Картошку не буду, винегрет не буду, а в особенности не буду пиццу с морепродуктами, — сказал за завтраком Ванька.

— А что будешь? — зло прищурилась Светка, которой первый раз в жизни с утра не хотелось есть.

— Лозанью и фруктовый торт.

— Если позвонишь в ресторан и сделаешь заказ на дом, убью, — лаконично предупредила она Ваньку.

— Сначала поймай, корова, — ухмыльнулся племянничек, ловко увернувшись от оплеухи.

В то утро Светка впервые за долгое время расплакалась. Она прорыдала в ванной целых пятнадцать минут, словно несчастная женщина, узнавшая об изменах любимого.

К обеду у нее выработалась чертовская осторожность.

К вечеру фантастически обострилась интуиция.

Она не ступала по квартире ни шагу, не просчитав в уме, какими последствиями он ей грозит.

При открывании шкафов взрывались петарды. При закрывании ничего не взрывалось, но Светка приседала от страха. Прежде чем сесть, она проверяла, не намазан ли чем-либо ее собственный зад, и нет ли клея или кнопок на кресле.

Механическая лягушка Светку достала. Она с отвратительным криком выпрыгивала из всех щелей и углов. К вечеру Светка перестала ее бояться.

Ванька несколько заскучал и оживился только тогда, когда, ложась спать, Светка обнаружила под одеялом отрубленную кровавую руку. Она визжала до тех пор, пока не прибежали соседи и битьем руки о батарею не доказали Светке, что она резиновая.

Спать Ванька улегся довольный. А Светка проворочалась без сна до утра, даже не вспомнив, что за весь день ничего не поела.

Через два дня к ней пришла комиссия из отдела опеки и попечительства.

— Почему ваш ребенок просит милостыню возле метро? — строго спросила тетка с рыжей химией на голове и лекторскими очками на переносице.

— Что делает мой ребенок? — не поняла Светка.

— Просит милостыню! — повысила голос тетка. — Причем, берет не только деньгами, но и продуктами!

— Ну, начнем с того, что это не мой ребенок, — нахмурилась Светка.

— А чей?! — заорала инспекторша или кто она там была. — Вы мальчишку голодом морите?!

Светка жестом пригласила тетку пройти к холодильнику.

— Только под ноги смотрите и никуда не садитесь, — предупредила она «опеку» и, распахнув холодильник, продемонстрировала запасы, которых хватило бы экспедиции, отправившейся зимовать в Арктику. Правда, запасы были несвежие, так как Светка несколько дней не ходила в магазин по причине отсутствия аппетита, но тетке это было знать ни к чему.

«Опека» пожалала плечами, нахмурилась и только собралась сказать свое веское слово в защиту Ваньки, как в рыжую химию, прямо с двери, с мерзким кваканьем прыгнула механическая лягушка. «Опека» завизжала, Светка захохотала, и тут, сразу в нескольких углах кухни, рванули петарды.

Светка даже не вздрогнула, зато «опека» неизящно и глупо присела, закрыв голову бюрократической папкой, из которой посыпались документы.

— Трудный ребенок, — вздохнув, пояснила Светка «опеке». — Отца нет, мама в Сочи.

— В кружок его запишите, — буркнула тетка, собрав документы и ретируясь к двери. — У нас хорошие кружки есть в Доме культуры: рисование, бальные танцы и... оригами.

— Хорошо, — пообещала «опеке» Светка, закрывая за нею дверь. — Только не завидую я вашему оригами.

Ванька беззвучно хохотал на диване.

— Сукин ты сын, — беззлобно бросила Светка. — Зачем побираешься?

— Так подают! — ответил Ванька, показывая карманы, набитые деньгами.

Ночь прошла спокойно, если не считать звонка на Светкин мобильный. Шепотом ей было дано указание вынести из дома все деньги и ценности и закопать их в песочнице, сказав «крэкс, фэкс, бэкс!» Светка так устала от всех этих шуточек, что послала звонившего по совсем не детскому адресу.

А утром пришел сосед. Тот самый, похожий со спины на Брэда Питта. Светка сначала потеряла дар речи, но быстро пришла в себя, когда сосед начал орать, что его машину с ее балкона забросали яйцами, а ручки дверей густо смазали вазелином. Спереди сосед оказался копией Стаса Пьехи, к которому Светка ровно дышала.

— Я три раза упал! — вопил он, показывая жирные руки и грязные джинсы. — Мальчишки во дворе видели, что это сделал ваш охламон!

— Это не мой охламон! — заорала на него Светка.

— А чей, мой, что ли?! — закричал гибрид Стаса Пьехи и Брэда Питта. — Почему он прицепился именно к моей машине?!

Светка, изловчившись, поймала Ваньку за ухо и потащила во двор.

— Почему ты прицепился именно к его машине? — трагическим тоном спросила она, держа Ваньку практически на весу.

— Потому что у него самая крутая тачка во дворе, а значит, он бандит, — объяснил Ванька, даже и не думая вырываться. — Приличные люди на «лексусах» не ездят!

— Ах, ты! — замахнулся на него сосед, но вовремя спохватился и сунул руку в карман. — Хорошо, если я скажу тебе, что я не бандит, а зубной врач, и у меня есть своя клиника, ты отцепишься от моей машины?

— Нет, — мотнул головой Ванька, болтая в воздухе ногами.

— А когда отцепишься?

— Когда ты на Светке женишься! — заорал Ванька. — Тогда у меня будет крутой дядька на «лексусе»!

Сосед громко фыркнул и уехал с разводами от яиц на лобовом стекле.

— Балбес, — выпустив Ваньку из рук, сказала Светка. — Теперь на мне вообще никто не женится.

— Спокуха, сеструха, — на всякий случай отойдя подальше, заявил Ванька. — Я подгоню на твои тела самых крутых в городе перцев!

Светка подпрыгнула и погнала Ваньку по двору с воплем «Убью!»

А вечером был пожар.

Маленький, ненастоящий, но очень запоминающийся.

Ванька поджег на балконе скворечник.

Хорошо, что птенцы уже вылетели, плохо — что предварительно Ванька забил скворечник ватой. Но хуже всего было то, что, вернувшись из магазина, Светка не обнаружила в сумке ключей.

Ждать пожарных у нее не хватило сил. Она взяла у соседки лейку с водой и по пожарной лестнице полезла тушить это безобразие. Внизу столпился любопытный народ, среди которого Светка отчетливо различила белобрысый затылок Ваньки.

На середине пути с нее слетела юбка. Просто взяла вдруг и полетела вниз, будто ей не на чем было держаться. Светка очень удивилась. С нее никогда не слетала одежда, даже если отлетали все пуговицы и ломались молнии. На девяносту пяти килограммах всегда есть за что зацепиться.

Когда юбка спланировала на толпу, Светка для приличия вскрикнула, хотя ей было плевать, что о ней подумают, тем более что на белье она не сэкономила.

Толпа зааплодировала, засвистела и захохотала.

Светка залила из лейки скворечник, прошла через балкон в квартиру и, под привычные взрывы петард, попыталась переодеться. К ее удивлению, все вещи оказались непомерно большими. И как она не замечала, что в последнее время ходит в хламидах на три размера больше?

Светка чуть не заплакала. Ко всем несчастьям прибавилось еще одно — ей нечего стало носить.

Она обернулась два раза халатом и вышла на улицу, прихватив ремень.

Ванька сидел в песочнице и швырялся песком в толпу. Какая-то тетка попыталась отвесить ему затрещину, но получила в глаза гость песка.

— Простите его, — жалобно обратилась Светка к толпе, забыв про ремень. — Он сирота! Папы нет, мама в Сочи...

— А тетка — дура! — закончил Ванька.

И Светка вновь погнала его по двору с воплем «Убью!!!»

— Ванька, ну, ты же хороший мальчик, — сказала она дома, в минуту затишья между взрывами и нападениями лягушки.

— Кто так считает? — нахмурился Ванька.

— Ну... я считаю, — неуверенно ответила Светка. — Хочешь, я тебя в кружок бальных танцев запишу?

— Лучше велик купи, толстуха!

На следующий день Светка купила велосипед.

Ваньки не было слышно три дня. Светка даже съела творожный сырок и без приключений помыла голову.

Где и чем питался Ванька, она понятия не имела.

Однажды вечером он пришел с шишкой на лбу, выбитым зубом и расцарапанными коленками.

— Под машину попал, — коротко пояснил Ванька, поставив в угол завязанный в узел велосипед.

Потом, правда, выяснилось, что это машина под него попала.

Соседский «Москвич» лишился лобового стекла, бампера, а заодно и водителя, который надолго слег в неврологический диспансер.

С велосипедом было покончено.

Ванька попросил компьютер.

Светка готова была черта лысого ему купить, лишь бы он забыл про педарды, механическую лягушку, отрубленные руки и ночные звонки на ее мобильник с распоряжениями похоронить в песочнице все свои капиталы.

Взяв кредит, она купила компьютер. Ваньки не было слышно недели две. За это время Светка успела наскоро прибрать квартиру, помыться в ванной без ущерба для здоровья и купить новый гардероб. По привычке она пошла за вещами на рынок. Увидев ее, знакомые тетки присвистнули:

— На какой диете сидите?

Светка хотела сказать, что диета называется «Ванька», но не рискнула.

Вещички ей подобрали отличные, в том смысле, что среди них были недоступные раньше юбки выше колен и узкие брюки.

Через неделю пришел счет за Интернет. Увидев в квитанции сумму, Светка стала громко икать, смеяться и плакать одновременно. Ее откачивали всем подъездом и всем спиртным, которое было в многоквартирном доме.

Очухавшись, она попыталась возродить интерес Ваньки к лягушке, педардам, резиновой руке и ночным звонкам, но попытка не удалась. Ваньку тянуло во всемирную паутину.

Светка взяла еще один кредит и оплатила счет. Потом пригласила мастера и попросила его отрубить Интернет.

Поняв, что выхода в сеть нет, Ванька ушел из дома, прихватив все наличные деньги.

Два дня Светка жила спокойно, даже начала смотреть сериал, а на третий день поняла, что ей не хватает опасностей. Ванька приучил ее жить в вечном стрессе, и это превратилось в жизненную необходимость.

Она пошла к метро и забрала оттуда грязного, но довольного Ваньку с коробкой звенящей мелочи.

Беспризорная жизнь пошла Ваньке на пользу. Он забыл про Интернет и вернулся к прежним забавам. В доме опять все взрывалось, пачкалось, падало на голову и выскакивало из-под ног.

— Ну что тебе не хватает?! — взмолилась однажды Светка.

— Мамки, папки, братика и сестрички, — не моргнув, ответил Ванька.

Ни на какие кредиты Светка дать ему этого не могла.

— Может, хоть собаку купишь? — хитро прищурился Ванька.

Светка расплывчато пообещала, что «подумает».

Килограммы все уходили. Есть было некогда и опасно для жизни. Самое безобидное, что мог подсыпать Ванька в еду — это дохлые мухи.

Вскоре одежда, купленная на рынке, стала висеть на ней, как на вешалке. Светка рискнула и отправилась в магазин.

— Да вы как конфетка, — похвалил ее продавец, когда она примерила узкое платье. — Бывают же такие фигуры!

Светка не стала уточнять свой размер, она привыкла жить, не зная его.

Наутро пришел сосед. Зубной врач был чем-то смущен и расстроен одновременно.

— Похоже, нам все-таки придется пожениться, — с места в карьер заявил он. — Твой дуралей сегодня замазал мне фары зеленкой, на номерах нарисовал бабочек, а на зеркало заднего вида наклеил картинку с совсем другим задним видом. Я в столб въехал! Хорошо, хоть не задавил никого. Так что выход один...

— А вдруг я соглашусь? — захохотала Светка.

— Во всяком случае, я этого не испугаюсь, — сказал сосед и ушел.

Светка прикинула себя в роли жены зубного врача и поняла, что она ей совсем не противна.

Вечером Ванька свалился с ангиной. У него поднялся жар и пропал голос. Светка вызвала «скорую», накупила лекарств и целую ночь дежурила у его постели. Ванька был тихий, беспомощный и беззащитный. Не удержавшись, она погладила его по голове.

— Мама?! — приоткрыв мутные глаза, спросил Ванька.

— Мама в Сочи, — всхлипнула Светка и отчего-то поцеловала его в горячую щеку.

Весь следующий день она пыталась дозвониться до Алки, но ее телефон был отключен. Видно, у Алки «масть пошла», или, наоборот, — «не пошла», Светка ничего в этом не понимала.

Ванька проболел две недели. За это время Светка узнала все про фолликулярную ангину и как ее лечить. Она ходила к врачам, знахаркам и даже в церковь. Когда однажды утром она выпила чай с горчицей, то поняла — Ванька пошел на поправку.

Зубной врач больше не приходил. Видимо, проблема женитьбы на Светке отпала вместе с болезнью Ваньки. Машину никто не портил, и жениться стало необязательно. Светка со злорадством ждала, когда Ванька окончательно встанет на ноги.

И дождалась.

В квартире прогремел мощный взрыв. Вынесло окна, надвое разнесло шкаф, раскурочило компьютер и телевизор.

— Не рассчитал, — усмехнувшись, пояснил Ванька.

— Ты не ранен?! — рыдая, ощупывала его Светка. — Не покалечен?!!

— Чем? — презрительно фыркнул он. — Всего-то грамм двести тротила.

Выглянув в разбитое окно, Светка увидела, как зубной врач суетится возле своего «лексуса», проверяя, не повреждена ли взрывом машина.

Другие соседи даже не вышли. Они привыкли, что название всем бедам одно — ВАНЬКА.

— Он сирота, — плача, давала показания Светка следователю прокуратуры. — Хороший мальчик! Папы нет, мама в Сочи, а тетка — дура...

Прошло больше месяца, а Алка все не приезжала.

Светка вставила стекла, выбросила испорченный шкаф, отдала в починку компьютер и купила собаку.

Ванька так увлекся щенком, что забыл про эксперименты с тротилом.

«Лексус» под окном пропал, переехав, видимо, на стоянку. Но однажды вечером, увидев его на привычном месте, Светка не выдержала и сама с удовольствием намазала ручки дверей вазелином.

На следующее утро раздался звонок.

Она открыла дверь, привычно увернувшись от упавшего сверху пакета с песком и пнув под зад орущую лягушку.

На пороге стояла загоревшая Алла.

— Мне Свету, — сказала она.

— А я кто? — возмутилась Светка.

— Ты?!! — поразилась сестрица и вдруг захохотала: — Это мой засранец тебя до сорок второго размера довел?!

— Он не засранец, — мрачно проговорила Светка, пропуская сестру в квартиру.

— Слушай, с тебя пятьсот баксов за курс похудения! — Алка, прежде чем сесть, внимательно оглядела стул. — Мне его надо еще Маринке подкинуть, у нее десять килограммов лишнего веса!

— Не надо его никому подкидывать! — возмутилась Светка.

— Да я еще на Кипр собираюсь смотаться, — смутилась вдруг Алла. — На неделю или две, как масть пойдет...

— Вот и езжайте на свой Кипр! — сказал бас в коридоре, и в кухню вошел сосед. Оказалось, что Светка не закрыла дверь, и он слышал весь разговор.

— А вы кто? — игриво спросила Алка.

— Жених, — представился зубной врач и, взяв с полки средство для мытья посуды, хотел отмыть руки от вазелина. Не успела Светка его предупредить, как руки врача по локоть оказались в черных чернилах.

— Сколько перемен! — вздохнула Алка и поднялась со стула. — И все за такое короткое время! Вот это масть! — восхитилась она. — Так мне Ваньку к Маринке отправить, или он тебе еще пригодится?

— Пригодится, — буркнула Светка.

— Пригодится, — подтвердил врач, рассматривая свои руки.

Когда за Алкой захлопнулась дверь, Светка поняла, что не причесана и не одета.

— Не суетись, — остановил ее сосед. — Тебя и так весь дом без юбки видел.

— Могли бы и представиться, — обиделась Светка, все же натягивая халат на ночную сорочку.

— Стас, — протянул врач перепачканную ладонь.

Светка неожиданно захохотала.

— А я видел, как ты мне вчера ручки дверей вазелином мазала, — сказал Стас, не зная, куда деть свои руки.

Светка перестала смеяться и почувствовала, что краснеет.

— Простите, — пробормотала она. — На меня Ванька плохо влияет.

— Ванька на всех плохо влияет, — вздохнул Стас. — Может, усыновим его, чтобы пороть можно было?

— Может, усыновим...

Они подошли к кровати, где в обнимку с собакой спал Ванька.

— Только на бальные танцы я не буду ходить, — не открывая глаз, сказал он.

— Куда я скажу, туда и пойдешь, — показал ему чернильно-вазелиновый кулак Стас. □

Илья Рюмин

ПОСОЛ

Советского Союза

Личность это легендарная. Первая в мире женщина-министр, первая в мире женщина-посол... Ее имя овеяно легендами, она — одна из самых загадочных женщин советской России, хотя бы потому, что, побывав на вершине революционной власти, сумела выжить и «взять» другую высоту — дипломатическую. Это все — об Александре Михайловне Коллонтай (в девичестве Домонтович), дочери полковника-аристократа и разведенной финской мещанки. Возлюбленной многих видных большевиков, так или иначе попавших в жернова революционного террора. Женщине, не имеющей никакого отношения к знаменитой «теории стакана воды», но воплощавшей эту теорию на практике до глубокой старости, сводя с ума мужчин, много моложе нее.

Александра родилась 1 апреля 1872 года в богатом трехэтажном особняке в семье полковника генерального штаба, который в сорок лет женился на разведенной женщине с тремя детьми. Сам по себе брак был скандальным для избранного петербургского общества, но супруги нежно и преданно любили друг друга. У их общей дочери — Александры — в крови (сложная смесь русской, украинской, финской, немецкой и французской) оказалось заложенным понятие о счастливом браке как о чем-то прекрасном, но осуждаемом окружающими.

У генеральской дочки (отец к этому времени стал генералом) было все, что полагалось детям привилегированного сословия: своя комната, няня-англичанка, гувернантка-француженка. И будущее у нее было вполне определенное: блестящая партия, дети, балы и поездки в усадьбу или за границу.

Воспитание девочка получила глубоко домашнее, но экзамены на аттестат зрелости сдала экстерном в петербургской мужской гимназии лучше многих гимназистов. Уже в юном возрасте она обнаруживала удивительную зрелость и гибкость ума в сочетании с чисто мужским подходом ко многим морально-этическим вопросам. Родители попрали устоявшиеся нормы общества, бросили ему вызов. Их дочь, имея перед глазами живой пример, поступила точно также, только пошла гораздо дальше в своих устремлениях, желаниях и представлениях о браке. Да и времена стремительно менялись.

Сдав экзамены, Александра получила сертификат школьной учительницы, что, по понятиям ее родителей, было вполне достаточно для девушки из хорошей семьи, которой «необходимо составить приличную партию». Поэтому на поступление в какое бы то ни было высшее учебное заведение было наложено категорическое «вето»: неизвестно, каких опасных и глупых идей нахватается там романтически настроенная девица.

Если бы родители могли хотя бы краешком глаза заглянуть в будущее дочери! Любой университет показался бы им пострижением в монастырь с самым строгим уставом.

Она посещала и Школу поощрения художеств, брала частные уроки рисования. Была даже введена в великосветское общество. В круг юношеского общения Александры Домонтович входил ее троюродный брат Игорь Лотарев, которого через несколько лет любители поэзии наградили титулом «короля поэтов». Странно, но Коллонтай чрезвычайно редко вспоминала о своем родстве с Игорем Северяниным и никогда не пыталась помочь ему вернуться на родину, когда он буквально погибал в неприветливой Финляндии.

Вокруг имени Коллонтай существовало и существует много сплетен и домыслов. Считается, например, что ей делал предложение руки и сердца адъютант императора генерал Тутолмин. Называют даже его возраст — 40 лет. Шура якобы отказала воздыхателю, но все дело в том, что... у Александра III в конце

80-х годов такого адъютанта просто не было. В русской армии служил генерал от кавалерии Иван Федорович Тутолмин, который с 1885 года командовал Кавказской казачьей дивизией и в столице физически отсутствовал.

Да если бы и был такой адъютант, он не стал бы делать предложение непосредственно девушке без разрешения на то ее родителей. Этого требовали светские приличия того времени.

Была еще одна, чрезвычайно живучая, сплетня (которую, по-видимому, поддерживала сама Александра). Якобы из-за Шуры застрелился сын генерала Драгомирова. Красиво, романтично, вышибает слезу, но... У генерала от инфантерии Михаила Ивановича Драгомирова было три сына: Владимир, Абрам и Александр, все — боевые офицеры. Двое из них дослужились до генеральского чина, один стал полковником. Умерли все в XX веке. В Шуру Домонтович никто из

них безответно не влюблялся и пулю себе в голову не пускал.

В реальности все было гораздо проще. Александра постоянно находилась под строгим присмотром матери, поэтому вела себя скромно и сдержано. В 1890 году девушка познакомилась с Владимиром Людвиговичем Коллонтаем, только-только получившим звание поручика и поступившим в Николаевскую инженерную академию. Она приходилась ему троюродной сестрой по материнской линии.

Родственные узы дали повод Владимиру посещать дом генерала Домонтовича, так что с Шурой молодой человек виделся регулярно.

поездку по европейским странам. Они надеялись, что дочь забудет поручика и найдет себе со временем достойного жениха.

В Европе Шура узнала про профсоюзы, Клару Цеткин, «Коммунистический манифест», — про все то, что в России было запретным. К тому же разлука не притупила чувства молодых людей, и они все-таки поженились в 1893 году. Немаловажную роль в этом сыграло очередное звание штабс-капитан, которое Владимир получил всего через два года после присвоения ему звания поручика.

Они были счастливой и красивой парой. Муж, мягкий, добрый, старался во всем ей угодить. Упрекнуть

У генеральской дочери было все, что полагалось детям привилегированного сословия: своя отдельная комната, няня-англичанка и гувернантка-француженка. И будущее у нее было вполне определенное: блестящая партия, дети, балы и поездки в усадьбу или за границу

Говорили они о политике, о социальной несправедливости, читали Герцена. Закончились эти встречи неожиданно. Девушка заявила родителям, что любит Владимира Коллонтая и хочет стать его женой. Но прожить на жалование поручика вдвоем считалось немислимым, поэтому мать категорически выступила против брака, хотя и понимала романтические устремления дочери.

От греха подальше родители отравили Александру в длительную

его было не в чем, но она хотела чего-то другого. Чего? Александра и сама не знала.

В 1894 году у них родился мальчик. Назвали его Михаилом. Но семейная идиллия продолжалась всего пять лет. Пока муж успешно делал военную карьеру (в 1895 году получил чин капитана), его жена с головой отдалась модным в те годы революционным течениям.

Шура начала работать в публичной библиотеке, где собирались сто-

личные вольнодумцы. Ее сыну, Мише, не исполнилось еще и полугода, а его мать, внезапно осознав, что не все в этом мире гармонично и справедливо, прониклась идеей участвовать в избавлении человечества от «вселенского зла».

Надо сказать, что в средствах молодая семья не была стеснена — отец выделил замужней дочери значительное содержание. Вечерами собирались, читали вслух социальную публицистику, отобранную Шурой. Заходили новые друзья хозяйки дома — учителя, журналисты, артисты — и до хрипоты спорили о политике.

ла моего мужа... Хотя я любила своего красивого мужа и говорила всем, что я страшно счастлива. Но мне все казалось, что это «счастье» меня как-то связало. Я хотела быть свободной. Маленькие хозяйственные и домашние заботы заполняли весь день, и я не могла больше писать повести и романы, как делала это, когда жила у родителей. Но хозяйство меня совсем не интересовало, а за сыном могла очень хорошо ухаживать няня Анна Петровна. Но Аннушка требовала, чтобы я сама занималась домом. Как только маленький сын засыпал, я целовала его мокрым от пота

ура начала работать в публичной библиотеке, где собирались столичные вольнодумцы. Ее сыну Мише не исполнилось еще и полугода, а его мать, внезапно осознав, что не все в этом мире гармонично и справедливо, прониклась идеей участвовать в избавлении человечества от «вселенского зла»

Есть такие женщины, которым Бог не дал таланта быть хранительницей семейного очага. Хотя, казалось бы, всем остальным природа их наградила: и красотой, и грацией, и обаянием, и умением любить, и умом... Но желанием создать семейный уют Шурочка Коллонтай была обделена так же, как бывает иногда человек начисто лишен слуха или голоса.

«Я хотела быть свободной, — признавалась она. — Мое недовольство браком началось очень рано. Я бунтовала против «тирана», так называ-

лобик, плотнее закутывала в одеяльце и шла в соседнюю комнату, чтобы снова взяться за книгу Ленина».

Александра покинула супружескую квартиру, сняла комнаты для себя, сына и няни, но не собиралась устраивать семейный уют, дом ей нужен был, чтобы делать дело — читать и писать. 13 августа 1898 года Коллонтай отправилась за границу, оставив сына на попечение родителей. Ей было двадцать шесть лет.

Она выбрала Швейцарию, чтобы получить образование, но, заболев

нервным расстройством, уехала в Италию, где писала статьи для газет и журналов, которые... никто не печатал. Нервное расстройство усилилось, врачи посоветовали вернуться домой.

Решающую роль в судьбе молодой женщины сыграло знакомство с ее ровесницей и «профессиональной» революционеркой Еленой Стасовой. Она довольно быстро ввела умную, романтически настроенную Александру в свой круг, где лидировали Владимир Ульянов, Юлий Мартов, Надежда Крупская. Все они отличались

непомерными амбициями и представляли собой новую поросль революционеров, ставивших своей первоочередной задачей свержение существующего строя.

Елена Стасова использовала Шуру в качестве курьера. Та возила какие-то посылки, письма, запрещенную литературу разным неизвестным личностям в условиях строжайшей конспирации. Для молодой неискушенной женщины подобное времяпрепровождение представлялось очень романтичным.

Хотя нельзя сказать, что решение бросить семью и «уйти в революцию» далось Шурочке легко. Она долго колебалась, плакала, но новые знакомые уже полностью опутали девушку своими идеями, и молодая женщина окончательно рассталась с мужем (официально же развод оформили лишь в 1916 году).

У Александры были другие заботы — вернувшись из-за границы в Россию в 1889 году, она сразу вступила в созданную год назад партию РСДРП, а позже познакомилась с Георгием Валентиновичем Плехановым. Во многом благодаря этому знакомству Коллонтай оказалась во фракции меньшевиков и тем самым отмежевалась от Ульянова-Ленина. Только в 1914 году, пере-

смотрев свои политические ориентиры, она вновь оказалась в лагере большевиков.

Когда в 1902 году умер ее отец, возникло множество бытовых проблем. Ей в наследство перешло имение, которое приносило большие доходы, позволявшие безбедно жить в Европе. Ей нужны были деньги, но заниматься их добычей, обременять себя финансовыми отчетами не хотелось. Дом отца продали, Коллонтай сняла хорошую квартиру: она предпочитала только творчество, и была уже автором трех книг по социальным проблемам, много писала о женском движении, о пролетарской нравственности, которая придет на смену буржуазной.

В 1905 году Александра обнаружила в себе еще один талант — талант оратора. Включившись в агитационную работу нелегалов, она с пафосом выступала на рабочих собраниях. На одном из них Шура познакомилась с соредактором первой легальной газеты социал-демократов в России Петром Масловым, которого отчаянно критиковал Ленин. Красноречивый русский экономист произвел на нее неизгладимое впечатление. Она говорила только о нем, и Петр Маслов —

степенный, расчетливый — бросился в омут любви, хотя и состоял в законном браке.

Личное гармонично сочеталось с общественным. Маслов читал цикл лекций в Германии — и Коллонтай приехала на учредительный съезд социал-демократов в Мангейм, затем — на конгресс Интернационала. А в Петербурге Петр смертельно боялся огласки, тайные свидания радости не приносили.

Тем временем бурная революционная деятельность Коллонтай не

Слева:
*С первым
мужем —
Владимиром
Коллонтаем*

*С сыном
Михаилом*

осталась без внимания властей. Ее арестовали, но выпустили под залог. Пока она укрывалась у писательницы Щепкиной-Куперник, друзья приготовили ей заграничный паспорт, и она сбежала. Ее разлука с Петербургом на этот раз растянулась на восемь лет.

Вскоре за ней последовал Петр Маслов, правда, ему пришлось взять с собой семью. Тайная любовь продолжилась в Берлине. Но роман начал тяготить Шуру Коллонтай, поскольку превратился в тривиальный адюльтер. Она уехала в Париж, сняла комнату в скромном семейном пансионе. Петр бросился за ней, правда... опять со всем своим семейством. Он приходил к любовнице каждый день, но ровно в половине десятого торопился домой. Коллонтай поняла, что такой эрзац супружеской жизни ее категорически не устраивает.

Конец романа был внезапным: на траурном митинге у могилы Лафаргов (необыкновенно романтическое место для начала нового романа!) Коллонтай заметила на себе пристальный взгляд молодого мужчины — прямой, открытый, властный. После похорон он подошел, похвалил ее речь, поцеловал ручку.

«Он мне мил, этот веселый, открытый, прямой и волевой парень», — писала она немного позже.

Тогда они долго бродили по городу, зашли в бистро. Она спросила, как его зовут. Это был Александр Шляпников, революционер-пролетарий. Ночью он привез ее в пригород, в скромный дом, где снимал крохот-

ную комнату. Ему было двадцать шесть, ей — тридцать девять.

Утром последовали объяснение и разрыв с Петром Масловым. Решили с Санькой уехать в Берлин, но она еще задержалась в Париже: прибыл муж, Владимир Коллонтай. Не читая, Шура подписала заготовленные его адвокатом документы о разводе, где всю вину брала на себя. Теперь ее бывший муж мог спокойно жениться на любимой женщине, с которой давно жил и которая очень любила их с Шурой сына Мишу.

Коллонтай писала позже, что, только начав жить с пролетарием, она стала лучше понимать жизнь и проблемы рабочих. Шляпников выполнял ответственные поручения Ленина, поэтому нечасто бывал дома. Когда же им удавалось подольше жить вместе, Шура замечала, что друг начинает ее раздражать. Мужчина, который при всей непритязательности все-таки требовал минимального ухода и внимания, был обузой. Он мешал ей работать, писать статьи и тезисы лекций.

Мировая война застала Коллонтай с сыном Мишей в Германии. Они вместе отдыхали в это лето в курортном городке Коль-груб. Их арестовали, но через два дня ее выпустили, так как она была врагом того режима, с которым Германия вступила в войну. Шура отправила сына в Россию, а сама уехала в Швецию, где был в то время Шляпников. Но из Швеции ее выслали за революционную агитацию, без права возвращения когда-либо. Выгнали навсегда.

Она остановилась в Норвегии. Наезжавший иногда Шляпников тяготил ее все больше, сказывались и долгая разлука с Россией, и бездеятельность. У нее началась депрессия, она писала о своем одиночестве и ненужности.

И в этот момент ее пригласили с лекциями в США, к тому же сам Ленин поручил ей перевести его книгу и попытаться издать в Штатах. Коллонтай выполнила его задание, да и лекции имели бешеный успех. Она объехала 123 города, и в каждом прочитала по лекции, а то и по две.

«Коллонтай покорила Америку!» — захлебывалась американская пресса.

Она выписала к себе сына и устроила Мишу через своих знакомых на военный завод, что освободило его от призыва в действующую российскую армию. Со Шляпниковым она порвала все отношения и уже собиралась навсегда обосноваться в столь гостеприимной Америке, как мир взорвался ошеломляющей новостью: русский царь отрекся от престола!

Ленин сам (!) написал Коллонтай, чтобы она спешно возвращалась на Родину — ее уже избрали в исполком Петроградского Совета. А потом события стали развиваться так стремительно, что, даже узнав о тяжелой болезни бывшего мужа, Александра едва нашла время его навестить. Но прийти на его похороны она не смогла: была целиком поглощена революционной работой.

Коллонтай принимала участие в заседании ЦК РСДРП (б) 23 октября

1917 года, принявшего решение о вооруженном восстании, была членом президиума проводившегося параллельно Второго съезда Советов (25–26 октября 1917 года). После установления власти большевиков и левых эсеров была избрана во ВЦИК и 30 октября лично от Ленина получила пост народного комиссара общественного призрения в первом составе Совета народных комиссаров.

Она — единственная женщина, попавшая в этот важный орган власти. Только давняя подруга Елена Стасова и Варвара Яковлева стали кандидатами в члены ЦК, остальные все — мужчины: Сталин, Свердлов, Ленин, Троцкий, Рыков, Дзержинский, Зиновьев, Каменев, Берзин, Бухарин...

При наркомате Коллонтай создала Отдел по охране материнства и младенчества и Коллегию по охране и обеспечению материнства и младенчества. Этот отдел был распущен в 1930 году. Между прочим, именно по инициативе Александры Михайловны была максимально упрощена процедура развода. Теперь для расторжения брака необходимо было лишь заявление одной из сторон и небольшая пошлина в государственную казну. Вся процедура занимает минуты, а не годы, как в царской России.

В январе 1918 года, когда наркомму понадобилось помещение под Дом инвалидов, Александра, с помощью отряда матросов, предприняла попытку реквизировать Александроневскую лавру в Петрограде, что

спровоцировало массовое сопротивление верующих, и реквизицию лавры пришлось отложить. Эксцессы (включая убийство) вокруг реквизиции лавры стали непосредственной причиной издания патриархом Тихоном «Воззвания», в котором накладывалась анафема на «безумцев».

агитации. Коллонтай отправилась на военные корабли.

Ее встретил председатель Центробалта матрос Павел Дыбенко, богатырь и бородач с ясными молодыми глазами. Он на руках перенес Шуру с трапа на катер. С этого дня он сопровождал ее во всех поездках, но роман развивался довольно мед-

Р

ешающую роль в судьбе молодой женщины сыграло знакомство с ее ровесницей и профессиональной революционеркой Еленой Стасовой. Она довольно быстро ввела романтически настроенную Александру в свой круг, где лидировали Владимир Ульянов, Юлий Мартов, Надежда Крупская. Все они отличались непомерными амбициями и представляли собой новую поросль революционеров, ставившей своей первоочередной задачей свержение существующего строя

В марте 1918 года Коллонтай выступила против Брестского мирного договора и в знак протеста вышла из состава правительства. Во время Гражданской войны она была направлена на Украину, где возглавила наркомат агитации и пропаганды Крымской советской республики, а также политический отдел Крымской армии.

Газеты следили за каждым ее шагом, про ее вдохновенные речи на митингах складывались легенды. Толпа всюду встречала ее восторженными криками. Ее ошеломительный ораторский успех побудил Ленина доверить ей самое трудное: воздействовать на матросов, которые совершенно не поддавались большевистской

ленно. Дыбенко был выходцем из неграмотной крестьянской семьи, он отличался лихостью, буйным темпераментом и импульсивностью и был на семнадцать лет моложе ее. Коллонтай колебалась, Дыбенко твердо шел к намеченной цели.

Кстати, именно Павел Ефимович возглавил первые отряды Красной армии. Он выступил против немецких оккупантов и наголову разбил их полчища под Нарвой. С тех славных времен вся страна и празднует 23 февраля — День советской армии и военно-морского флота.

Красивая сказка, безумная и страстная любовь... Они сочетались официальным браком. Эта запись является первой в книге актов

*С мужем —
Павлом
Дыбенко*

гражданского состояния молодого государства рабочих и крестьян.

«Я не намеревалась легализовать наши отношения, но аргументы Павла — если мы поженимся, то до последнего вздоха будем вместе — поколебали меня, — писала Коллонтай. — Важен был и моральный престиж народных комиссаров. Гражданский брак положил бы конец всем перешептываниям и улыбкам за нашими спинами...»

Молва об их пылкой любви дошла едва ли не до каждого российского гражданина. «Это человек, в котором преобладает не интеллект, а душа, сердце, воля, энергия, — писала Коллонтай про Дыбенко. — В нем, в его страстно нежной ласке нет ни

одного рящего, оскорбляющего женщину штриха... Дыбенко несомненный самородок, но нельзя этих буйных людей сразу делать наркомками, давать им такую власть... У них кружится голова».

Несмотря на все намерения порвать с Павлом, она продолжала с ним встречаться, хотя Дыбенко переводили из одной части в другую, а Коллонтай вернулась к своей работе в женотделе ЦК и женской секции Коминтерна заместителем Инессы Арманд, а после ее внезапной смерти — руководителем.

Она призывала не только к социальному раскрепощению женщины, но и утверждала ее право на свободный выбор в любви. Наиболее

ярко идеи Александры Коллонтай прозвучали в нашумевшей в те годы статье «Дорогу крылатому Эросу!», где был брошен клич не сдерживать своих сексуальных устремлений, раскрепостить инстинкты и дать простор любовным наслаждениям.

В 1924 году издательство Коммунистического университета имени Свердлова выпустило брошюру «Революция и молодежь», в которой были сформулированы 12 «половых» заповедей революционного пролетариата. Но, как только большевики укрепили свою власть, «дорога крылатому Эросу» была закрыта. Строители нового общества не должны были растрчивать свою энергию на сексуальные забавы. Все силы трудящихся направлялись отныне на строительство нового государства. А любить полагалось не женщин, а большевистскую партию, ее вождей. Реформаторские идеи Алек-

сандры Коллонтай увяли на корню, закончилась ее работа и на женском фронте.

Впрочем, Коллонтай давно не нравилось то, что творилось в большевистской партии. Она чувствовала, что внутривнутрипартийная борьба добром не кончится, и решила спрятаться. Ее люто ненавидел Зиновьев. По его просьбе Сталин отправил Шуру в Норвегию, по сути, в почетную ссылку.

Попав на дипломатическую работу, Александра Михайловна поразительно преобразилась. Она «потушила» свой пламенный революционный взор, навсегда забыла кожаную комиссарскую тужурку и перестала пить водку стаканами. В ее манерах появились изысканность и аристократизм. Внешний образ удачно дополнил тщательно подобранный гардероб. Знание многих языков также было боль-

шим плюсом. А в сочетании с незаурядным умом все это делало Коллонтай респектабельной дамой и прекрасным собеседником.

С 1923 по 1930 годы Коллонтай работала советским полпредом и

Боди, французский коммунист, секретарь советской миссии. Он был на двадцать один год младше своей подруги, и стал ее последней любовью.

Наконец-то капризная судьба благосклонна к Александре Михайлов-

опав на дипломатическую работу, Александра буквально преобразилась. Она «потушила» свой пламенный революционный взор, навсегда забыла комиссарскую кожаную тужурку и перестала пить водку стаканами. В ее манерах появились изысканность и аристократизм, которые, в сочетании с незаурядным умом, делали Коллонтай респектабельной дамой

торгпредом в Норвегии, во многом поспособствовав политическому признанию этой страной СССР. В 1926–1927 годах некоторое время работала в Мексике, где также добилась определенных успехов в улучшении советско-мексиканских отношений, но ей не подошел климат, и она вернулась в знакомую Скандинавию, где к представительству в Норвегии добавилось исполнение отдельных поручений в торговом представительстве в Швеции.

В 1923 году Александра в последний раз увиделась с Дыбенко, к которому давно уже охладела и с которым, естественно, развелась по ею же упрощенной процедуре. Бывший муж неожиданно приехал в Норвегию — попытаться восстановить семью, но вернулся в Россию ни с чем, и больше они никогда не виделись.

В Норвегии другом, помощником и советником Коллонтай был Марсель

не. Она получила тихое спокойное женское счастье. Но... через несколько лет Марсель разочаровался в партии большевиков и уехал во Францию. Коллонтай мгновенно оборвала с ним все связи — времена наступали суровые. В Москве расстреляли сначала Шляпникова, потом — Дыбенко. В России свирепствовал террор. Письма друзей были полны уныния.

«Жить — жутко», — писала Александра. Готовилось дело об «изменниках-дипломатах», в списке была и ее фамилия. Но громкого процесса не последовало, дипломатов «убирали» тихо.

А Коллонтай уцелела, скорее всего, потому, что практически руководила всей политической работой в Скандинавии, и ее деятельность имела огромное значение для СССР. Замену ей найти было, мягко говоря, проблематично. Сталин без Александры

Михайловны оказался бы как без рук в северных странах Европы.

С апреля 1930 года Коллонтай — полпред в Швеции. Ее встретили очень настороженно, и, тем не менее, шведы закрыли глаза на собственный указ от 1914 года о высылке госпожи Коллонтай из страны. Посол Советского Союза сумела доказать шведам, что ныне она уже не пламенная революционерка, а вполне респектабельный дипломат.

30 октября 1930 года при вручении верительных грамот Александра обворожила старого шведского короля Густава V, а газетчики, все как один, отметили броский туалет советского посла: русские кружева на бархатном платье.

Муза Канивез, жена Федора Раскольникова, вспоминала о встрече с Коллонтай:

«В то утро в Стокгольме я увидела ее впервые. Передо мной стояла невысокая, уже немолодая, начинающая полнеть женщина, но какие живые и умные глаза!.. Во время обеда Коллонтай пожаловалась: «Во всем мире пишут о моих туалетах, жемчугах и бриллиантах и почему-то особенно о моих мантиях из шиншиллы. Посмотрите, одно из них сейчас на мне». И мы увидели довольно поношенное котиковое манти, какое можно было принять за шиншиллу только при большом воображении...»

Одной из важнейших задач, стоящих перед новым советским послом в Швеции, была нейтрализация влияния гитлеровской Германии в Скандинавии. Когда в ходе «зим-

ней» советско-финской войны Швеция, поддерживаемая Великобританией, отправила в Финляндию два батальона добровольцев и стояла на грани открытого вступления в войну против СССР, Коллонтай добилась от шведов смягчения их позиции и посредничества в советско-финских переговорах.

В 1944 году в ранге чрезвычайного и полномочного посла в Швеции она вновь взяла на себя роль посредника в переговорах о выходе Финляндии из войны. Это значительно ускорило победу советских войск в войне с фашистской Германией. Вообще в Швеции Александра Коллонтай работала до изнеможения — и организм не выдержал напряжения: в год великих побед у нее случился инсульт. Была парализована левая половина тела, о дипломатической работе больше не могло быть и речи.

Ради исторической правды нельзя не сказать, что, находясь на высоких дипломатических постах, Коллонтай полностью и безоговорочно поддерживала тот политический курс, который проводил Сталин и его окружение. Ярким примером тому могут служить хотя бы те же публичные заявления бывшей генеральской дочери и жены, что в Советском Союзе нет такого понятия как военнопленные. Солдаты и офицеры рабоче-крестьянской Красной армии классовым врагам в плен не сдаются. Плен расценивается как измена Родине, а изменники заслуживают только расстрела.

В марте 1945 года Молотов сообщил телеграммой в Швецию, что

за послом прилетит специальный самолет. Во Внуково Шуру встретил внук Владимир и отвез в новую просторную квартиру на Малой Калужской улице. Но Александра Михайловна продолжала работать и выполняла функции советника в МИДе. В доме на Калужской улице допоздна горел свет.

«Мой отдых вечером — книги по истории, монография или исследование античного мира. Факты, факты, я по ним делаю свои выводы о прошлом и будущем человечестве... В мире очень тревожно...»

Александра Михайловна покинула этот мир 9 марта 1952 года, не дожив нескольких дней до своего восьмидесятилетия. В своем дневнике незадолго до смерти она напи-

сала: «Я любила жизнь и очень хотела быть счастливой».

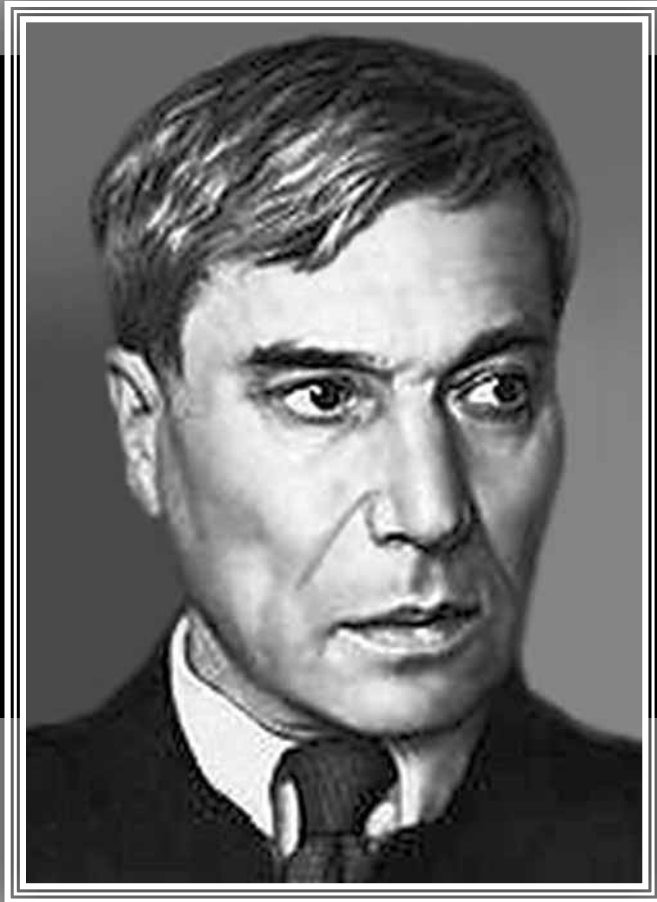
Похоронили ее на Новодевичьем кладбище.

Кстати, различные дневники Александры Михайловны вела всю свою жизнь — от девичества и до смерти. В одни она записывала свои мысли, в другие хронологию событий, в третьи заносила характеристики на товарищей по партии и на политических оппонентов. Так что весь ее судьбоносный путь как на ладони.

К этой женщине все относится по-разному. Но в любом случае она заслуживает уважения целеустремленностью и преданностью идее всеобщего равенства и братства, как бы смешно и наивно это ни казалось людям двадцать первого века. □

*К 125-летию со дня рождения
Б.Л. Пастернака*

Юрий Осипов

**«Полёта
вольное
упорство»**

Б. Пастернак

Небогатый внешними событиями жизненный путь Бориса Пастернака неотделим от творческого. И оба — сродни солнечному лучу в каплях летнего дождя на зелени сада. Радость — ключевое понятие, которое можно применить к этому большому явлению русской литературы XX века, несмотря на то, что «судьба-злодейка» не раз преподносила Борису Леонидовичу трагические сюрпризы. Он встречал их с мужественной отрешенностью «небожителя» (так пренебрежительно окрестил его, решив не сводить с ним счеты, Сталин).

Отец поэта получил неполное медицинское, а затем юридическое образование в московском и одесском университетах, правда, с двухлетним перерывом на учебу в Мюнхенской академии художеств. Она то и определила его окончательный выбор профессии, его призвание. Замечательный художник-график Леонид Пастернак дружил с Львом Толстым, который доверял ему иллюстрировать свои произведения. В 1889 году он женился на Розалии Кауфман, которая была одной из самых популярных пианисток в России. А год спустя у них в Москве родился первый сын Борис. Это произошло 29 января (10 февраля), в годовщину смерти Пушкина. В гостеприимном доме родителей Пастернака в Оружейном переулке бывали блестящие люди искусства, литературы, музыки. В этой рафинированной атмосфере проходило детство и отрочество будущего поэта. *«Голоса приближаются: Скрыбин. / О, куда мне бежать от шагов моего божества!»*

В 1900 году, несмотря на связи отца, отлично сданные вступительные экзамены и даже заступничество московского городского главы, мальчик в Пятую гимназию, по процентной норме евреев — 10 из 345, не приняли. Директор предложил выход: год занятий с домашними учителями и зачисление во второй класс на новую вакансию. Гимназия находилась на углу Поварской. Учили там хорошо, и отношения у Бориса с одноклассниками не оставляли желать лучшего. Он с юности обладал способностью

влюбляться в людей и приписывать им разные совершенства.

Крестили в детстве Пастернака или нет, точно неизвестно, однако сам он считал себя крещеным и мерил собственную жизнь этой мерой. Картинки детства сменялись отроческими, более яркими. Особенно запомнился ему в одиннадцать лет парад дагомейских амазонок в Зоологическом саду, пробудивший в нем первые сложные эротические представления. Следующие любимые воспоминания Пастернак относит к 1904 году, преддверию первой русской революции. Все они детализировано будут описаны как бы в «сдвоенной» биографии поэта — «Охранной грамоте» и «Людах и положениях».

К тому времени семья жила уже на новой квартире с причудливыми комнатами разной геометрической формы в главном здании Училища живописи, ваяния и зодчества, где преподавал Леонид Пастернак. Под влиянием Скрыбина Борис начал серьезно заниматься музыкой, достиг даже некоторых успехов в композиции, но, за неимением абсолютного слуха, оставил эти занятия. «Я даю уроки, готовлюсь к экзамену, у меня мало времени, и оттого я свободен», — сообщал он в письме. Еще в 19 лет Пастернак отождествлял свободу лишь с «безумным превышением своих сил». И всю жизнь будет следовать этому принципу.

Первое знакомство с Петербургом предшествовало первой влюбленности. Оба события оставили в душе Пастернака глубокий след. Как и поездка в Берлин с родителями

ми. То была его первая заграница. К этим воспоминаниям он раз за разом возвращался в юношеских и более поздних стихах. Вообще все, что с ним происходило в жизни, находило непосредственное отражение в творчестве. Так, поэма «Девятьсот пятый год» вобрала в себя не только строго документальную хронику революционных выступлений, но и автобиографи-

ческий эпизод, когда, надолго отлучившись из дома в самый разгар московского восстания, Борис попал под ногайки казацкого патруля. Спустя несколько десятилетий этот эпизод войдет в роман «Доктор Живаго».

В 1908 году Пастернак с отличием окончил гимназию и как медалист без экзаменов поступил, по стопам отца, на юридический фа-

культет Московского университета, чтобы через год перевестись на историко-филологическое отделение. Именно 1909 годом он обозначает начало своего поэтического опыта. «Мир — это музыка, к которой надо найти слова» — его собственная, абсолютно точная формулировка того, к чему Пастернак стремился в ранних стихах, в отличие от Мандельштама, мечтавшего, чтобы «слово в музыку вернулось». Антиподы в жизни и поэзии, они мучительно тянулись друг к другу, хотя в творческом плане Мандельштам шел «к себе», а Пастернак — «от себя». Первый мечтал о «блаженном, бессмысленном слове», второй — о «прекрасной ясности».

годами. Очень трудно ему было гармонизировать две составляющих своей поэзии — рациональность и хаос, упорядоченность и порыв. Еще труднее оказалось прийти в зрелые годы к «неслыханной простоте».

После поступления в университет духовное и творческое созревание Бориса Пастернака происходило с удивительной быстротой. Два-три года, и это был сложившийся поэт, еще ищущий свое «я», но уже обладающий самобытным языком и особым видением мира. Рядом с ним стали появляться первые друзья, подруги по переписке, возлюбленная, роман с которой позже постепенно перетек

После поступления в университет духовное и творческое созревание Пастернака происходило с удивительной быстротой. Два-три года, и это был уже сложившийся поэт, еще ищущий свое «я», но обладающий самобытным языком и особым видением мира

Поэзия Пастернака начального периода одновременно и сложна, и проста для восприятия, если принять предложенные им «правила игры». Дело в том, что слово у него зачастую не смысловая единица, а строительный материал. В ранних стихах он не рассказывал о мире, но созидал его. Этот достаточно новый поэтический метод настораживал многих и шлифовался автором

в письма, в дружбу, продолжавшуюся всю жизнь.

Наряду с Мариной Цветаевой и ее дочерью Ариадной Эфрон, Ольга Фрайденбург оставалась едва ли не лучшей собеседницей Пастернака, умевшей поддержать его в трудную минуту и терпеливо врачевавшей его душевные раны. С 1932 года она заведовала кафедрой классической литературы ЛГУ. В 1950

году ее выгнали из университета. Через пять лет Фрайденберг умерла после тяжелой длительной болезни. Замуж она так и не вышла. Во время блокады не покинула Ленинград, а из всех своих литературных заслуг, включая серьезные книги, главной считала общение с Пастернаком. Причем именно она подсказала ему немало важных идей и сюжетных ходов.

Между тем, к 1910 году в семье Пастернака начались трения. Родители были недовольны, что их первенец бросил музыку, и пренебрежительно относились к его литературным занятиям. А сам он в этот период постепенно отходил от семьи и все больше пытался жить своими интересами. Стремясь к материальной независимости, давал частные уроки и слыл образцовым репетитором. Завел близкого друга Костю Локса, студента философского факультета, с которым посещал семинар по древнегреческой литературе. В современной же им литературной жизни обоих потрясло поистине знаковое событие — уход Льва Толстого из Ясной Поляны. И оба, затаив дыхание, слушали доклад об этом Андрея Белого. Его Пастернак боготворил с детства.

7 ноября в доме смотрителя железнодорожной станции Астапово умер Толстой. Поездка туда с отцом, которого, рыдая, обняла при встрече Софья Андреевна, сильно повлияла на Пастернака. Тема железной дороги, как символ исторической предопределенности, будет постоянно возникать в его поэзии. Не

случайно один из лучших стихотворных циклов зрелого Пастернака получил название «На утренних поездах». Этот символ появится также в «Докторе Живаго», а позже ляжет отражением на заранее намеченное место собственного упокоения — Переделкинское кладбище, рядом с железнодорожной платформой, через поле от его дачи. «Жизнь прожить — не поле перейти», — любил повторять он в поздние годы.

В апреле 1911-го Пастернаки переехали на Волхонку, где Леониду Осиповичу предоставили новую квартиру от училища. На Волхонке Борис Леонидович прожил, с перерывами, до 1938 года, пока не получил свою последнюю квартиру в писательском доме в Лаврушенском переулке. С Волхонки Борис, старшекурсником, бегал на занятия литературного кружка при знаменитом издательстве мирискусников «Мусaget», в котором заправлял Андрей Белый. Бывал там и Александр Блок.

Еще два важных события в жизни Пастернака приходятся на 1911 год. Он обрел неразлучных с ним на будущие десятилетия друзей — поэта Николая Асеева и разностороннего литератора Сергея Боброва, с которыми рассорится только в тридцатых.

Этим двоим он впервые решился прочесть среди своих начальных поэтических опытов знаменитое: «*Февраль. Достать чернил и плакать! / Писать о феврале навзрыд...*» Стихотворение, написанное в том же году, привело обоих друзей в восторг. Оно стало рубежом, обозначившим подлинный взлет пастернаковско-

го таланта, которым восторженный 19-летний юноша, слегка не от мира сего, «был набит по горло», как выразился впоследствии поэт Николай Заболоцкий. Невероятно требовательный к себе, Пастернак неизменно открывал «Февралем» каждый сборник избранных стихов.

Поскольку черновики поэт безжалостно уничтожал, рукописи его ранних стихотворений до нас не дошли, и о работе Пастернака со словом можно судить лишь по но-

вым редакциям старых стихов. Писать он мог в любое время и на чем угодно, записными книжками не пользовался. Над строчкой долго не корпел, если одна не удавалась, легко заменял всю строфу. В зрелости дольше занимался отделкой стиха, но и тогда любое стихотворение редко писал дольше трех часов.

Ахматова, сочиняя стихи, тихо «гудела», проборматывая их про себя. Мандельшам с полужакрытыми глазами пробовал строку на звук,

как бы пропевал ее и каждую подолгу обдумывал. Пастернак же мыслил не строчками, а целыми строфами и начинал писать, только представив себе общую композицию стихотворения. При этом побудительным толчком ему служил конкретный зрительный образ. Лучше всего Борису Леонидовичу работалось после долгой прогулки по городским улицам или в переделкинском лесу. Вернувшись домой, переносил уже сочиненное на бумагу, пил крепкий чай, курил. На письменном столе, как и Блок, не терпел ничего лишнего. В кабинете — тоже. Аскетическая обстановка, минимум мебели и книг.

Это стихотворение относится уже к числу бесспорных шедевров пастернаковской лирики.

В 1913 году Борис принял участие в создании футуристического объединения «Центрифуга». Группа просуществовала недолго (Пастернаку была органически чужда всякая групповщина), однако, благодаря ей, произошла знаменательная встреча Пастернака и Маяковского, которые, несмотря на дальнейшие идейные расхождения, сохранили глубокое уважение и интерес к творчеству друг друга.

Лето 1914 года Борис провел домашним учителем в семье символи-

Он прожил в Советском Союзе большую, порой трудную, порой относительно благополучную и достаточно изолированную жизнь, в ореоле читательского почитания и мировой известности. Пережил Сталина, развенчание культа личности, хрущевскую «оттепель», окончившуюся для него трагедией и смертью

Первая любовная драма следующего года — предложение и отказ дочери крупнейшего российского чаезаводчика Иды Высоцкой — завершила формирование Пастернака-поэта.

*Я вздрагивал. Я загорался и гас.
Я трясся. Я сделал сейчас
предложение, —
Но поздно, я сдрейфил, и вот
мне — отказ.
Как жаль ее слез! Я святого
блаженной.*

ста Юргиса Балтрушайтиса, на Оке, близ Алексина. В свободные часы, заработка ради, переводил для недавно открывшегося Камерного театра Таирова комедию Клейста «Разбитый кувшин». (Переводческий дар выручит поэта в годы сталинского запрета на публикации его собственных стихов и подарит нам Гете, Шиллера, Шекспира в его дивных переводах.)

Но стихи продолжали неотвратимо накапливаться и отбираться ав-

тором в его первый сборник «Блинец в тучах», где, в отличие от Маяковского или Ахматовой, пока еще нащупывал свою индивидуальную манеру письма. Зато книга «Сестра моя жизнь» стала уже подлинной вершиной раннего Пастернака.

Приближался 1917 год. На присущую Пастернаку остроту восприятия мятежного времени наложилась тогда любовь, столь же тревожная, беспокойная и страстная. Звали ее Еленой Виноград. Совпадение любви и революции, а затем — разрухи и любви, дало себя знать как в отдельных частях книги «Сестра моя жизнь», так и в последующих «Темах и вариациях», «Высокой болезни», поэме «Спекторский», проникнутых притягательной чувственностью, апофеоз которой — «Свеча горела на столе...»

Первая жена Пастернака, Евгения Лурье, отличалась неброской благородной красотой, подобно Ольге Фрейденберг, не говоря уже о чрезвычайно обаятельной, но внешне отнюдь не эффектной Марине Цветаевой. Часто колеблясь, Борис Леонидович в своем любовном выборе больше следовал «интуиции плоти», склоняясь в пользу яркой и неотразимой женской красоты Иды Высоцкой, Елены Виноград, Зинаиды Нейгауз, Ольги Ивинской.

Пастернаку в 1917-м исполнилось 27 лет. Он жил в Москве, в Сивцевом Вражке, и пытался выжить. Революцию — и тогда, и потом — принимал как стихийное явление и, следовательно, как неизбежность. Это многое объясняет в

его творчестве, в его судьбе. Между тем лик революции менялся стремительно, и поэт, давший пронзительный образ семнадцатого года, назвал в книге «Темы и вариации» точные приметы года следующего, начала эпохи «военного коммунизма»: «А в наши дни и воздух пахнет смертью. / Открыть окно, что жилы отворить». Искореняя старый мир с его пороками, революция неотвратимо уничтожала и христианские добродетели, отменяла милосердие.

Осознав это, Пастернак надолго закрылся в себе. «У нас озверели все... Озверели и отчаялись», — признавался он в письмах. В отличие от Маяковского, выстрелы на улицах его не возбуждали. И хотя после революции Москву и Питер наводнили поэтические кафе, с морковным кофе и пирожными из черного хлеба в повидле, жизнь быстро скудела, духовно и материально. Надо было где-то работать. В девятнадцатом году Пастернак, по заказу Горького, занялся переводом для «Всемирной литературы» своего Клейста, а летом возделывал с отцом огород под Москвой, поблизости от нынешней платформы Очаково. Он всегда гордился, что умеет обрабатывать землю своими руками. Но стихов в то время писал мало.

Не вынес Пастернак и журналистской поденщины в московской железнодорожной газете «Гудок», давшей прибежище Катаеву, Булгакову, Ильфу и Петрову. Пытался, было, устроиться на государственную службу, однако тупость новой власти слишком угнетала. Он про-

бовал убедить себя, что массы хотят именно такой жизни — с мертвящей бюрократией, бесконечными декретами и расстрелами на месте. Убедить пробовал, но заставить себя полюбить эту жизнь не мог.

Душевный перелом сопровождался длительной болезнью, а в Москве тогда, при тотальной нехватке жиров, белков, сахара, выздороветь было трудно. В Петрограде все-таки жить было полегче — как-никак, пайки при горьковском издательстве «Всемирная литература», общежитие в Доме искусств, богемные тусовки. В Москве же, пока в нее не перенесли столицу молодого государства, издательства прекратили существование. Стихи распространялись переписанными от руки, их читали с эстрады на поэтических вечерах, делать чего Пастернак в принципе не любил, хотя этим прославился.

В 1919 году Леонида Осиповича пригласили в Кремль писать портреты вождей на VII съезде Советов. Заплатить удосужились только через два года, да и то в результате специального распоряжения Ленина. До этого семья жила продажей книг, огородом, редкими продовольственными посылками от друзей и поэтическими выступлениями Бориса то в кафе, то в Политехническом.

Когда оживилась издательская деятельность, Госиздат за гроши купил у Пастернака рукопись «Сестры», которую так и не выпустил. Аналогичная история произошла на следующий год и с «Темами и вариациями». Только после того, как «Се-

стру мою жизнь» издал в 1921 году, перекупив ее у Госиздата, Гржебин, сборник сделался сенсацией. Благодаря этому Пастернак удачно продал «Темы и вариации» берлинскому издательству «Геликон», с правом распространения книги в Москве. Она вышла в 1923 году. Начинался советский период творчества поэта.

Он прожил в Советском Союзе большую, порой трудную, порой относительно благополучную и достаточно изолированную жизнь, в ореоле читательского почитания и мировой известности. Пережил смерть Сталина, развенчание культа личности, хрущевскую «оттепель», окончившуюся для него трагедией и смертью. Испытал творческие кризисы, личные невзгоды и любовные увлечения, успел насладиться семейным покоем. И до конца следовал своему давнему принципу: «Неумение найти и сказать правду — недостаток, которого никаким умением говорить неправду не покрыть».

Поэма «Высокая болезнь» явилась первым послереволюционным обращением Пастернака к социальной теме. Сам автор считал эту поэму неудачной. Так или иначе, публикация поэмы в 1924 году доказывала право беспартийного интеллигента, отказавшегося от эмиграции и принявшего революцию, говорить с эпохой на равных, не подлаживаясь под конъюнктуру. Реакция критики тоже была благожелательной. Удивительно, что Пастернак, не прилагая к тому усилий, обладал каким-то гипнотическим воздействием на современников, даже далеких от него.

Елена Виноград

Затем последовали предельно «социальные» поэмы «905 год» и «Лейтенант Шмидт», также не вызвавшие пристального внимания читающей публики и гораздо выше оцененные самим автором. Цветаева сетовала в письме Пастернаку на то, что он не выбрал в герои поэмы более крупную революционную личность, например, Каляева.

Увы, Марина Ивановна не поняла замысла вещи — показать интеллигента-заложника, который возглавляет восстание на крейсере «Очков», отчаявшись убедить матросов в его бесперспективности. Пастернак не романтизировал казненного Шмидта и его товарищей, но скорбил над их напрасной гибелью, поднимаясь до ошеломляющего поэтического обобщения: *«Распрощавшись с ними, жизнь брела по дамбе. / Уходила к людям в сонный городок...»* По богатству ритмов и об-

Зинаида Нейгауз

разной ткани «Лейтенант Шмидт» не имеет себе равных в советской поэзии. Это первая фабульная поэма Пастернака, которой принялись подражать куда менее даровитые собратья по перу. Исключение — Твардовский, чью «Страну Муравью» и «Василия Теркина» Пастернак высоко ценил.

Наступивший 1927 год стал для Бориса Леонидовича годом напряженных духовных поисков и нарастающего, при всем литературном успехе, внутреннего одиночества. Цветаева давно еще заметила, что его поэтический мир — это мир безбрежной печали и бесконечного пространства, в котором с высоты не видно людей. В том же двадцать седьмом году у Пастернака наметились с Мариной Ивановной непримиримые расхождения. Их «роман в письмах» оборвался. Тогда же произошла его серьезная ссора с Асее-

*С Евгенией Лурье
и сыном
Евгением*

вым. Пастернак окончательно вышел из ЛЕФа и расстался с Маяковским, продолжая с ним «переключку» в стихах.

К тому же исчерпал себя его первый брак. Новогоднюю ночь 1927 года Борис Леонидович провел за письменным столом, рядом с кроваткой спящего трехлетнего сына, пока жена встречала Новый год в «лефовской» компании. Утром Маяковский проводил ее с Лубянского проезда на Волхонку и поднялся к ним в квартиру поздравить Пастернака.

«Охранную грамоту» Пастернак писал как своеобразную эпитафию Есенину, Маяковскому, Рильке и, отчасти, себе. С самоубийством (убийством?) Маяковского в 1930 году бесповоротно закончилась первая часть его поэтической биографии. Маяковский защищал Пастернака с «неистовством любви», с таким же неистовством горечи огромной утраты говорил сейчас о Маяковском Пастернак.

Из литературы, между тем, неуклонно «откачивали воздух». Волна

репрессий захватывала лучших. Чудом уцелевшие таланты, вроде Федина, Каверина, Антакольского, приспособивались к соцреализму. Верные «линии партии» литературные пигмеи правили бал в журналах, издательствах, писательских организациях.

Пастернак любил скромный бытовой комфорт, упорядоченность жизни. И особенно — полученную по разнарядке Горького небольшую литфондовскую дачу в писательском поселке Переделкино, которая стала его «приютом «спокойствия, трудов и вдохновения». Основной же приметой брака Бориса Леонидовича с Евгенией Лурье было именно житейское неустройство, разного рода неурядицы, хотя зависимость от быта считалась в их кругу постыдной.

С Лурье Пастернака свело скорее обоюдное одиночество, нежели сильное чувство, которое властно толкнуло его к Зинаиде Нейгауз, жене прославленного пианиста. Не сразу она ответила ему взаимностью, но они прожили в согласии тридцать лет, и Пастернак говорил, что хотел бы умереть у нее на руках. Так оно и вышло.

А тогда, в июле 1931 года, Борис Леонидович, по настойчивому приглашению выдающихся грузинских поэтов Т. Табидзе и П. Яшвили, отправился с Зинаидой Николаевной в долгое свадебное путешествие. Благодарной данью этой стране стали его переводы грузинской поэзии.

Возвращение домой, под обновленный супружеский кров, было также возвращением к обновлен-

ной Родине. Из той давней поры придут к нам тысячу раз распетые ныне строчки: «Никого не будет в доме...» Пастернак тридцать первого года, наслаждаясь семейным счастьем, подразумевающим лояльность, еще хотел верить, что революция защищает, а не уничтожает,

Ольга Ивинская

восстанавливает, а не усугубляет несправедливость.

Расплата за простительное заблуждение наступит позднее. А тогда, в отсутствие покончивших с собой Есенина и Маяковского, Бориса Пастернака на короткий срок (до 1936-го) «назначат» первым поэтом эпохи — вслед арестованному Мандельштаму, оценку которому попросил его по телефону дать Сталин. Уклончивый, но единственно верный ответ Пастернака послужит в дальнейшем исходным пунктом сравне-

ний двух поэтических гениев. Один — чуждый благополучию, весь вне быта, гордящийся своим изгойством. Другой — привязанный ко всему земному, сажающий на дачном участке цветы и деревья. Пастернак был готов в принципе мириться почти со всем, Мандельштам — почти ни с чем. Первый скончался на переделкинской даче, второй — в лагерном бараке. И оба они, каждый по-своему, оказались распятыми судьбой.

На первом съезде Союза советских писателей в августе 1934 года Бориса Пастернака избрали в правление Союза, в составе которого он пробыл до 1945 года, но занимался в основном переводами. А с 1936 года демонстративно беспартийного Пастернака примутся почти непрерывно травить в прессе и прорабатывать в Союзе писателей за «небожителство», «невнятность», «аполитичность». Он же, наряду со

все более редкими публикациями собственных стихов и спасительными переводами, начнет исподволь сочинять исповедальный роман.

Понадобился Пастернак режиму в тридцать пятом. Горького побоялись выпустить во главе советской делегации на Всемирный антифашистский конгресс писателей в Париже. Алексея Толстого и Илью Эренбурга на Западе знали мало, поэтому руководители конгресса выразили желание видеть кроме них более значимые фигуры. Вместе с упирившимся Пастернаком в Париж отправили Исаака Бабеля, которому Борис Леонидович докучал в купе жалобами на сводившую его с ума бессонницу. Это был последний выезд поэта за границу.

На следующий год он заступился в письме к Сталину за репрессированную дочь и мужа Цветаевой. В тридцать седьмом, подобно многим, ждал на даче ареста с собранным женой «тюремным» чемоданчиком. Приехали за его подписью под коллективной писательской петицией с требованием расстрела прославленных военачальников. Невзирая на мольбы близких, уговоры друзей, Пастернак дважды категорически отказался подписывать петицию. Тогда его подпись попросту подделали, а потом отмахнулись от бессильного возмущения Бориса Леонидовича. Но по загадочной причине не тронули... Он продолжал посылать деньги семье Цветаевой, помогал, чем мог, другим, нередко совершенно чужим людям. «Согрешил» бесполезной одой вождю.

А в сороковом у него снова «пошли» стихи. Головокружительно простые и всеобъемлющие. Строгие и бездонные. В 1946 году он принес подборку стихов в «Новый мир». Увенчанный всеми мыслимыми регалиями Константин Симонов, тогдашний главный редактор журнала, весьма даровитый и исключительно плодовитый поэт, прозаик, драматург, пастернаковскую подборку отверг, прекрасно понимая, конечно, чего эти стихи стоят.

Зато тогда же, в редакции, Борис Леонидович встретил свою «закатную» любовь, Ольгу Ивинскую. Позднее она ни единым словом не подста-

ди, / Мы провода под током. / Друг к другу вновь, того гляди, / Нас бросит ненароком». Ивинская вышла на свободу по хрущевской амнистии 53-го года, и их отношения возобновились с прежней силой. Зинаида Николаевна с этим смирилась.

Войну непризывной Пастернак провел частично в эвакуации, частично в полном одиночестве на даче, копая картошку и вынашивая окончательный замысел романа, за который он примется в победном со-рок пятом и будет писать его десять лет. В числе ополченцев-резервистов Борис Леонидович учился стрелять на звенигородских ускоренных

Вокруг него царил завеса молчания. Печатались только переводы. А он, не обращая ни на что внимания, продолжал работать над романом. Не думая о последствиях, в 1957 году передал выправленную рукопись «Доктора Живаго» итальянскому издателю, и книга сразу стала бестселлером. Кроме Италии, роман был напечатан массовым тиражом в Англии и Голландии. А дальше началась яростная травля...

вит его во время мучительных допросов на Лубянке, где пробовали через нее подобраться к нему, и, беременная, пойдет ради любимого в тюрьму. Пожилой уже поэт посвятил ей ошеломляющие юношеским жаром, едва не лучшие лирические стихотворения в русской поэзии XX века. *«Как будто бы железом, / Обмокнутым в сурьму, / Тебя вели нарезом / По сердцу моему.»* И — самое знаменитое: *«Сними ладонь с моей гру-*

курсах ОСОВИАХИМа. Зарабатывая на жизнь, настолько изнурял себя переводами европейской классики, что едва не лишился правой руки. Болел. Выезжал с писательскими бригадами на фронт. Его немногие военные стихи не отличаются особыми достоинствами. Иное дело — те, которые переданы его герою Юрию Живаго. Чудом проскочив на страницы «Знамени», с подачи члена редколлегии журнала Ольги Берг-

гольц, «стихи из романа» произвели на читателей эффект разорвавшейся бомбы.

Всепоглощающая поздняя любовь сделала Пастернака запоздало счастливым в мрачную пору послевоенных сталинских репрессий. Любовь и «Рождественская звезда», написанная в феврале 47-го, уже после разгрома журналов «Звезда» и «Ленинград», — за Зощенко и Ахматову. Если бы даже ничего, кроме этой восторженной благодарности Богу он не создал, ему, по утверждению вдумчивых современников, было бы обеспечено бессмертие.

Пастернака до сих пор попрекают якобы примиренческим, компромиссным письмом Александру Фадееву от 14 марта 1953 года по поводу смерти Сталина. Фадеев был в числе официальных гонителей поэта и, одновременно, — его стойким негласным защитником. Пройдет три года, и после обвального хрущевского разоблачения культа личности на XX съезде Александр Фадеев застрелится. Пастернак же, прозорливо не поверив в мнимую «оттепель», ответит стихотворением: *«Культ личности забрызган грязью, / Но на сороковом году / Культ зла и культ однообразья / Еще по-прежнему в ходу».*

Вокруг него все так же царила завеса молчания. Печатались только переводы. А он, не обращая ни на что внимания, продолжал работать над романом. Легко и просто, не думая о последствиях, передал он в 1957 году выправленную рукопись «Живаго» итальянскому издателю. Сразу ставшая бестселлером,

книга была, кроме того, напечатана массовым тиражом в Англии и Голландии. А дальше началась яростная травля.

Присуждение в следующем году Борису Пастернаку Нобелевской премии (по представлению ее прошлогоднего лауреата А. Камю) превратило травлю в вакханалию, с требованиями лишить писателя советского гражданства и выслать из СССР. Накал истерии несколько снизился после обращения к Хрущеву с протестом Джавахарлала Неру, которого поддержала европейская литературная общественность. Исключенный из Союза писателей, подвергнутый остракизму, Борис Леонидович послал в Стокгольм вежливое письмо с вынужденным отказом от премии. Однако все равно остался ее вторым после Бунина российским лауреатом.

Пересилив себя, Пастернак начал летом 59-го года оставшуюся незаконченной пьесу «Слепая красавица». Рак легких, развившийся на нервной почве, приковал его к постели. Лечащий врач удивился упругой кожей и юношеской мускулатурой этого красивого 70-летнего мужчины. Такой же «юношеской мускулатурой» обладала его поздняя поэзия, в которой он подводил итоги и вглядывался в будущее. *«Гул затих. Я вышел на подмости. / Прислонясь к дверному косяку, / Я ловлю в далеком отголоске, / Что случится на моем веку».* Это был ЕГО Гамлет, монолог, исполнявшийся в любимовском Театре на Таганке Гамлетом-Высоцким.

20 мая 1960 года, в 11 вечера, он, причастившись, скончался. За несколько минут до смерти сказал жене: «Прости». Затем, помолчав, добавил: «Рад».

Ожидание ухода достигло пика на несколько лет раньше в автоэпиграфии «Август».

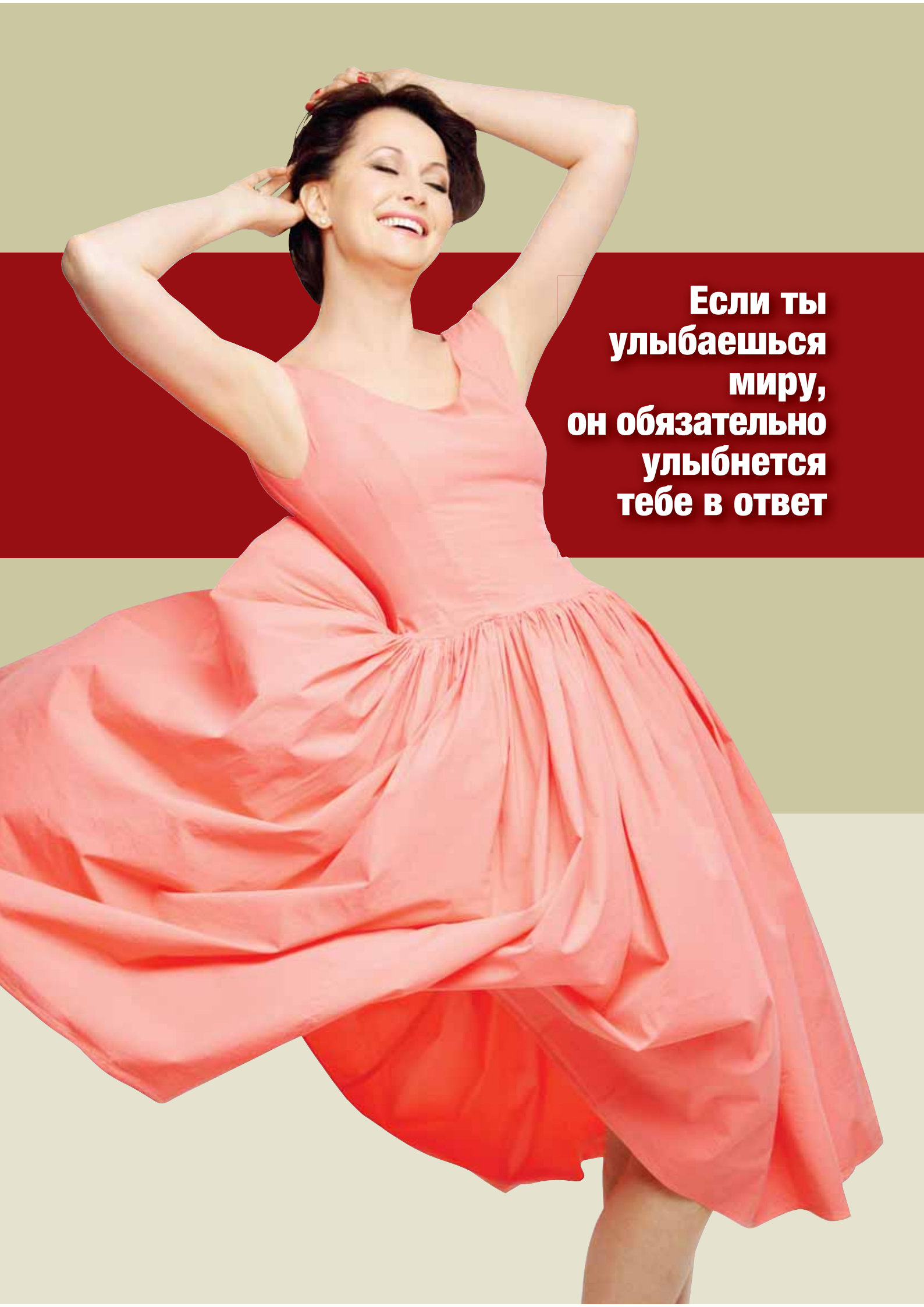
*Прощай, размах крыла
расправленный,
Полета вольное упорство,
И образ мира в слове явленный,
И творчество, и чудотворство.*

Похоронили Бориса Леонидовича на Переделкинском кладбище. Рядом — могилы Зинаиды Николаевны, обоих сыновей, пасынка от Зинаиды Нейгауз, Ольги Ивинской, которая после смерти возлюбленного еще четыре года отсидела в тюрьме по надуманному обвинению.

ЮНЕСКО объявило 1990 год Годом Пастернака. К 50-летию присуждения ему Нобелевской премии княжество Монако выпустило в его честь почтовую марку. А на 40-ю годовщину смерти великого поэта памятник на могиле был осквернен неизвестными вандалами. Восстановленный, он еще не раз подвергался осквернению. Сейчас над ним сооружен прочный стилобат.

Однажды здесь долго стоял в одиночестве Квентин Тарантино, вспоминая в переводе на английский заветные пастернаковские строки:

*Не спи, не спи, художник.
Не поддавайся сну.
Ты — вечности заложник.
У времени в плену. □*

**Если ты
улыбаешься
миру,
он обязательно
улыбнется
тебе в ответ**

Умная, талантливая, яркая, красивая, очень женственная и утонченная, обладающая удивительной харизмой — все эти эпитеты как нельзя лучше подходят актрисе театра и кино, заслуженной артистке России Ольге Игоревне Кабо.

Ольга Кабо

На сегодняшний день она служит в театре имени Моссовета. Ни один сезон не проходит без премьер. В прошлом году — спектакль Павла Хомского «Опасные связи» по роману Шарля де Лакло, в этом сезоне — психологический триллер по мотивам фильма Альфреда Хичкока «В случае убийства набирайте "М"» в постановке Юрия Еремина. А вот в кино достойной работы, по словам артистки, очень мало, увы...

— Ольга, что нового происходит в вашей творческой жизни сегодня?

— В родном театре имени Моссовета в конце февраля состоялась премьера спектакля «Морское путешествие 1933 года». Режиссер Юрий Еремин создал сценический римейк знаменитой голливудской картины Стенли Крамера — «Корабль дураков», в основе этого классического фильма одноименный роман Кэ-

трин Энн Портер. 1933 год, пароход с путешественниками отправляется в далекое плавание — из Мексики в Германию. Пассажиры этого лайнера стараются убежать от своей прежней жизни, надеясь, что по завершении путешествия все проблемы решатся сами собой. Неожиданно они узнают о том, что к власти в Германии пришли нацисты. Чужие и чуждые друг другу люди волею обстоятельств помещены в замкнутое

пространство и представляют собой некую модель человеческого сообщества, с его пороками и страстями, страхами и иллюзиями...

Моя героиня — Мэри Трэдуэл, в фильме ее играла Вивьен Ли, глубоко переживает развод с мужем, она судорожно пытается устроить свою жизнь, заполнить пустоту, которая вдруг образовалась. Страх одиночества толкает Мэри на безумные, даже эксцентричные поступки. В прошлом она артистка парижского варьете, и в финале я исполняю танец, в котором есть трагедия, безысходность, страдание и мольба о любви.

Помимо работы в театре, я продолжаю играть поэтические спектакли.

12 марта в кинотеатре «Космос» мы, с певицей Ниной Шацкой, представляем зрителям совместный проект — «Я искала тебя...», посвященный творчеству Марины Ивановны Цветаевой.

Это продолжение нашего разговора о поэтах Серебряного века. Первым был спектакль «Память о солнце», посвящение Анне Ахматовой. Режиссер — Юлия Жженова, дочь прекрасного актера Георгия Жженова, она построила спектакль в форме диалога дочери поэта Ариадны Эфрон с ушедшей из жизни мамой, Мариной Цветаевой. Великая Цветаева представлена глазами Ариадны. Я читаю трогательные строки

из детских дневников-воспоминаний, звучат фрагменты из писем Ариадны Сергеевны, обращенные к маме, к Борису Пастернаку, к Анастасии Цветаевой. Нина Шацкая исполняет романсы, написанные композитором Дмитрием Селипановым, положенные на стихи Марины Ивановны. Очень хочется отметить, что спектакль пройдет в сопровождении Симфонического оркестра Полиции России под управлением любимого мной дирижера Феликса Арановского.

— Вы закончили ВГИК, трудно было учиться у Мастера — Сергея Бондарчука?

— Это были прекрасные времена! До сих пор с удовольствием и трепетом вспоминаю студенческие годы. Сергей Федорович был очень мудрым Мастером, он учил нас не только актерскому мастерству, но и как стать сильными личностями, готовыми и к славе, и к забвению. Призывал нас быть «синтетическими» актерами, готовыми к исполнению разноплановых ролей, сложных каскадерских трюков. Он говорил, что в профессии актера не существует понятий «не могу», «не хочу», «не умею». Очевидно, мое членство в Ассоциации каскадеров России predeterminedилось уже тогда, на занятиях, самим Бондарчуком! Я помню все уроки Сергея Федоровича, наши репетиции дипломного спектакля «Вишневый сад», в котором я играла Раневскую.

Тогда казалось, что мой Учитель знает абсолютно все, что он видит меня насквозь, мою неуверенность в себе, мои амбиции. Он говорил, что

*Из спектакля «Память о солнце».
Фото Михаила Белоцерковского*

талантливо каждый человек может сыграть только одну единственную роль — самого себя, а далее необходима школа! Когда Мастер приходил в мастерскую, мы, студенты, цепене-ли, боясь разочаровать своего Учителя, великого и недостижимого...

С нами Сергей Федорович общался, как с равными, как с будущими коллегами. А еще он был очень красивым! Седые белые волосы, огромные черные и очень глубокие глаза... Помню его руки, с длинными тонкими пальцами. Он часто во время занятий и репетиций перебирал четки. До сих пор в ушах это постукивание бусинок друг о дружку... И это повисшее в аудитории молчание, тишина ...

Мои учителя — Сергей Федорович и его супруга, Ирина Константиновна

Скобцева, подарили мне мою судьбу и мой путь. Низкий им поклон!

— Ольга, а кто из режиссеров театра и кино оказал наиболее сильное влияние на вас как на актрису?

— Мне всю жизнь везет на работу с талантливыми, прекрасными людьми! Я снималась у Льва Кулиджанова, Игоря Таланкина, Ежи Хоффмана, работала с Иннокением Смоктуновским, Натальей Гундаревой, Олегом Борисовым... В театре репетировала с Леонидом Хейфецом, Борисом Морозовым. А сейчас служу в театре имени Моссовета. Какие у нас режиссеры — Павел Хомский, Юрий Еремин, а какие партнеры — Ольга Остроумова, Георгий Тараторкин, Ирина Карташова, Анатолий Адоскин... Есть у кого учиться и на кого равняться!

— В 1997 году вы прошли отбор для полета на космическую станцию «Мир». Это удивительно! Расскажите, пожалуйста, поподробнее, как это было?

— Режиссер Юрий Кара собирался экранизировать роман Чингиза Айтматова «Тавро Кассандры», а снимать планировал на станции «Мир», ни много ни мало... Вместо кинопроб все актеры подвергались специфическим испытаниям в Институте медико-биологических проблем, где, кстати, профессиональные космонавты каждый год проходят плановые диспансеризации. Мы тренировались на центрифуге, нас тестировали в барокамере, проверяли, как мы переносим настоящие «космиче-

ские» нагрузки. Было очень любопытно узнать свой организм, понять, на что он способен. Всем претендентам пришлось нелегко, но как же я гордилась тем, что прошла отбор! В результате, мы, вместе с актером Владимиром Стекловым, были утверждены на главные роли! Но, увы, проекту не суждено было осуществиться. Сначала прекратилось финансирование, а позже и вовсе станцию «Мир» затопили. Но до сих пор в моем личном архиве хранится справка, где написано: «К полету в Космос готова!»

— Вы также участвовали в телевизионном проекте «Ледниковый период» на Первом канале. Это было интересно?

— До сих пор не верю, что согласилась участвовать в «Ледниковом периоде», до этого ни разу в жизни не стояла на коньках, в отличие от многих участников проекта.

Это был очень «жесткий», если не сказать, жестокий, эксперимент над собой! То, чему учатся спортсмены с раннего детства, чему они посвящают всю жизнь, я должна была освоить всего за два месяца. А потом съемки программы раз в неделю! И раз в неделю — новый танец. На время съемок я практически «выбыла» из жизни — в уме были только лед и тренировки, отработка сложных па, и все это сопровождалось болью и безумной усталостью. А в завершение — перелом двух ребер. Поэтому, когда покинула проект, дала себе слово — всегда заниматься только тем, что умею, в чем разбираюсь и что приносит мне удовлетво-

рение. И впредь никогда не соглашаться на участие в подобных шоу!

— Вы учились на Высших режиссерских курсах у Аллы Суриковой. Хотели бы попробовать себя в режиссуре?

— Когда я была в положении сыном Витей, решила попробовать прикоснуться к профессии режиссера! Я очень дружу с Аллой Суриковой, у которой снялась в нескольких фильмах, она и «подбила» меня поступить на Высшие режиссерские

курсы. Алла Ильинична в тот год набирала мастерскую вместе с Владимиром Петровичем Фокиным. Я увлеченно занималась, ходила на лекции мэтров российского и зарубежного кино, придумывала киноэтюды. Даже сняла маленький фильм для мастер-класса Кшиштофа Занусси. Проучилась полгода. А после рождения ребенка было уже не до учебы — хлопоты, бессонные ночи... Когда малышу исполнился месяц, я вернулась в театр, к своим любимым ролям, но пока не могу найти времени, да и сил, если честно, чтобы снова стать сту-

денткой. Очень много работы, съемки, гастроли. Но ведь учиться можно всю жизнь, так что у меня еще не все потеряно.

— Вы пели на корейском языке партию Кончитты! Как вам работалось с замечательным Алексеем Рыбниковым, и нет ли желания еще с ним поработать?

— Действительно, несколько лет я пела в рок-опере Алексея Рыбникова «Литургия оглашенных» в его Театре современной оперы. И именно

*Ольга Кабо
с детьми —
дочерью Татьяной
и сыном Виктором*

Алексей Львович предложил мою кандидатуру для участия в корейской постановке «Юноны и Авось» в Метрополитен-опере, в Сеуле. Это был очень интересный опыт, совсем другая, чужая страна, традиции, язык... И огромная ответственность, ведь я была единственной иностранкой в труппе, по сути, представляла Россию на корейской сцене.

Месяц ежедневных репетиций, занятия вокалом с лучшими педагогами Сеула, уроки корейского языка, моя Кончитта пела по-корейски! И вот наступил долгожданный день премьеры, на которую приехали из Москвы создатели Ленкомовского спектакля Алексей Рыбников и Николай Караченцов. И, о, боже! На нервной почве я теряю голос! Все в ужасе, вечером предстоит петь спектакль. И тогда мой партнер, исполнитель роли Резанова, премьер Метрополитен, актер Ма Хн Шик, предложил мне пойти пообедать. Я тогда удивилась столь нелепому предложению, но не было даже сил отказаться. Мистер Ма попросил разрешения самому сделать заказ. Подали множество закусок и какие-то диковинные блюда, но все они были безумно острыми на вкус. Проглатываешь кусочек, и в горле пожар! Я страшно испугалась, как этот перчик подействует на мои и без того «севшие» связки?! Но мой партнер успокоил. Оказывается, острая пища вызывает прилив крови к связкам, они от раздражения смыкаются, и к человеку возвращается голос. Произошло чудо. Вечером я запела, конечно, не идеально, но премьеры была спасена!

Вот такой рецепт. А Алексей Львович Рыбников подошел после спектакля и сказал, что я «облагородила» корейский язык, в моих устах он звучал как французский!

— У вас много работ и на телевидении. Вам нравится сниматься в сериалах?

— Я снимаюсь в кино и сериалах, если понравится сценарий. Сейчас с нетерпением жду премьеры на Первом канале многосерийного телевизионного фильма «Женщины и прочие неприятности...»

Это приключенческая мелодрама про четырех сильных женщин, потерявших своих мужей при странных обстоятельствах. Героини начинают вести собственное расследование, пытаются найти убийцу. На фоне такой остросюжетной линии «вдовушки» заново обретают себя. Становятся самостоятельными, продолжают семейный бизнес, конечно, попадают в различные истории и передраги, но и влюбляются! Моя героиня в финале даже рождает ребенка! Сценарий написан специально для четырех актрис (для Ольги Кабо, Эвелины Бледанс, Анны Носатовой и Светланы Кожемякиной), а в наше время это такая редкость. Сегодня, увы, «двигателями» сюжета являются герои-мужчины. А у нас в картине мужчины лишь изредка появляются — в воспоминаниях героинь. Но все актеры в сериале — великолепные: Дмитрий Миллер, Михаил Горевой, Игорь Христенко, Александр Яцко и Иван Оганесян. Режиссеру Олегу Сафаралиеву, кстати,

мы с ним в одно время учились во ВГИКе (он обучался у Сергея Соловьева и Анатолия Васильева), приходилось нелегко. Большую часть времени на съемочной площадке он проводил в сугубо женской компании! Но ему хватило чувства юмора, чтобы справиться со всеми нами!

— Ваша старшая дочь тоже собирается стать актрисой?

— Моя дочь Татьяна в этом году заканчивает Академию хореографии при Большом театре. Мечтает стать балериной. Танюше предстоит выбор своего пути. Сейчас я вижу, что ей ближе современная хореография, модерн. Она под впечатлением от спектаклей Бориса Эйфмана, в прошлом году на концерте Академии, в Большом театре, Таня танцевала адажио из его балета «Красная Жизель». Ну, а дальше мы не будем загадывать! Пожелаем ей удачи!

— Любите ли вы путешествовать? Есть ли места на Земле, куда вам хотелось бы вернуться?

— Когда я ждала рождения Танечки, поступила на отделение искусств исторического факультета МГУ. Так что у меня «в кармане» есть второе образование, еще одна профессия! С удовольствием приезжаю в Европу, можно сказать, что наизусть знаю Париж, Рим, Венецию, Прагу. С радостью постигаю тайну этих великих городов. Приятно знать, что и где можно посмотреть, иногда даже специально разрабатываю себе архитектурные маршруты, брожу по го-

роду, что-то вспоминаю, фотографирую... Обожаю Питер, он мне сродни, его молчаливая строгость, серость набережных, низкое небо... Могу просто идти, никуда не спеша, дышать, думать, мечтать...

Моя подруга, Нина Шацкая, часто ездит в Африку и всегда привозит столько впечатлений! Я, конечно, немного побаиваюсь подобной экзотики, но мечтаю когда-нибудь, когда Витюша (мой младший сын, которому сейчас два с половиной годика) подрастет, отправиться с семьей именно туда. Подарить детям мир, который они никогда не смогут увидеть в цивилизованных европейских странах, прокатиться на джипе в саванне, встретиться с хищными животными в дикой стихии. Ниночка однажды так красиво сказала, что «Черный континент» учит нас чувствовать мир и отвечать на настоящие эмоции. Ведь если ты улыбаешься миру, он обязательно улыбнется тебе в ответ. А дети, как никто другой, это чувствуют и впитывают добро мироздания!

— Ольга, как Вы думаете, человек должен жить реально или мечтой?

— Не могу сказать, как должно быть. Я — реалист, и принимаю жизнь такой, какая она есть, не строю воздушных замков. Но, как говорит моя героиня пани Юлиасевич из спектакля «Мораль пани Дульской», «стараюсь брать от жизни все самое прекрасное и приятное»... Это не мешает мне мечтать и желать чего-то. Наоборот. Я научилась чет-

ко формулировать свои желания. Иногда даже на бумаге пишу небольшую памятку, чего бы мне хотелось. Получается что-то вроде новогоднего письма Деду Морозу. Уверена, человеческая мысль материальна, и все, в результате, получается, как мы того желаем. Главное — знать определенно, — чего ты ждешь от жизни!

— Что вы пожелаете читателям журнала «Смена», которому в прошлом году исполнилось 90 лет?

— Совсем недавно, 10 февраля, замечательному актеру Владимиру Зельдину исполнилось 100 лет. Это целый век жизни, творчества, любви и добра! Так что у Вас, дорогая, любимая «Смена», еще все впереди! Будьте молоды, добры и интересны. Желаю прекрасных читателей и

огромных тиражей. Ваша верная поклонница, заслуженная артистка России, Ольга Кабо. □

Беседовала **Елена Воробьева**

От редакции: Мы благодарим всех, кто принял участие в подготовке первой обложки: компанию LAUREL, фотографа Влада Локтева, стилиста Александра Челюбеева, мастера по макияжу Веру Баратову, мастера по прическам Валентину Саурину, Московский ювелирный завод (МЮЗ).

Ирина Опимах

«ВЕРТУМН»

Джузеппе Арчимбольдо

Старинный замок Скоклостер — одна из самых известных достопримечательностей Швеции. Он был построен во второй половине XVII века и принадлежал графу Карлу-Густаву Врангелю — фельдмаршалу и богатейшему человеку тогдашней Швеции. Сегодня замок Скоклостер — музей. Тут можно увидеть настоящие произведения искусства — скульптуры, настенные росписи, картины, а также старинные книги и оружие. Но самое известное сокровище Скоклостера — «Виртумн», знаменитая картина Джузеппе Арчимбольдо, портрет императора Рудольфа II, составленный из изображений фруктов и овощей.

Императора и художника долгие годы связывали теплые, дружеские отношения. Портрет этот стал последней и, наверное, самой значительной картиной удивительного, ни на кого не похожего мастера Джузеппе Арчимбольдо.

Джузеппе Арчимбольдо родился в Милане в 1527 году в семье миланского художника Бьяджо Арчимбольдо и его супруги Кьяры Паризи. В Милане всегда помнили о том, что несколько лет великий Леонардо да Винчи работал при дворе миланского герцога. Сеньор Бьяджо дружил с семейством Луини, преданными поклонниками Леонардо, хранившими его рукописи и рисунки, — Ауре-

лио Луини берег как святую реликвию наброски из записных книжек Леонардо, счастливым образом попавшие в руки его отца Бернардино. Несомненно, юному Джузеппе показывали листы Леонардо, и он с восторгом разглядывал фантастические образы, созданные воображением гения Возрождения, — удивительные чудовища, карикатуры, всевозможные гибриды растений

и животных, составляющие человеческие лица. Эти рисунки навсегда остались в памяти Джузеппе.

Заметив у сына явные способности к рисованию, старший Арчимбольдо стал привлекать его к своей работе. В 22 года Джузеппе, уже на равных с отцом, работал в Миланском соборе, а в 1551 году само-

стоятельно выполнил очень важную работу — расписал пять гербов, которые были торжественно преподнесены миланским герцогом королю Богемии Фердинанду I. Фердинанду очень понравились гербы. Тогда он впервые узнал о способном молодом художнике и запомнил его имя, а спустя 11 лет, уже

будучи императором Священной Римской империи, пригласил художника в Вену на должность придворного портретиста и копииста, предоставив, как сообщают хроники, «почетнейшее жалование». Последующие 25 лет жизни Арчимбольдо были связаны с Габсбургами — императорами Фердинандом I, его сыном

Максимилианом II, высоко ценившим художника, и внуком Рудольфом II, просто обожавшим Арчимбольдо. Все это время он прожил в Вене и Праге в качестве придворного живописца.

Перебравшись в Вену, Арчимбольдо и начал рисовать свои головы, составленные из различных

цветов, плодов и животных (портреты членов высочайшего семейства и первая серия «Времена года»). Эти причудливые картины очень нравились Габсбургам, они с удовольствием дарили их своим друзьям, правителям европейских государств. У Арчимбольдо были прекрасные отношения со всеми тремя императорами, но особенная дружба его связывала с Рудольфом. Перене-

ся столицу в Прагу, он захватил с собой и своего любимого художника.

Рудольф II был удивительным человеком. Современники сравнивали его с Фаустом и Просперо, героем шекспировской «Бури». Известный историк Н. Гордеев пишет в своей книге «Пражская научная школа конца XVI — начала XVII века»: «Рудольф стремился к универсальному знанию, а через него к познанию

гармонии мира и созданию гармонического общества. Широта взглядов императора, его исключительная толерантность позволили ему создать щадящую атмосферу для окружающих его деятелей науки и искусства, что ставит его в один ряд с такими покровителями наук и искусств, как Птолеми». Прага при Рудольфе стала культурным центром всей Европы. Здесь работали лучшие умы того времени: выдающиеся астрономы — Тихо Браге и Иоганн Кеплер, крупнейшие алхимики — Михаэль Сендивой и Михаил Майер, Эдвард Келли, знаменитые философы, медики и мистики. Уже после смерти Рудольфа Иоганн Кеплер в своей работе «Рудольфовы таблицы» высоко отзывался об

императоре, подчеркивая его роль в деле просвещения и развития наук.

Особо почитались при дворе алхимики, из всего пытавшиеся найти философский камень и способ превращения свинца в золото. Однако сам Рудольф II совсем не стремился с их помощью обречь неслыханные богатства, гораздо больше ему хотелось общения с вездесущим, «астральным» миром. Недаром пражане, попивая пиво, любили слушать легенды о том, как их император общается с духами. И недаром именно во времена правления Рудольфа возникла знаменитая легенда о равнине Иегуде Ливен бен Бецалеле, создавшем искусственного человека Голема, разгуливавшего по ночной Праге...

Мистические пристрастия Рудольфа не мешали ему увлекаться искусством. В знаменитой «Книге художников» Карел Ван Мандер пишет о великолепном вкусе императора, понимании искусства и поддержке, оказываемой художникам. В своем дворце Рудольф собрал огромное количество настоящих шедевров. Среди сокровищ его кунсткамеры были картины Дюрера, Брейгеля Старшего, Тициана, Лукаса Кранаха Старшего и многих других художников — голландских, итальянских, немецких. Часто полотна покупались за весьма немалые деньги. Когда императору что-то нравилось, он не скупился. Коллекция Рудольфа II считалась тогда лучшей в Европе. Но кроме картин в кунсткамере хранились и странные, экзотичные предметы, к примеру, как пишет Бенно Гейгер в книге об Арчимбольдо, «чучела птиц со всего света, гигантские мидии, рыба-меч и рыба-игла, драгоценные камни, демоны, запаянные в стекло, предметы из недавно открытой Америки, драгоценности и целый зверинец экзотических животных». Рудольф отправлял по всему свету своих агентов, чтобы они добывали экспонаты для его кунсткамеры. Участвовал в деле ее создания и Арчимбольдо — во первых, одной из его обязанностей, помимо писания королевских портретов, было приведение в порядок и украшение кунсткамеры, а, во-вторых, он тоже иногда отправлялся в поездки в

поисках новых сокровищ императорского собрания.

При блестящем дворе Рудольфа, среди умнейших и образованнейших людей того времени, собранных императором, Арчимбольдо занимал далеко не последнее место. В чем-то он очень походил на своего кумира Леонардо — талантливый в самых разных областях, с широчайшей эрудицией, он служил императору и как архитектор, и как театральный художник, музыкант, гидротехник.

Арчимбольдо носил титул «Мастер празднеств». Подобно Леонардо, он помогал своим венценосным господам устраивать роскошные яркие зрелища, театральные представления, которые славились по всей Европе и служили доказательством могущества и богатства Габсбургов. В одной из придуманных им праздничных процессий шли лошади, «переодетые» драконами, и настоящий слон! А еще, как и Леонардо, он был замечательным изобретателем — придумывал и строил различные гидравлические механизмы (говорили, что он изобрел способ быстро форсировать реки без мостов и паромов) и удивительные музыкальные автоматы. Так, к примеру, современники рассказывают о двух его изобретениях — «перспективной лютне» и «цветовом клавикорде». О лютне рассказывается в инвентарной описи Градчанского замка за 1621 год, а о клавикорде — в «Мантуанском диалоге» поэта и философа Грегорио-Команини, одного из ближайших

друзей художника. В те времена были в моде пифагорейские теории цвета и звука, и Арчимбольдо попытался в своих музыкальных инструментах поставить в соответствие определенные цвета и звуки. И видно, на этом пути художник добился определенных успехов: однажды, рассказывает Команини, Арчимбольдо нарисовал на бумаге (видно, цветом) последовательность аккордов,

и придворный музыкант Мауро Кронеzze сыграл их на клавесине! «Этот в высшей степени изобретательный живописец, — писал Команини, — умел не только верно передать цветами полутона, но и разделять тон точно пополам. Он мог изобразить очень мягкий и равномерный переход от белого к черному, постепенно добавляя черноты, подобно тому, как музыкант начинает с низких тяжелых

нот, переходит к более высоким и кончает совсем высокими».

С годами Рудольф становился все более закрытым человеком. Он так и не женился, хотя молва приписывала ему многочисленные любовные интриги (правда, некоторые утверждали, что он был девственником). Порой, никого не желая принимать, он уединялся в своем замке

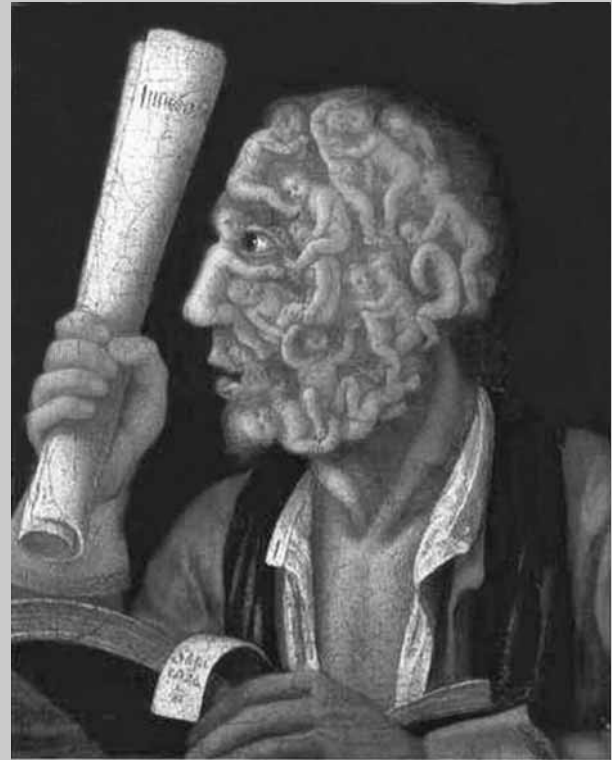
и часами бродил по залам среди своих картин и редкостей. Или проводил опыты, пытаясь получить эликсир вечной молодости, не зная, что это невозможно, как невозможен и вечный двигатель, который придумывали его придворные ученые.

И Арчимбольдо затосковал, ему захотелось вернуться домой, в любимый Милан. В 1587 году импера-

тор отпустил художника, а за долгую и верную службу пожаловал своему любимцу 1500 рейнских гульденов — сумму по тем временам далеко немалую. Отпустил, но с условием, что живописец и далее будет радовать его своими картинами.

Арчимбольдо, конечно, согласился и действительно отправил из Милана в Прагу несколько своих работ, а в 1591 году Рудольф получил своего «Вертумна». «Портретом Рудольфа II» назвали эту работу друзья художника Джованни Ломаццо

и Грегорио Команини. И действительно, в этом странном существе-на-тюрморте из тыкв, вишен, яблок легко угадывались черты пражского короля.

Команини, вдохновленный этой картиной, даже сочинил целую поэму, которая также была отправлена императору.

Рудольфу, обожавшему все необычное, странное, этому правителю магической Праги, города алхимиков и мистиков, портрет очень понравился, и в знак благодарности и восхищения мастерством художника император пожаловал Арчимбольдо титул пфальцграфа. Да, Арчимбольдо мог не бояться, что заказчик его не поймет, они были под стать друг другу — этот император и этот художник...

Вертумном звали этрусского бога садов и земледелия. В Древнем

Риме он стал также покровителем торговли. Часто Вертумна изображали в образе юноши с садовым ножом в одной руке и корзиной плодов в другой. Согласно мифу, Вертумн мог принимать любой образ, что он и сделал под властью волшебной кисти Арчимбольдо. Художник написал его в образе существа, состоящего из спелых плодов, овощей, злаков, цветов. Но удивительным образом это странное существо вдруг становится похожим на Рудольфом II: тяжелый, типично габсбургский подбородок, заросший бородой (колючие растения), круглые блестящие глаза (темные вишня и ежевика), одутловатые щеки (наливные красные яблоки), выпуклый лоб (тыква), уши (початки кукурузы). Бог Вертумн, каким его изобразил художник, словно двойник

императора, живущий в ином мире. Тут много спрятанных зашифрованных деталей, в которых отражается личность Рудольфа. Именно об этом и говорит Команини в своей поэме «Вертумн»:

*Хоть мой вид, быть может,
страшен —
В нем величие сокрыто,
Скрыт мой королевский облик.
Мне скажи теперь, ты хочешь
Разглядеть, что я укрыл?
Покрывало тогда сброшу...*

Замечательный фантазер, удивительный художник и философ Арчимбольдо покинул наш бранный мир 11 июля 1593 года. В миланской книге регистрации смертей есть запись: «от удержания мочи и почечных камней». Умер, оставив после себя множество поразительных картин.

А высочайший покровитель Арчимбольдо Рудольф II, прославившись безумным, пережив заговоры и козни близких (его родной брат Матиуш заставил Рудольфа отречься от престола и заточил его в Градчанском замке), скончался спустя 15 лет, 20 января 1612 года. После его смерти столицей империи Габсбургов опять стала Вена, а Прага постепенно превратилась в глубокую провинцию. Но в 1648 году любимый город Рудольфа вновь стал местом, где творилась история — здесь разыгралось одно из последних сражений Тридцатилетней войны. В Прагу вошли войска шведского короля. Прекрасная Злата Прага была безжалостно разграблена. Были раз-

граблены и богатейшие коллекции Рудольфа. Многие из них попали во дворец шведского короля, но кое-что осталось у его генералов. Так, «Витрумн» попал тонкому ценителю живописи фельдмаршалу Врангелю и стал жемчужиной его собрания, украсившей и прославившей замок Скокlostер.

А потом об Арчимбольдо забыли — забыли на целых три века. И только в начале XX столетия сюрреалисты, наткнувшись на его картины, пришли в восторг и провозгласили Арчимбольдо своим предтечей, а очень скоро художник стал кумиром всех интеллектуалов мира. Ему начали подражать — картинки в стиле знаменитого миланца называют сейчас «арчимбольдесками». Он стремительно вошел и в массовую культуру, где только не увидишь его зверино-фруктово-овощные головы — на афишах, календарях, на книжных обложках... Сегодня уже ясно, что этот художник — настоящее чудо, недаром одна из множества книг, посвященных ему и написанная выдающимся современным французским романистом Андре Пьейром де Мандьяргом, так и называется — «Чудо Арчимбольдо». И все исследователи, рассказывая о жизни и творчестве художника, обязательно упоминают и его удивительного покровителя, пражского мечтателя императора Рудольфа, запечатленного на одной из лучших и последних картин художника — «Вертумн». Их имена в истории стоят рядом... □

Александр Грин

Позорный столб

I

Пока обитатели Кантервильской колонии бродили в болотах, корчюя пни, на срезе которых могли бы свободно, болтая пятками, усесться шесть человек, пока они были заняты грубым насыщением голода, борьбой с бродячими элементами страны и вбиванием свай для фундамента будущих своих гнезд, — самый строгий любитель нравственности мог бы уличить их разве лишь в пристрастии к энергическим выражениям.

Когда дома были отстроены, поля вспаханы, повешены кой-какие вывески с надписями: «школа», «гостиница», «тюрьма» и тому подобное, и жизнь потекла скучно-полезной струей, как пленная вода дренажной трубы, — начались происшествия. Эру происшествий открыл классически скупой Гласин, проиграв расточительному, любящему пожить Петагру все, что имел: дом, лошадей, одежду, сельскохозяйственные машины, — и оставшись лишь в том, что подлежит стирке.

Потом были кражи, подлог завещания, баррикада на перекрестке, когда трое безумцев защищали права на свой участок с магазинками в руках; один из них, убитый, был поднят с крепко стиснутой зубами сигарой. От одного мужа убежала жена; к другому, имевшему прелестную подругу и двух малюток, приехала, разыскав адрес, с дальнего запада плачущая, богато одетая женщина, у нее были великолепные новенькие саквояжи и рыжие волосы. Последнее, что возмутило ширококостных женщин и бородатых мужчин Кантервиля, изведавших, кстати сказать, за восемь месяцев жизни в переселенческих палатках все птичьи прелести грубого флирта, — было гнусное, недостойное порядочного человека, похищение милой девушки Дэзи Крок. Она была очень хорошенькая и тихая. Кто долго смотрел на нее, начинал чувствовать себя так, словно все его тело

обволакивает дрожащая светлая паутинка. У Дэзи было много поклонников, а похитил ее Гоан Гнор вечером, когда в пыльной перспективе освещенной закатом улицы трудно разобрать, подрались ли возвращающиеся с водопоя быки или, зажимая рукой рот девушки, взваливают на седло пленницу.

Гоан, впрочем, был всегда вежлив, хотя и жил одиноко, что, как известно, располагает к грубости. Тем более никто не ожидал от этого человека такого бешеного поступка.

Достоверно одно, что за неделю перед этим на каком-то балу Гоан долго и тихо говорил с девушкой. Наблюдавшие за ними видели, что молодой человек стоит с жалким лицом, бледный и не в себе.

«Я никого не люблю, Гоан, верьте мне», — сказала девушка. Женщина, расслышавшая эти слова, была наверху блаженства три дня: она передавала эту фразу с различными интонациями и комментариями.

Лошадь Гоана, мчась у лесной опушки, оступилась на промоине и сломала ногу; похититель был схвачен ровно через час после совершения преступления. Конная толпа, собравшаяся на месте падения лошади, сгрудилась так тесно, что ничего нельзя было разобрать в яростном движении рук и спин. Наконец кольцо разбилось, девушку, лежавшую в обмороке, оттащили к кустам. Братья Дэзи, ее отец и дядя молча били придавленного лошадью Гоана, затем, утомясь и вспотев, отошли, блестя глазами, а с земли поднялся растерзанный облик человека, отплеывая густую кровь. Огромные кровоподтеки покрывали лицо Гоана, он был жалок и страшен, шатался и хрипел что-то, похожее на слова.

Неусовершенствованное правосудие глухих мест, не имея в этом случае прямого повода лишить Гоана жизни, привлекло его, тем не менее, к ответственности за тяжкое оскорбление Кроков и девушки. После долгого шума и препирательств в землю перед гостиницей вбили деревянный столб и привязали к нему Гоана, скрутив руки на другой стороне столба; в таком виде, без пищи и воды, он должен был простоять двадцать четыре часа и затем убираться подобру-поздорову, куда угодно.

Гоан дал проделать над собой всю церемонию, двигаясь, как отравленная муха. Он молчал. Запевалы Кантервиля и прочие любопытствующие, отойдя на приличное расстояние, полюбовались делом своих рук и медленно разошлись по домам.

Стемнело. Гоан, облизывая разбитые, присохшие к зубам губы, обдумывал план мести. Все перегорело в его душе, он не чувствовал ни стыда, ни бешенства; опустошенный, он припоминал лишь, кто и как бил его, чья речь была злее, чей голос громче. Это требует больших сил, и Гоан скоро устал. Тогда он стал думать о том, что никогда не увидит Дэзи. Он вспоминал сладкую тяжесть ее затрепетавшего тела, быстрое биение сердца,

которое в те несколько счастливых минут билось на его груди, запрокинутую голову девушки и свой единственный поцелуй в то место, где на ее груди расстегнулась пуговица. И он замычал от ненасытной тоски, напряг руки, веревки обожгли ему кожу суставов. Еще ночь впереди и день!

Гоан стоял, переминаясь с ноги на ногу. Иногда он пытался уверить себя, что все сон, откидывал голову и, стучаясь затылком о столб, разбивал иллюзию. В стороне, крадучись, звучали шаги, замирали против Гоана и, медленнее, затихали у перекрестка. В окнах погасли огни, неясный силуэт, часто останавливаясь, приблизился к Гоану, и наказанный вдруг вспыхнул, покраснел в темноте до корней волос, жилы на висках налились кровью, отстукивая частую дробь, оглушающий стыд потопил разум. Застонав, Гоан закрыл глаза и тотчас же открыл их. Печальное лицо Дззи с широко раскрытыми глазами остановилось перед ним совсем близко, но он не мог протянуть руку для просьбы о снисхождении.

— И вы... посмотреть, — тихо сказал Гоан, — уйдите, простите!

— Я сейчас и уйду, — произнесла торопливым шепотом девушка, — но вы не защищались, зачем вы допустили все это?

— Ах! — сказал Гоан. — Слова сожаления, но поздно, Дззи. Вы мучаете меня, а я люблю вас. Уйдите, нет, не уходите... или уйдите; пожалуй, это самое лучшее.

— Мне ужасно жаль вас. — Она протянула руку, погладила растрепанные волосы Гоана быстрым материнским движением. — Ну, что вы, не плачьте. Вы... или нет, я уйду, нас могут увидеть.

Она отступила во тьму, и более ее не было слышно. Вздрагивая и улыбаясь, Гоан глотал падающие из немигающих глаз крупные соленые капли; от них было тепло щекам и душе.

В воздухе просвистел камень, стукнул о столб, задел Гоана по уху рикошетом и шлепнулся к ногам похитителя.

— Для вас, Дззи, — прошептал Гоан, — только для вас.

Утром, когда движение на улицах стало задерживаться, так как многие не спали ночь, желая утром пораньше взглянуть на возмутителя общественного спокойствия, Гоана отвязали. Кучка неловко усмехающихся парней подошла к столбу сзади, за спиной привязанного. Брат Дззи, клыкастый и длинный богатырь, разрезал ножом веревку.

— Велено отпустить, — пробормотал он, откашливаясь, — так смотри... не шляйся в здешних местах.

Гоан упал, упираясь руками в землю, встал и, шатаясь из стороны в сторону, словно шел по палубе судна в бурю, направился домой. Толпа сосредоточенно расступилась.

Через час на дверях небольшого гоановского дома болтался замок. Наглухо заколоченные окна, следы копыт у изгороди, тишина стен — все это указывало, что воля колонии исполнена. Видели, как Гоан на второй своей лошади, белой с рыжим хвостом и крупом, не оглядываясь, проехал задворками к скошенному Крокову лугу. Далее начиналась лесная тропа, путь зверей и охотников.

Гоан ехал шагом, ему нестерпимо хотелось повернуть лошадь назад и хоть еще раз взглянуть на знакомое окно Дэзи. Натягивая поводья, он с трудом приподымал отекающую руку. У ручья он задержал лошадь, посмотрев в сверкающие струи потока; там, снизу, встретилось с ним взглядом опухшее, темное лицо.

Выбрать место для поселения казалось ему пустяком — земля большая. На повороте к горам, где, за синей далью чащи, шла дорога к большому портовому городу, Гоан, услышав сзади неясный шум, повернул голову, продолжая ехать и мрачно думать о будущем. Стук копыт явственнее выделился в лесном гуле, он, наконец, остановился. Его нагоняла запыхавшаяся Дэзи.

Потрясающее недоумение на лице Гоана развязало ее язык. Смущаясь, она выслушала все восклицания. Он думал, что понимает, в чем дело, но боялся верить себе. Подъехав ближе, Дэзи сказала:

— Гоан, возьмите меня. Мне нет житья больше. Меня грызут все, распустили слух, что я была в уговоре с вами. И даже, что у нас есть ребенок, спрятанный на стороне.

Он молчал. Лошадь, на которой сидела девушка, казалась ему литой из утреннего света.

— Отец оскорбил меня, — продолжала Дэзи. — Он говорит, что все это была лишь комедия и я греховна. Но вы знаете, что это неправда. И вам не нужно похищать меня еще раз. Я вынесла взрыв злобы и оскорблений.

— Милая, — заговорил Гоан, улыбаясь во всю ширину разбитого своего лица, — мужчины стали бы преследовать вас теперь за то, что не они пытались овладеть вами... а женщины — за то, что вам оказали предпочтение. Люди ненавидят любовь. Не приближайтесь ко мне, Дэзи! Клянусь — я не удержусь тогда и начну вас целовать. Простите меня!

Но скоро их головы сблизились, и две любви, одна зарождающаяся, другая — давно разгоревшаяся страстным пожаром, слились вместе, как маленькая лесная речка и большая река.

Они жили долго и умерли в один день. □

1911 год.

Виктор Троицкий

Ты мое дыхание, нежный свет ночи,
Тайное желание в пламени свечи.
Ты предел мечтаний, ты приход весны,
Тягостных фантазий, что приносят сны.

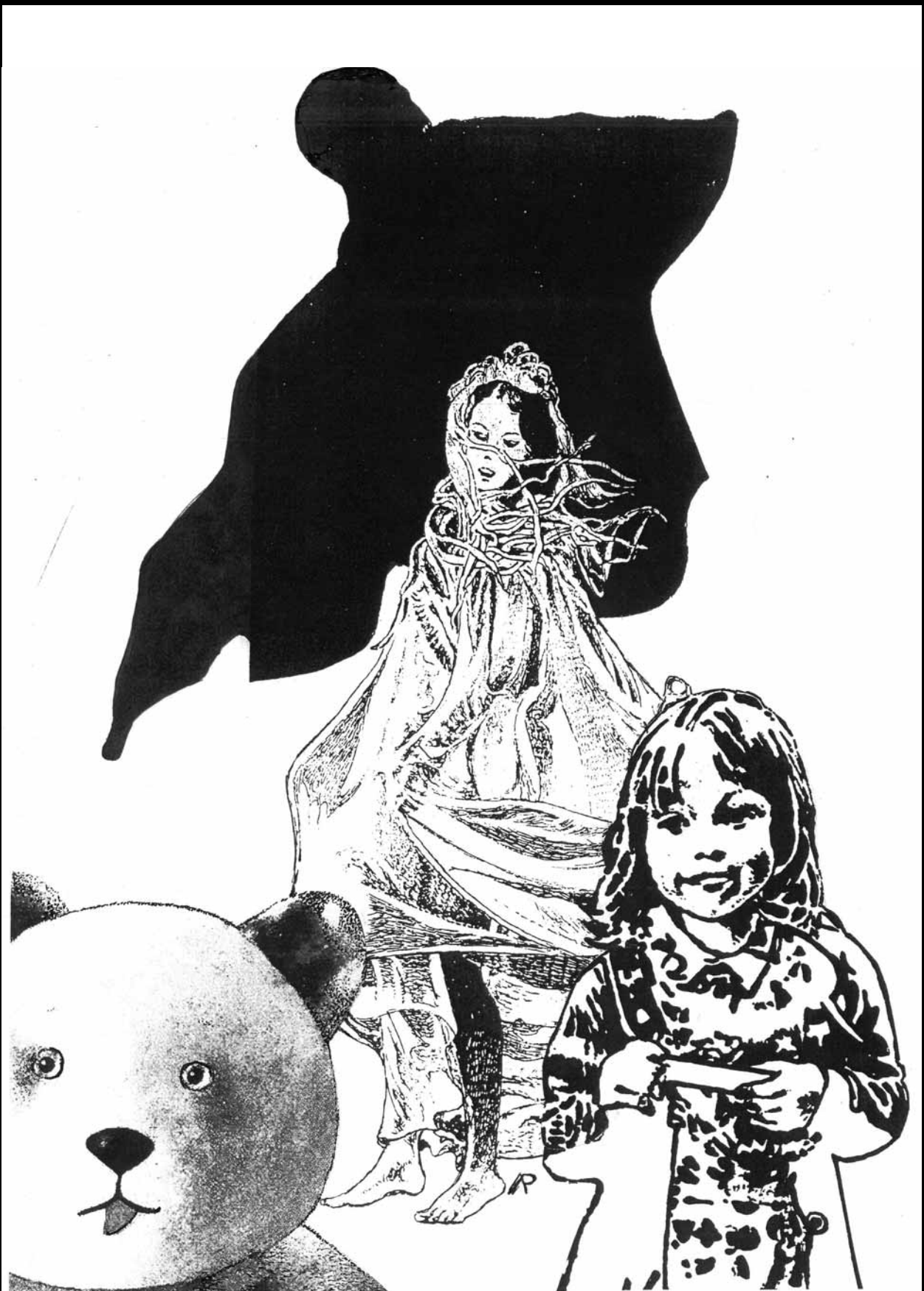
Ты моя надежда на земном пути,
Свет в конце тоннеля яркий впереди.
Ты звезда на небе, ты весь Мир земной,
Как хочу быть рядом я сейчас с тобой.
Ты рассвет небесный на закате дня,
Ты подкова счастья верного коня.
Талисман удачи, верный от беды,
Для души уставшей ты глоток воды.

Ты осенний дождик, ты весны капель,
Песни соловьиной сладостная трель.
Зимняя прохлада, солнца летний зной,
Как хочу быть рядом я сейчас с тобой.

Вечер в деревне

Поздняя осень уже догорает,
В небе холодном месяц дрожит.
Тихо деревня у леса вздыхает,
Сад облетевший покой сторожит.

ПЛЮШЕВЫЙ МИШКА

— Оль, оставайся у меня, мама манты варить собиралась, да и к экзамену подготовимся вместе, все не так скучно будет, — открывая скрипучую дверь полутемного подъезда, предложила Аленка.

— А Саша как... мы договорились, — попыталась возразить подруга.

— Саше позвони, в этот раз без тебя обойдется. Ничего страшного. Ты же совсем не готова, «трояк» схлопочешь, ему что, до этого дела нет? — Она остановилась, увидев выглядывавшие из почтового ящика белоснежные лилии. Оля восторженно смотрела, как Аленка берет в руки цветы. Вот это жених, думала она, не то, что мой Саша, он-то не способен на подобные сюрпризы.

— Странно, четыре, как на могилу, — пожала плечами Аленка, — может, дети вытащили, придется делить на две вазочки.

Ольга вставила, что недаром Аленкин Андрей, будущий военный летчик, такой романтик, надо же приехать с другого конца города только для того, чтобы так красиво преподнести невесте цветы.

— Это не Андрей, это Женька, мой друг, мы в детстве были, не разлей вода, как из армии пришел — через день в ящике цветы. Два месяца назад вернулся, а в гости наведалься только вчера, — пожала худенькими плечами Аленка. — Я в клуб собиралась, на дискотеку, Андрея ждала. Так толком и не поговорили. Ладно, идем, теория музыки ждет, — улыбнулась она.

Ольга послушно последовала за подругой. Исписанные цветным мелом стены гулким эхом отзывались на бесперывное щебетание девушек.

Мама встретила их у порога, сразу пригласила за стол. Манты удались на славу. Оля с удовольствием съела свою порцию и попросила добавки. Потом, уединившись в кабинете, девушки погрузились в повторение пройденного материала. Аленка, лучшая ученица на курсе, долго объясняла

ПЛЮШЕВЫЙ МИШКА

Ольге никак не дававшиеся подруге темы, решала с ней гармонические задачи, всякий раз встречая в ее глазах пустоту и непонимание, приводила простые сравнения, а когда за окном совсем стемнело, проводила Ольгу до автобусной остановки.

На следующий день писали годовой экзамен, затем, по традиции, отправились в кафе-мороженое. Аленка, наслаждаясь пломбиром с клубничным сиропом, посетовала, что опять должна весь день сидеть с маленькой Нюшей, мама на работу уходит, а отец с братом на гастролях вторую неделю, Оля, в свою очередь, пожаловалась, что так и не решила задачу по гармонии. Затем разговор плавно перешел на предсвадебные хлопоты, обе девушки в скором времени выходили замуж. Ольга присмотрела платье в салоне для новобрачных, Алена собиралась шить на заказ. Ей некуда торопиться, свадьба в сентябре, а вот Ольге уже через месяц предстоит стать невестой, она сильно нервничает, какая тут учеба в голову ползет.

Простившись с заторопившейся на свидание подругой, Алена отправилась домой. Подошла проверить почту, цветов в ящике не было. Неприятная иголочка кольнула сердце, но девушка прогнала из головы ненужные мысли, в самом деле, она уже почти жена, неприлично думать о другом человеке. Женька, конечно, не чужой, но все же...

На тяжелой двери лифта красовалось написанное от руки объявление: «Лифт не работает», пришлось тащиться пешком на седьмой этаж. Выживая на ходу ключи из сумочки, Аленка заметила на полу у своей квартиры коричневого плюшевого мишку. Наверное, сестренка Нюша вынесла, она большая фантазерка, видимо, таким образом наказала непослушного зверя, все в учительницу играла. Она присела на корточки, взяла в руки медвежонка. Присмотревшись, поняла, что он — не Нюшин, у того давно отвалился и потерялся пластиковый нос, а у этого все на месте.

Тогда они переехали из Астрахани на новое место жительства, Алена впервые вышла во двор

и играла на детской площадке с мишуткой в дочки-матери. Воспоминания детства нахлынув, принесли с собой даже запахи, тогда еще новые и незнакомые ароматы цветов, заботливо высаженных на просторной круглой клумбе, окруженной высокими кустами, в тени которых маленькая девочка баюкала мишку в игрушечной коляске, готовила ему кашу из нежных лепестков ноготков. Мама окликнула ее с балкона, и Алена вышла из укрытия, оставив уснувшего мишутку в тени. А когда вернулась, то обнаружила свою коляску лежащей на боку, а мишку на пыльной тропинке, ведущей к соседнему дому. Он был весь грязный, будто его топтали ногами, голова косолапого любимца болталась на нитках, из нее, не переставая, высыпались опилки. Она прижала горемыку к груди, и из глаз ее брызнули слезы. Вдруг Аленка увидела неподалеку мальчика, он смотрел на нее и улыбался. Она бросилась на обидчика, повалила его на землю, вцепилась в рубашку, кричала, не помня себя, обидные слова. Удивительно, он не сопротивлялся, только пытался закрыться от ее маленьких, неистово колотивших его в грудь кулачков. В его глазах застыло изумление, но Алена продолжала вести праведный суд над изувером, пока их не разняла подросшая мама мальчика. Размазывая по лицу грязь вместе со слезами, Аленка показала принявшейся кричать на нее женщине пострадавшего мишку, а потом, не в силах говорить, пальцем ткнула в ее сына. Мальчик тут же получил от матери увесистый подзатыльник и опустил голову. На крики прибежала мама Алены, подтянулись другие соседи. Мама сорванца долго извинялась, сказала, что они живут в соседнем доме, что попробует починить пострадавшего мишку, а сына накажет по всей строгости. На этом и разошлись. Женщина увела за все это время не проронившего ни единого слова мальчика домой, а мама забрала содрогавшуюся в немой истерике Аленку.

На следующий день женщина с мальчиком пришли к ним домой. Принесли с собой мишку, правда, без носа, но целого и невредимого. Оказалось, что ее сын медведя не трогал, это сделал другой мальчик, разорвал и убежал, что подтвердила наблюдавшая из окна соседка с первого этажа, а Женя случайно оказался рядом.

— Мой Женька, конечно, не подарок, — нежно поглаживая затылок смущенного мальчика, говорила женщина, — но совершить подобное изуверство просто не мог, я сразу это поняла. Ну, ничего, жаль только, наказала его ни за что, до вечера в углу простоял, и, что удивительно, молча, ничего не сказал в свою защиту. А мишку вашего я зашила, негоже топтыге пропадать. Только вот нос его мы так и не нашли.

Теперь настала очередь извиняться Аленкиной мамы. Женщина снисходительно кивнула, мол, кто в жизни не ошибался, представилась Любой, поинтересовалась, откуда они переехали. Мама угостила гостей чаем с горячими пирожками. Потом Аленка подошла к Жене и позвала его в детскую играть.

ПЛЮШЕВЫЙ МИШКА

Так началась их дружба, затянувшаяся на долгие годы.

— Э-э-э-э, — протянул вдруг мишка. Алена вздрогнула, очнувшись от воспоминаний. Близорукие глаза, носить очки девушка стеснялась, постепенно сфокусировались на симпатичной мордочке. Девушка разглядела живые глаза, никак не вязавшиеся с коричневым плюшем, они смотрели на нее в упор, каким-то потусторонним взглядом. Алена хотела отвернуться, но не могла, глаза притягивали магнитом, влекли за собой. Через мгновение мишка исчез, а на его месте, медленно проступая сквозь искусственный, местами потертый мех игрушечного зверя, проявилось человеческое лицо. Женька?! Чувствуя, как волосы на ее голове, точно наэлектризованные, становятся дыбом, Алена потрясла головой, старалась прогнать наваждение, но Женья не исчезал, напротив, знакомые черты становились все четче. Девушка застыла, не в силах отвести глаз от его мертвенно-бледного лица. Мурашки побежали по телу, ледяная волна, ударив в ноги, намертво пригвоздила к полу. Руки чувствовали мягкую ворсистую ткань, впившиеся в тело игрушки пальцы ощущали под ней опилки, а глаза упрямо видели иное.

Где-то громко ухнула дверь. Резкий звук многоголосным эхом разбежался по пустынным пролетам лестницы. Аленка вздрогнула, и видение вдруг испарилось — она снова держала в руках обыкновенного плюшевого мишку. Точно во сне, девушка усадила мишку к стене и облегченно вздохнула. Но страх, не желая отпускать, продолжал сжимать душу холодной костлявой лапой.

Мама встретила ее на пороге, лицо ее было белее снега, а в глазах застыли бисеринки слез:

— Мама?! — сорвавшимся голосом выкрикнула Алена.

— Женья в коме... — тихо проговорила мама, — схватился за оголенный высоковольтный провод...

— Как? — сползая по стенке на стоящую за дверью табуретку, выдохнула Алена.

— Пока ничего не знаем, я сейчас в больницу поеду. Ньюшу к бабе Паше отвела. Ты со мной?

У Алены не было сил ответить, перед глазами стоял сплошной туман.

Мама ушла, захлопнув за собой дверь. Алена осталась одна, стараясь глубоко дышать, унять разогнавшееся сердечко. Вчерашний разговор, его и разговором то назвать трудно, так, перекинулись парой слов, словно сам собой всплывал в голове.

— Лен, я к тебе, поговорить, — окликнул ее Женька, входя в комнату.

— Заходи. — Уткнувшись в зеркало, Алена накладывала на длинные ресницы последние штрихи туши. Потом поправила волосы и повернулась.

Женька остановился у порога, словно не решаясь войти, и разглядывал ее, будто впервые видел, по лицу его блуждала странная улыбка.

— Какой ты взрослый стал, — стараясь прервать неловкое молчание, произнесла Аленка, — совсем мужчина. Ну, говори, что молчишь?

— Ты красивая, то есть я хотел сказать, ты очень красивая и так, без краски, — с заметным усилием заговорил Женька.

— Спасибо, — кивнула Аленка, — ты это хотел мне сказать?

— Нет. — Он запнулся, опустил голову, некоторое время смотрел себе под ноги, потом, точно решившись на что-то, поднял глаза: — Точнее, и это тоже, прости.

Алена в замешательстве пожала плечами, видеть друга в таком состоянии ей еще не приходилось. Она почувствовала, как щеки сами собой наливаются стыдливым румянцем, и что-то еще, удивительное, непривычное, чему не было объяснения. Тишина повисла между ними, обрела плотность, становясь непреодолимой преградой с каждой пустой, не заполненной словами секундой.

— Я спросить хотел, — наконец нарушил молчание Женя.

— Спрашивай, — кивнула Алена и посмотрела на часы — скоро должен придти Андрей. Но она ведь не делает ничего плохого, мало ли, кто в гости заглянуть может. В опустевшей голове пульсировала одна единственная мысль:

«Нельзя, чтобы они с Женей встречались, иначе Андрей все поймет. Поймет что?»

— Это правда, что ты замуж выходишь?

— Правда. Заявление уже в загсе, а что? Боишься, на свадьбу не позову? — попыталась она разрядить напряжение неудачной шуткой.

— Не боюсь, — пронзил Алену тоскливым взглядом Женя, наигранная улыбка задрожала на его лице. — Скажи, ты его любишь?

ПЛЮШЕВЫЙ МИШКА

— Жень, ты чего? — удивленно проговорила Алена. Но почему так странно трепещет сердце, ведь этот высокий и красивый парень напротив — Женька, всего лишь друг?!

— Просто скажи, любишь, или нет.

— Люблю... Люблю! — словно уговаривая саму себя, громко повторила она.

Ей показалось, или Женька действительно дернулся, будто его наотмашь ударили по лицу? Он ничего не сказал, молча повернулся и ушел. Она услышала, как хлопнула входная дверь, и вздрогнула. Не может быть! Ну да, Женя ей всегда симпатизировал, защищал от дворовых мальчишек, хоть Аленка и сама была не прочь подражаться с обидчиком, кем бы он ни был. Но это все детство. Вот только после армии друг повел себя странно, сразу не зашел, только цветы с неизменным постоянством стали появляться в почтовом ящике.

Несколько дней назад цветы увидел Андрей, вырвал из рук изумленной девушки, бросил их на пол и растоптал. После чего устроил допрос с пристрастием.

Она отшучивалась, что это дети, наверное, больше некому. К чему ей неприятности? Глаза жениха сверкали злобой, несколько минут он тяжело дышал ей в лицо, а она испуганно молчала. Точно такой же бесконтрольный ужас Алена испытала, когда Андрей делал ей предложение. Поднявшись на балконные перила, сказал, что, если она откажет, он прыгнет — жизнь без нее ему не нужна. Алена, застигнутая врасплох его решимостью, застыла на месте. Она не понимала, почему этот несимпатичный парень с ледяными глазами, месяц назад навязавший себя в качестве провожатого с дискотеки в летном училище и после этого упорно добивавшийся последующих встреч, вдруг заговорил о свадьбе, да еще в подобной дикой форме. Хотела закричать, позвать на помощь, но слова застряли в горле

при виде того, как он готовится шагнуть в пустоту. А ведь Ольга, день рождения которой они весело отмечали еще минуту назад, живет на девятом этаже. Что-то надломилось у нее внутри, голова закружилась, а Андрей, не сводя с нее глаз и балансируя в воздухе руками, точно цирковой артист на проволоке, перешагнул с ноги на ногу. Холодный пот прошиб ее с ног до головы, не помня себя, Алена рванулась вперед, обняла его за ноги, что-то кричала в опустившиеся на город стальные сумерки, кажется, соглашалась, кажется, просила... А он уже слез с перил и, прижимая к себе, обнимал ее хрупкое дрожащее тело. Она не видела его лица, но слышала, как его губы произносят слова признания... Мир завертелся вокруг, поплыл перед глазами, и она согласилась. Согласилась на все.

С того дня Андрей обрел над ней странную власть. Когда его не было рядом, Алена не понимала, зачем продолжает встречаться с этим чуждым и чужим ей человеком, почему дрожит от каждого его прикосновения. Иногда думала, а что бы произошло, если она ответила отказом или просто ушла с балкона в тот вечер, но на этом мысли обрывались. Много раз представляла себе, как расстанется с ним, но, стоило ему приблизиться, прежняя решимость сгибалась под пристальным взглядом его серых, всегда прищуренных глаз. Она уговорила себя, что любит. Потом стала даже гордиться женихом. Андрей с золотой медалью окончил сельскую школу, мечтая о небе, сам подготовился и без всяких знакомств поступил в высшее летное училище, которое заканчивал сейчас тоже с отличием. Он умел добиваться поставленной цели, вот и ее добился. Алена познакомила будущего мужа со своими родителями. Она заметила, как отец удивленно пожал плечами, но промолчал, а мама приняла Андрея с восторгом.

И вот, всего лишь розы в почтовом ящике, а в сузившихся до маленьких щелок, свинцовых глазах Андрея — безумная ярость. Алена робко попыталась вырваться, он отступил, извинился за вспышку, обнял, и, казалось, неприятный эпизод был забыт...

Неведомая сила подняла Алену с табурета, вытолкнула в подъезд. Медвежонок тихо сидел у стены, глядя на нее почти человеческими глазами. Она посмотрела на него и вернулась назад, в спасительную тишину пустой квартиры, щелкнула выключателем, зажгла повсюду свет, но это не помогло растопить покрывшую сердце ледяную корку.

Мама вернулась поздно, застала дочь перед полной чашкой остывшего чая, сообщила, что Нюша уже заснула, и она оставила сестренку у бабы Паши.

— Как Женя? — спросила Алена.

— Родителям ничего определенного не сказали, — вздохнула мама, — но я, улучив минутку, поговорила с врачом с глазу на глаз. — Она медленно опустилась на табурет, закрыла лицо руками: — Господи, как страшно!

ПЛЮШЕВЫЙ МИШКА

— Что? Мама, говори, пожалуйста, — взмолилась Аленка.

— Врач сказал, что мозг умер сразу, работает только сердце, организм молодой, здоровый, но Жени больше нет. Физическая смерть — всего лишь вопрос времени. Доктор просил близким ничего не говорить, пусть у родителей будет надежда, ведь единственный сын, а тут такое. Если бы с кем-нибудь из вас, я не знаю... — всхлипнула мама.

— Если сердце работает, может быть, еще проснется. Обязательно проснется, — решительно проговорила Алена. — Женька сильный, он должен.

— Отец сказал, он намеренно. За день до этого странно себя вел. Вечером закрылся в своей комнате и не выходил, они думали, приболел, а сегодня снял перчатку и взялся за провод. Помнишь, я тебе говорила, что папа принял его в свою бригаду, подработать после армии. Вот и подработал. Они понять не могут, в чем причина. Он вчера к тебе заходил, ничего не говорил?

Алена превратилась в ледяную статую. Господи, как он мог?! Как мог?! Почему молчал столько лет! Липкое, гадкое и непривычное чувство вины прогорклой слизью заполняло душу. Он пришел поговорить, а она ждала Андрея, не хотела, чтобы будущий муж увидел Женю, и буквально прогнала его. Вот этим своим: «Люблю».

— Мама, это я. Я — убийца, — упала она в объятия матери.

— Что ты такое говоришь?

Но Алена ничего не слышала, говорила и не могла остановиться. Видела, как мамины глаза стекленеют от ужаса, но продолжала, кричала и билась в ее руках, точно подстреленная птица, а потом вдруг замолчала, вместе с криком из нее выливались силы, все, до последней капли.

Вдруг в дверном проеме мелькнула призрачная тень.

— Женя!

Мама схватила Алену за полу халата:

— Доча, что с тобой? — По ее щекам бежали мокрые соленые дорожки. — Там никого нет.

Алена отвернулась, ушла в свою комнату и легла на кровать, с головой укутавшись в одеяло. Она не вставала два дня, температура поднялась под сорок. В горячечном бреде ей виделся Женя, стоящий за дверью, не решаясь войти. Вынести его взгляд она не могла и просила мать плотнее закрывать за собой дверь. Мама пыталась успокоить, плакала, срывающимся голосом шептала молитвы, слушая произносимые во сне страшные слова признания. Да и наяву девушка твердила, что видит Женю.

— Мама, он здесь. Возле тебя стоит, разве не видишь? — глядя в пустоту, шептала девушка. — Скажи ему, чтобы ушел. Уйди! Женечка, пожалуйста, уйди!

Но он приблизился и сел на край кровати. Алена накрылась с головой одеялом и все равно продолжала ощущать незримое присутствие...

В какой-то момент ей вдруг показалось, что в комнату вошла Нюша и нежно погладила сестру по голове. Увидев Женю, она взяла его полупрозрачную руку в свою крохотную ладошку и увела из комнаты прочь. Алена услышала, как мама за стеной журит сестру, и провалилась в слепой серый сон...

Наутро лихорадка отступила. Алена поднялась и вышла в гостиную. Мама сидела за столом, размазывая по лицу соленые слезы. Дернулась, когда увидела перед собой бледную, в лице ни кровинки, и пошатывающуюся при каждом шаге, словно былинка на ветру, дочь.

— Женя умер, — тихо сказала Алена.

Она подошла к пианино, откинула крышку. Инструмент, словно почувствовав присутствие хозяйки, вздохнул струнами. Руки сами собой легли на клавиши, и через несколько минут звуки скорбных аккордов разлились по квартире, забираясь в каждый уголок, проникая под кожу. Прекрасная мелодия оживала, дышала скорбью недосказанности, заканчивалась и возвращалась в начало. Моцарт написал этот реквием, предчувствуя собственную гибель, и Алена сейчас играла Слезную, она не могла по-другому выразить рвущую душу на части невозможную и непривычную боль.

Мама с силой оторвала от клавиатуры руки дочери:

— Я говорю, перестань немедленно! — кричала она.

Алена кинулась ей на грудь, а потом, когда слез уже не осталось, оттолкнула ее от себя и в одной ночной рубашке вышла на лестничную площадку.

Медвежонок сидел на прежнем месте, а над его головой краснело на стене размазанное пятно, будто кто-то, истекая кровью, пытался удержаться за отвесную гладкость стены. Она протянула руку и вздрогнула, ощутив движение за спиной. Но это была Нюша. Девочка взяла мишутку на руки, внимательно и сочувствующе посмотрела на сестру, прижала игрушечного зверя к груди и унесла его в квартиру.

На похороны друга Алена не пошла. □

Светлана
Бестужева-Лада

«От героев былых времен
не осталось порой имен...» —
поется в песне из одного
популярного фильма.
Но бывало и наоборот:
остается только имя,
а вокруг него — легенды,

А был ли герой?..

превращающиеся со временем в исторические факты. Ставится памятник на могиле, где никто не похоронен, создается музей. Школьникам задают сочинения на тему о герое, писатели пишут романы, режиссеры ставят фильмы... А был ли он на самом деле? Человек с таким именем был, это точно, только про жизнь и смерть его почти ничего неизвестно — почти все придумано...

Те, чья юность пришлась на середину прошлого века, помнят, конечно, и книгу Дмитрия Нагишкина «Сердце Бонивура», и одноименный фильм. По этим двум источникам можно воссоздать официальную биографию героя-дальневосточника. Секретарь комсомольской организации батальона имени Карла Либкнех-

та в 1920 году по заданию партизан расклеивал листовки и собирал сведения о врагах. После возвращения из Москвы с III съезда РКСМ он возглавил революционную молодежь в оккупированном интервентами Владивостоке. Распространял революционную литературу, организовывал побеги политзаключенных, пе-

чатал листовки, уничтожал провокаторов, проводил диверсии. По решению партийного комитета был назначен комиссаром партизанского отряда. Захватив его вместе с другими ранеными бойцами в плен, белогвардейцы зверски убили его, вырезав, еще у живого, сердце.

В реальности все было проще. Виталий Баневур родился в Варшаве в семье ювелира. Его мать, Анна Наумовна, была по образованию врачом, но по специальности не работала и занималась только семьей. В 1915 году семья Баневуров эвакуировалась в Москву, а в августе 1917-го переехала во Владивосток, где Виталий окончил Владивостокскую мужскую гимназию. Его отца к тому времени уже не было в живых.

Еще в гимназии он увлекся политической деятельностью и состоял в Союзе учащихся социалистической интеллигенции. Мать и сестра Лидия, опасаясь прихода большевиков, эмигрировали в США. Виталий ехать с ними отказался.

Вот, собственно, и все, что о нем доподлинно известно и может быть подтверждено документально.

Дмитрий Нагишкин, получив заказ на книгу о герое-партизане Дальнего Востока, прежде всего, поменял ему фамилию на более благозвучную — Бонивур, и сделал своего героя руководителем комсомольского подполья Владивостока. Он же отправил его в октябре 1920 года вместе с несколькими товарищами в Москву на III съезд комсомола, хотя реальный прототип в списках участников съезда не

числится и, судя по всему, в Москве никогда не был.

Признанным фактом является то, что Виталий Баневур (Бонивур) участвовал и в Гражданской войне на Дальнем Востоке, и в партизанском движении, причем незадолго до эвакуации японцев был убит казаками.

Мы как-то забываем, что в начале двадцатых годов Дальний Восток был частично оккупирован японской армией, которая с успехом сотрудничала с белогвардейцами в борьбе с большевиками. По версии Дмитрия Нагишкина, в декабре 1921 года Виталий Баневур вместе с Марией Фетисовой начал восстановление разгромленного Владивостокского подполья. О его деятельности стало известно белогвардейцам, и они объявили награду за его голову. По предложению руководства Баневур покинул город и устроился работать в депо станции Первая речка.

В депо строились бронепоезда для японской армии. Виталий организовал там подпольную группу, которая начала бороться против строительства бронепоездов: устраивались аварии, итальянские забастовки. Более того, удавалось организовывать диверсии против уже выпущенных бронепоездов: они попадали на запасные пути, слетали с рельс и разбивались.

Тем не менее обстановка в депо вокруг Баневура начала накаляться, и, по решению подполья, он ушел в тайгу, в отряд Топоркова. В отряде Баневур принимал участие в диверсионных акциях против поездов белогвардейцев и японских интервен-

тов, в уничтожении телефонных и телеграфных линий, налетах на гарнизоны белогвардейцев.

В июне 1922 года Япония объявила об эвакуации своих войск из Приморья, после чего началось наступление Народно-революционной армии. В сентябре Дальбюро ЦК РКП(б) приняло решение в занятых белыми и интервентами районах тайно провести съезды крестьянских уполномоченных, выделенных бедняцко-средняцким активом. Съезды должны были избрать комитеты по установлению советской власти в Приморье.

Такой съезд был намечен на 13 сентября в деревне Кондратеновка. Предатель сообщил белогвардейцам в Никольск-Уссурийске о проведении съезда, и они, направив туда свои отряды, схватили Виталия Баневура. В течение нескольких дней он подвергался страшным пыткам, а 17 сентября был выведен за деревню и убит — белогвардейцы, разрезав грудь, вырвали его сердце.

Писатель Виктор Кин в статье, опубликованной в 1925 году, дал несколько иную версию гибели Баневура. По его утверждению, Баневур

был инструктором Никольск-Уссурийского бюро комсомола, располагавшегося в деревне Кондратеновка. Так как белые готовились к эвакуации, то их в расчет вовсе не принимали. Однако на деревню был произведен казачий налет, и замешкавшийся Баневур (он пытался спасти пишущую машинку) был убит казаками, которые вывели его из деревни и вырезали ему сердце.

По утверждению же краеведа Юрия Филатова, специально занимавшегося вопросом деятельности дальневосточного подполья, он не

цев. И которого, как утверждает актер, воплотивший мужественного героя на экране, в реальности никогда не было!

— Виталий Бонивур — фантом, выдуманный советской пропагандой! Дмитрия Нагишкина, автора романа «Сердце Бонивура», направили в Приморье сразу после войны, чтобы он написал исторический роман на революционную тему. Но только в 1954 году он написал эту книгу. Причем просто наткнулся на фамилию Бонивур в каких-то документах, и она ему понравилась. Он в ней изме-

Е

ще в гимназии Виталий увлекался политикой и революционными идеями и с весны 1918 года состоял в Союзе учащихся социалистической интеллигенции. Его мать и сестра Лидия, опасаясь прихода большевиков, эмигрировали в США. Виталий ехать с ними отказался. Вот, собственно, и все, что о нем доподлинно известно

нашел имени Баневура ни в одном из списков комсомольских делегатов. Тот был просто связным партизанского отряда имени Карла Либкнехта и был убит казачьим разъездом, когда пробирался на соседний хутор, где жила его девушка.

Российскому зрителю, тем, кому сейчас под 50 и более, Лев Прыгунов запомнился прежде всего яркой ролью большевика-подпольщика Виталия Бонивура в телесериале «Сердце Бонивура», отдавшего свою молодую жизнь за освобождение Приморья от белогвардей-

нил букву «а» на букву «о», а все остальное придумал.

По словам Прыгунова, подробностями создания романа «Сердце Бонивура» с ним поделилась дочь Дмитрия Нагишкина, Ирина, с которой он дружил. А ей, в свою очередь, рассказал отец. Скорее всего, не стоит брать на веру «откровения» артиста, хотя у него вполне может быть своя правда в этой истории.

— Когда вышла книга, она очень плохо расходилась. Потом комсомольцы за нее зацепились и начали ее раскручивать. Им нужен был но-

вый герой. А в 1968 году неожиданно начались съемки фильма по этой книге. Фильм снимали в Черновицах, в Прикарпатье, там места очень похожи на Дальневосточные. И горы такие же, как сопки в Приморье. Оператор туда поехал, поснимал какие-то пейзажи, а мы со съемочной группой там не были, основные съемки проходили в Москве. Когда вышел фильм, он получил совершенно невероятную популярность! И тут же появились родственники командира партизанского отряда Топоркова и его бойцов. Тут же на-

мья с приходом красных партизан уехала за границу, — утверждают краеведы.

В конце 60-х годов XX века дальневосточные моряки рассказывали, что в одном из портов Канады они встречались со старухой, которая подробно расспрашивала их про Владивосток. Она говорила, что ее сын, Виталий Бонивур, погиб незадолго до прихода красных и похоронен именно там, где находится его официальная могила, только в надписи была сделана ошибка: вместо «а» написали «о», а исправлять было не-

О

таком герое Гражданской войны, принявшем мученическую смерть, узнали спустя 30 лет после его гибели благодаря роману Дмитрия Нагишкина «Сердце Бонивура». Роман писался долго, но получился очень интересным. Удалось в мельчайших деталях рассказать о жизни Владивостока и собрать правдивый исторический материал о красных партизанах

шла деревня Бонивурово. Выяснились еще какие-то «исторические» подробности. И это нормальная советская мифология.

А как же тогда могила Бонивура, возникшая задолго до написания книги и, тем более, появления фильма? В свое время все пионеры Приморского края бывали на ней в обязательном порядке. Даже сейчас туда все еще организуют экскурсии.

— Где настоящая могила Бонивура, точно никто не знает. Его се-

когда, вот-вот должен был отойти последний пароход в Канаду.

Вообще о таком герое Гражданской войны, принявшем мученическую смерть, узнали спустя 30 лет после его гибели благодаря роману. Писался он долго — с 1944 по 1953 год, но получился очень интересным. Удалось в мельчайших деталях рассказать о жизни Владивостока, собрать исторический материал о красных партизанах, и читатели поверили в красивую в своей

жестокости легенду. Правда в ней все-таки была — белогвардейцы действительно жестоко истязали красных, вырезали им звезды на спине и груди, отрубали головы и с ними фотографировались.

Помимо мучительной смерти и вырванного сердца автор книги приписал Бонивуру огромный авторитет среди молодежи, членство в обкоме РКСМ и участие в съезде.

На самом деле, по словам Юрия Филатова, в гимназии будущий герой учился плохо, хулиганил и грубил взрослым. Потом влюбился в «идейную» девушку, увлекся идеями переустройства мира, покинул родительский дом и подался к партизанам. Там было не скучно.

«Нам не чуждо было и бурное веселье, свойственное комсомольскому возрасту, — вспоминает в мемуарах красный партизан Николай Харченко. — Мы с удовольствием танцевали под гармошку и балалайку, проводили веселые массовые игры. При центральной школе рудника организовали школу танцев. В хоровом кружке (руководил им лаборант Пасхальский) разучивались любимые шахтерами революционные и народные песни, бала поставлена драма "Труд и капитал"».

— Летом 1922 года Виталий Бонивур служил связным в отряде имени Карла Либкнехта, — рассказывает свою историю Филатов. — На соседнем хуторе жила его возлюбленная. Ночью он пошел к ней, но по пути наткнулся на казачий разъезд. Виталий бросился бежать. Казаки его догнали и прямо на ска-

ку рубанули шашкой. По одной версии, этот удар оказался смертельным, по другой — еще живого доставили в отряд и там расстреляли.

Получить всесоюзную известность спустя тридцать лет после смерти — случай почти библейский. Простой паренек стал кумиром миллионов только потому, что писателю заказали роман, а потом по этому роману сняли фильм.

Не зря в свое время Советский Союз в шутку называли «страной чудес». Действительно, в каждой шутке... □

Я встретил ее в театре. В антракте она мне кивнула, я подошел к ней и сел рядом. Я не видел ее очень давно и, если бы не услышал ее имени, то, пожалуй, не узнал бы ее.

— Сколько лет мы с вами не видались! — с улыбкой сказала она. — Как летит время! Да, мы не молодеем. Помните нашу первую встречу? Вы пригласили меня позавтракать.

Помню ли я!

Это было двадцать лет назад, я жил тогда в Париже. Я снимал в Латинском квартале крошечную квартиру окнами на кладбище, и денег, которые я зарабатывал, едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Она прочла одну из моих книг и написала мне. Я ответил несколькими словами благодарности и вскоре получил от нее еще одно письмо, в котором она писала, что будет проездом в Париже, и хотела бы со мной поболтать; но у нее очень мало свободного времени, и единственный день, который она может мне уделить, это следующий четверг; утро она проведет в Люксембургском дворце, а потом мы могли бы позавтракать у Фуайо. Ресторан Фуайо посещают французские сенаторы, мне он был не по средствам, я никогда и не помышлял о нем. Однако ее внимание мне польстило, к тому же я был слишком молод и не научился еще говорить женщинам «нет». (Мужчину редко удастся научить этому, прежде чем он достигнет такого возраста, когда женщине уже безразлично, что он скажет.) У меня до конца месяца оставалось восемьдесят франков, а скромный завтрак не мог, конечно, стоить дороже пятнадцати. Если оставшиеся две недели обходиться без кофе, мне бы этих денег вполне хватило.

Я ответил, что в четверг буду ждать моего неизвестного друга у Фуайо в половине первого. Она оказалась не такой молодой, как я ожидал, и вид у нее был скорее внушительный, нежели привлекательный. Это была женщина лет сорока (возраст прелестный, но едва ли способствующий пробуждению сокрушительной страсти с первого взгляда). У нее были крупные ровные белые зубы, только мне почему-то казалось, что их больше, чем нужно. Она была болтлива, но, видя, что она склонна болтать обо мне, я готов был слушать ее с вниманием.

Когда я взглянул на карточку, у меня потемнело в глазах — цены были гораздо выше, чем я предполагал. Но она меня успокоила:

— Я никогда не завтракаю.

— Вы меня обижаете! — великодушно воскликнул я.

— Я никогда плотно не завтракаю: не больше одного блюда. По-моему, люди в наше время слишком много едят. Немножко рыбы, пожалуй. Интересно, есть у них лососина?

Для лососины был еще не сезон, и в карточке она не значилась, но я все же спросил у официанта, нет ли у них лососины. Да, они только что получили чудесного лосося — первого в этом году.

Я заказал для моей гостьи лососину. Официант спросил у нее, не прикажет ли она подать какую-нибудь закуску, пока будут готовить заказ.

— Нет, — отвечала она, — я никогда плотно не завтракаю. Разве если у вас есть икра. От икры я не откажусь.

У меня екнуло сердце. Я знал, что икра мне не по карману, но как я мог признаться в этом? Я сказал официанту, чтобы он непременно подал икру. Для себя я выбрал самое дешевое блюдо — баранью отбивную.

— Зачем вы берете мясо? — сказала она. — Не понимаю, как можно работать после такой тяжелой пищи. Я против того, чтобы перегружать желудок.

Теперь предстояло выбрать вино.

— Я ничего не пью за завтраком, — сказала она.

— Я тоже, — поспешно заявил я.

— Кроме белого вина, — продолжала моя гостья, как будто и не слышала моих слов. — Французские белые вина такие легкие. Они очень хороши для пищеварения.

— Какое вы предпочитаете? — спросил я все еще любезно, но без излишней восторженности.

Она блеснула своими ослепительными зубами:

— Мой доктор не разрешает мне пить ничего, кроме шампанского.

Кажется, я побледнел. Я заказал полбутылки. При этом небрежно заметил, что мой доктор категорически запретил мне пить шампанское.

— Что же вы тогда будете пить?

— Воду.

Она ела икру, она ела лососину. Она непринужденно болтала об искусстве, о литературе, о музыке. А я сидел и подсчитывал, сколько придется платить. Когда мне принесли заказанное блюдо, она взялась за меня всерьез.

— Я вижу, вы привыкли плотно завтракать. И совершенно напрасно. Берите пример с меня. Уверяю вас, вы почувствуете себя гораздо лучше, если будете есть только одно блюдо.

— Я и собираюсь есть одно блюдо, — сказал я, видя, что официант опять подходит к нам с карточкой.

Она грациозно от него отстранилась:

— Нет, нет, я никогда не завтракаю. Так, погрызу что-нибудь, да и то скорее как предлог для беседы. Я просто не в состоянии больше проглотить ни кусочка. Разве только если у них есть французская крупная спаржа. Быть в Париже и не попробовать ее — это просто обидно.

Сердце у меня упало. Я видел эту спаржу в магазинах и знал, что она ужасно дорогая. Не раз у меня текли слюнки при виде ее.

— Мадам желает знать, нет ли у вас крупной спаржи, — сказал я официанту, напрягая всю свою волю, чтобы заставить его ответить «нет».

Его круглая пасторская физиономия расплылась в радостной улыбке, и он заверил меня, что у них есть такая крупная, такая великолепная, такая нежная спаржа, просто чудо.

— Я ни капельки не голодна, — вздохнула моя гостья. — Но если вы настаиваете, я, пожалуй, съем немножко.

Я заказал.

— А вы разве не хотите?

— Нет, я спаржи не ем.

— Да, некоторые ее не любят. А все потому, что вы едите слишком много мяса, это портит вкус.

Мы ждали, пока приготовят спаржу. Мною овладел страх. Я уже не спрашивал себя, хватит ли денег до конца месяца, — я думал только о том, как бы уплатить по счету. Какой позор, если не хватит каких-нибудь десяти франков и придется занять их у моей гостьи. Нет, об этом не могло быть и речи. Я знал точно, сколько у меня есть, и решил, что, если счет превысит эту сумму, я опущу руку в карман и, с возгласом ужаса вскочив на ноги, скажу, что у меня украли кошелек. Будет, конечно, очень неловко, если у нее тоже не окажется денег. Тогда останется одно — предложить в залог свои часы, а потом вернуться и уплатить по счету.

Появилась спаржа. Она была необычайных размеров, сочная и аппетитная. Аромат растопленного масла щекотал мои ноздри, как запах ды-

мящихся тельцов, сжигаемых благочестивыми иудеями, щекотал ноздри Иеговы. Я следил, как эта бессовестная женщина самозабвенно поглощает кусок за куском, и деликатно рассуждал о состоянии современной драмы на Балканах. Наконец спаржа исчезла.

— Кофе? — спросил я.

— Да, кофе и мороженое, — отвечала она.

Мне уже нечего было терять, и я заказал себе кофе, а ей — кофе и мороженое.

— Вы знаете, есть одно правило, которому я всегда следую, — сказала она, доедая мороженое. — Человек должен вставать из-за стола с таким ощущением, что он еще не вполне насытился.

— Вы еще голодны? — едва выговорил я.

— Нет, что вы, я не голодна; я вообще не ем второго завтрака. Утром я выпиваю чашку кофе, потом обедаю, а на второй завтрак так что-нибудь перекушу, самую малость. Я имела в виду вас.

— А-а, понимаю.

И тут случилось нечто ужасное. В то время как мы ждали кофе, к нам подошел метрдотель и с угодливой улыбкой на лицемерной физиономии протянул нам большую корзину, полную огромных персиков. У них был румянец невинной девушки; у них было все богатство тонов итальянского пейзажа. Но откуда они взялись в это время года? Один бог знает, сколько они стоят. Я тоже это узнал — несколько позже, ибо моя гостья, не прерывая беседы, рассеянно взяла из корзины персик.

— Вот видите, вы набили желудок мясом (моя единственная несчастная котлетка!) — и больше ничего не в состоянии съесть. А я только слегка перекусила и теперь с удовольствием съем персик.

Принесли счет, и, когда я уплатил, у меня едва-едва осталось на чаевые. Взгляд ее на мгновение задержался на жалких трех франках, оставленных мною для официанта, и она, конечно, сочла меня скрягой. Но когда я вышел из ресторана, впереди у меня были целые две недели, а в кармане ни одного сантима.

— Берите пример с меня, — сказала она на прощание, — никогда плотно не завтракайте.

— Я сделаю еще лучше, — отвечал я. — Я сегодня не буду обедать.

— Шутник! — весело воскликнула она, вскакивая в экипаж. — Вы настоящий шутник!

Теперь я, наконец, отомщен. Мне кажется, я человек не злопамятный, но, когда в дело вмешиваются сами бессмертные боги, вполне прощательно обозреть плоды их труда с чувством удовлетворения. Она весит теперь триста фунтов. □

Евгения
Гордиенко

Вторая блондинка

Вера Джейн Палмер родилась в 1933 году, в городке Бринмор, Пенсильвания. После смерти отца семья переехала Нью-Джерси, но уже в 17 лет Джейн убежала из родительского дома в Техас, тайно выйдя замуж за Пола Мэнсфилда. Тогда она еще не выглядела так, как

ту. Через несколько месяцев продюсер получил письмо: «Я последовала вашему совету. Приходите по этому адресу». Когда он пришел, то, увидев ее, потерял дар речи. Перед ним стояла шикарная блондинка с великолепной фигурой и ослепительной улыбкой. Изменилась даже

Ее называли «Мэрилин Монро для бедных» и постоянно сравнивали с «главной блондинкой Голливуда». У нас она известна гораздо меньше, потому что фильмы с ее участием в прокат не выходили. Однако жизнь ее была ничуть не менее интересной и трагичной. Джейн Мэнсфилд — актриса, мама пятерых детей, прототип куклы Барби, обладательница IQ 163 и член сатанинской секты — кем же она была на самом деле?

мы привыкли видеть ее сегодня на фотографиях.

Обыкновенная девушка, чуть полная брюнетка, студентка Южного методистского университета по классу драматического искусства, мама первого малыша, жена обыкновенного парня. Американская идиллия, которая вскоре стала американской мечтой.

Все началось с того, что Джейн отправилась на кинопробы, выучив сложный драматический диалог. Однако продюсер, едва начав слушать претендентку, прервал ее словами: «Достаточно. Ну, потенциал у тебя есть. Похудей на пару килограммов и сделай что-нибудь с прической, а потом приходи». Он и не думал, что эта «дурнушка» последует его сове-

манера речи и тембр голоса начинающей актрисы. За образец, конечно, была взята Мэрилин Монро. Подражая ей же, в 1955 году Мэнсфилд снялась обнаженной в журнале «Playboy», что, конечно, резко прибавило ей популярности.

Она начала играть в театре, даже приняла участие в бродвейской постановке «Will Success Spoil Rock Hunter?» и сразу привлекла к себе внимание продюсеров.

После этого ей начали поступать предложения сняться в кино. За роль в фильме «Заблудившийся автобус» в 1956 году она получила премию «Золотой глобус».

Однако едва ли ее воспринимали как серьезную актрису. Как говорила сама Мэнсфилд о зрителях и кри-

*Джейн
Мэнсфилд
в юности*

тиках, «их гораздо больше волнуют мои 102-54-91», имея в виду, конечно, параметры фигуры. То, что она владела пятью языками, мало кого интересовало. Разумеется, при таком восприятии она едва ли могла рассчитывать на серьезные роли, о которых мечтала. К тому же у Мэнсфилд, с ее непростым характером, постоянно возникали конфликты с руководством киностудии.

Однако она продолжала сниматься в фильмах категории В, успевая при этом строить и свою личную жизнь.

Разойдясь с Полом Мэнсфилдом, Джейн вышла замуж за венгерского культуриста, обладателя титула «Мистер Вселенная» Микки (Миклоша)

Харгитя. В этом браке родилось трое детей, а дочь Джейн и Микки Маришка Харгитей стала известной актрисой, уже много лет с успехом снимающейся в сериале «Закон и порядок».

Именно Харгитей построил для Мэнсфилд ее знаменитый розовый дворец на бульваре Сансет в Голливуде. Впоследствии этот дом, где все было алым, розовым и утопало в сердечках, стал прототипом домика куклы Барби. Впрочем, это было логично, ведь та Барби, которую мы знаем сейчас, была «списана» именно с Джейн Мэнсфилд.

Первоначальный вариант Барби не понравился потребителям. По-

пулярность кукла начала набирать только после того, как за дело взялся дизайнер Джек Райан, которого недоброжелатели Барби любят упоминать, дабы «очернить» куклу. Райан по тогдашним меркам был абсолютным извращенцем: пять раз женат, не гнушался платными девушками, участвовал в оргиях. Однако именно Джек скопировал образ Джейн для Барби. Кукла стала точной копией актрисы — пышногрудая, белокурая, со вздернутыми бровями-ниточками и ярко-красными полными губами.

Однако жизнь с Харгитеем в розовом домике вовсе не была для Джейн радужной. Он приехал в Америку, чтобы покорить Голливуд, но вынужден был жить в тени славы своей жены. Гордого венгра Харгитя такое положение вещей, конечно, не устраивало. Его неуверенность в себе выливалась в семейные скандалы и даже в то, что он стал бить Джейн. Долго она такое выдерживать не могла и вскоре подала на развод, оставив детей себе.

Правда, счастливее от этого Джейн едва ли стала. После того как в 1962 году покончила с собой Мэрилин Монро, «спрос» на блон-

динок в стиле пен-ап резко упал. Джейн осталась единственной в своем роде и очень огорчалась из-за этого. Смерть Мэрилин она восприняла как личную трагедию, хотя они особенно не дружили. Их часто сравнивали, писали о романах той и другой с братьями Кеннеди. Кто же знал, что и погибнут обе совсем молодыми... Джейн, вероятно, предчувствовала это, потому так и расстраивалась из-за смерти «первой блондинки».

Знаменитая фотография, на которой Софи Лорен осуждающе смотрит на Мэнсфилд, явившуюся на чествование Лорен с поистине супер-декольте

После развода с Харгитеем она вышла замуж еще раз — за итальянского режиссера Мэтта Кимбера, и родила в этом браке пятого — и последнего — ребенка. Но брак этот продержался совсем недолго — из-за нового и весьма странного увлечения Джейн.

Она познакомилась с основателем сатанинской церкви Антоном Ла

Взем. В свое время он был любовником Монро и ту тоже пытался приобщить к своему учению. Джейн оказалась очень покладистой ученицей — она участвовала во всех ритуалах, придуманных Ла Взем специально для нее, носила подаренный им медальон с головой Бафомета, постоянно звонила ему и, если узнавала, что он занят другим разгово-

*Со вторым мужем —
Микки Харгитеем*

ром, требовала от телефонистки завершить тот разговор.

Через некоторое время из жрицы культа она превратилась в любовницу Ла Вэя. С Кимбером она к тому времени уже развелась, однако жила со своим адвокатом Сэмом Броуди, которому, разумеется, не нравились странные отношения Джейн и Ла Вэя.

Уверенность же ее в магических способностях Антона укрепилась после того, когда он обратился к сатане с просьбой спасти ее сына, пострадавшего после нападения льва в зоопарке, и мальчик, состояние которого считалось безнадежным, выздоровел.

*Дочь Джейн и Микки —
Маришка Харгитей — актриса,
снимающаяся в сериале
«Закон и порядок»*

Броуди, сходящий с ума от ревности, решился на отчаянный шаг: он ворвался в дом Ла Вэя в отсутствие хозяина и устроил дебош в ритуальной комнате. Ла Вэй, обнаружив, что Броуди зажег свечу проклятий в виде черепа, попросил Джейн бросить Броуди, убеждая ее, что теперь ее любовник проклят, и находиться рядом с ним опасно.

Однако Джейн все не решалась на окончательный разрыв, хотя слова Антона, как ни странно, подтверждались: Броуди два раза подряд попадал в автокатастрофы.

На третий раз с ним в машине оказались Джейн и трое детей.

28 июня 1967 года их «бьюик» столкнулся с грузовиком на туманной дороге. Джейн и Броуди погибли на месте, все дети чудом остались живы.

Эта история окутана множеством тайн. Одни говорят, что в момент автокатастрофы Ла Вэй вырезал из

газеты фотографию, на которой он возлагает цветы на могилу Мэрилин Монро. На обратной стороне газетной страницы был портрет Мэнсфилд. Ножницы Ла Вэй прошлись по шее актрисы. На следующий день газеты вышли с заголовками: «Джейн Мэнсфилд погибла.

Найден ее труп с отрезанной головой». Другие утверждают, что от удара с головы Джейн всего лишь слетел

местонахождение автомобиля неизвестно.

В семидесятых годах «Розовый дворец» Джейн был куплен певцом Энгельбертом Хампердинком. Ходят слухи, что певец видел в доме при-

парик, который репортеры в тумане и приняли за отрезанную голову. Третьи настаивают, что виновником аварии был сам Ла Вэй, который не желал больше видеть рядом с собой истеричную Джейн Мэнсфилд...

Серый «бьюик», в котором погибла Мэнсфилд, долгое время находился в музее Tragedy in U.S. History Museum во Флориде. Но в 1998 году владелец музея умер, и все экспонаты были распроданы с аукциона. Теперешнее

зрание актрисы, поэтому решил продать его. Новый владелец, приобретя еще два соседних дома, решил построить на их месте небольшие особняки.

История словно стирала все, связанное с этой «последней блондинкой Голливуда», не оставляя нам почти никаких материальных свидетельств ее жизни. Она словно говорит нам: «Вот есть кукла Барби в своем розовом домике, любуйтесь ею, как любовались бы ожившей сказкой. А реальность? Что реальность?..» □

Дмитрий Милов

На Земле все во имя спасений,
Та же истина, что и вчера,
Но назвали кулич — «Кекс весенний»,
Наблюдение — пробой пера.

Шел отряд молодецкого строя,
Двух явлений — наука одна,
Анатомию через героя
Изучает осколком война.

Хоть надели шинель и заплечник,
Но имеют в тумане побед
Вместо сердца — каленый сердечник
С намагниченной памятью лет.

Время, время... как будто мы квиты,
Память подвиг теперь не хранит.
И сердечник, и сердце разбиты,
И разбит триумфальный гранит.

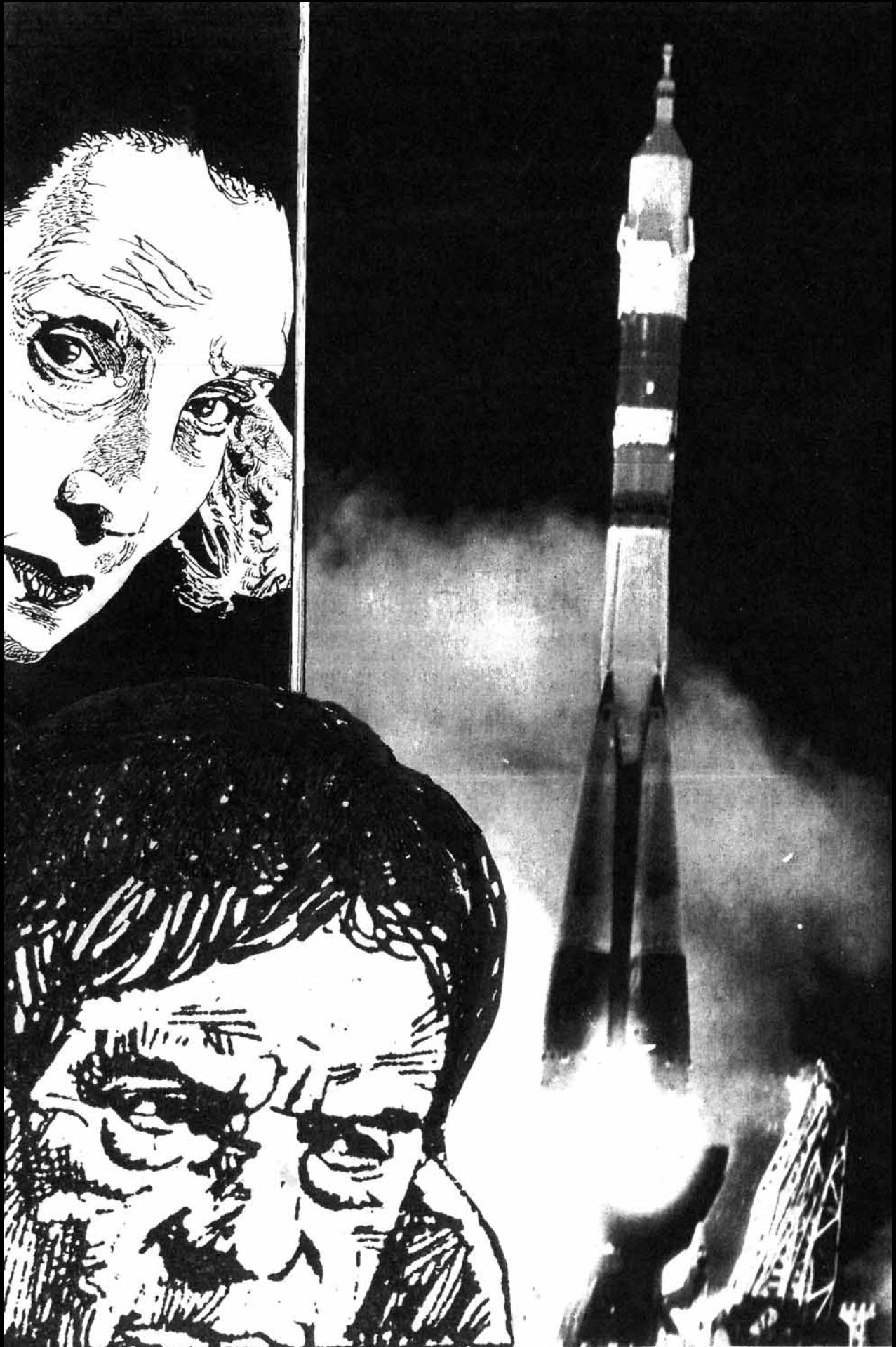
Утро в глазури горшков цветочных.
Сон добавляет надежд двоим...
Точное время моих «неточных»
Не совпадает никак с твоим.

ПАРУС

Где же тот парус, наполненный ветром?
Где же то море? Ищу я ответа.
Хочется в лодке мне плыть не одной.
Но, извини, в этот раз не с тобой!
Буря застанет меня на пути,
Справиться с бурей сможешь не ты.
Нет в моем сердце ни звука, ни света.
Все запоздалой печалью одето.
Поздно мне в жизни начать все с нуля.
Все преходяще, конечно, и я.
Только вот парус хочу удержать.
Силу для этого нужно собрать!

Конь каурый

Неспокоен тихий Дон, встревожен бурей.
Собирают казаков в дальний путь под пули.
Вот Наталья за порог хмурым утром вышла.
Конь Каурый у крыльца ждет и шумно
дышит.
Ты, Каурый, помоги, защити Степана.
Знаешь, был не раз в бою, нет ему там
равных!
Привези его к крыльцу целого, живого
Снова я тебя прошу, как отца родного!
Конь склонился перед ней, гриву долу свесил
Для него казак Степан лучше всех на свете!
Время грустных дней, ночей, миновало снова,
И казачка дождалась казака родного.
И казачка казака у ворот встречала
Крепко мужа обняла и поцеловала!
Но один пришел Степан, в кудри снег
задулся,
И от слез в глазах туман: без коня
вернулся. □

Сердце Бога

*Нашим родителям
посвящается*

1960 год. Подмосковье. Владик

Тот вечер, когда родился сын, Владик запомнил навсегда. Как и весь день, впрочем. Слишком много на него свалилось. Ночное путешествие со стонущей супругой в Москву. Утренняя лекция, что он прочел будущим космонавтам. Знакомство с генералом, который — подумать только! — имеет шашни с Галей, и у которого хватило совести явиться с букетом в больницу поздравлять ее.

А, может, он ошибается? Напридумывал себе? И в роддом имени Грауэрмана военный чин явился вовсе не ради его жены? Мало ли там роже-ниц! И Владик старательно закапывал в себе мысли о Провоторове и его возможной связи с Галей, пытаюсь сконцентрироваться на главном: у него родился сын. Долгожданный первенец!

Хватив рюмку с Виленом, явившимся под вечер того дня в домик в Болшево, Иноземцев начал слегка заплетающимся языком излагать ему эту мысль, но не успел развернуть ее во всей полноте — в дверь постучали, и взорам молодых людей явился Флоринский, тоже с коньяком, лимонами и оковалком ветчины. «Поздравляю тебя, мой дорогой! — провозгласил он и трижды облобызал молодого отца. — Все ОКБ только о тебе и говорит. Иноземцев с супругой — полет нормальный!» Как только Вла-

Журнальный вариант. Полностью роман выходит в издательстве «ЭКСМО».

Окончание. Начало в №2, 2015 г.

дик усадил второго незваного, но дорогого гостя за стол, в дверь снова забарабанили. Явилась чета Смирновых — Евгений Федорович и красавица Ядвига. Они притащили не только бутыль с секретным напитком — самогоном, но вещи практические: кучу выстиранных, любовно выглаженных пеленок, ползунков, подгузников. Ядвига придала мужскому застолью уют и шарм: явилась скатерочка, столовые приборы, рюмочки и даже была разогрета вчерашняя жареная картошка. Банкет грянул с новой силой — да только после третьей рюмки отец первенца, не спавший ночь, стал задремывать прямо за столом. У него еще хватило сил уйти к себе за занавесочку, а вот раздеться — нет. Так и заснул на неубранной после вчерашней ночи постели.

Гости сразу расходиться не стали, посидели еще, выпили, поговорили. Затем Ядвига быстренько прибралась, вымыла посуду, и все, наконец, покинули дом Иноземцевых.

А через пять дней сосед Евгений Федорович оказал еще одну любезность: встретил Галю и безымянного первенца на машине у роддома. Разумеется, и Владик при этом присутствовал.

Галя вышла из здания в сопровождении санитарки с ребенком на руках, Евгений Федорович помог всем разместиться в своем «Москвичонке» и погнал по направлению к поселку Болшево, где молодой семье предстояла краткая, на неделю, передышка перед отъездом в Энск, на родину Иноземцева.

За эту неделю требовалось уладить несколько дел, в том числе бюрократических. Для начала — зарегистрировать ребеночка в загсе, а еще раньше — придумать мальчику имя.

— Как сына назовем? — спросил Владик у Гали.

— А как ты хочешь? Говорят, мальчику имя должен выбирать муж...

И тут у Владика вырвалось — о чем он не думал, к чему совсем не готовился и чего сам от себя не ожидал — наверное, сказалось напряжение и усталость последних дней:

— А как твоего генерала зовут?

Галя вздрогнула, как от удара, покраснела, глаза ее сузились. Иноземцев подумал, что сейчас она станет все отрицать, или оправдываться, или просить прощения. Но нет, жена очень спокойно, но, глядя в сторону, произнесла:

— Да. Я встречалась с другим мужчиной. Он действительно генерал и очень хороший человек. А что я должна была делать? Я все время одна. Ты на работе, и днем, и ночью. Он в свое время помог мне. Можно сказать, спас. Это было еще до того, как ты мне предложение сделал. А потом он помог моему аэроклубу. И теперь помог — мне, например, устроил в хороший роддом. Да, я понимаю, тебе его участие в моей жизни неприятно.

Но поверь, Владик, теперь все кончено. Его больше со мной рядом не будет. Мы уедем далеко-далеко...

Мальчика, в итоге, назвали Юрой. Имя выбрал Владик, даже не спрашивая больше Галю. Взял паспорта их обоих, роддомовские документы, поехал в загс и выправил свидетельство о рождении. Когда имя пришло в голову, подумалось: ни одного подлеца Юры он в своей жизни не встречал, все, вроде, достойные люди. Например, Флоринский. Вспомнился также улыбчивый парень из спецотряда №1 ВВС — как его фамилия, Гагарин, что ли? Тоже Юра. И сразу видно, хороший человек. Когда его сын, Юрий Владиславович, вырастет, он будет кое-кому из особо близких друзей рассказывать, что его назвали в честь Гагарина.

Подшло время отъезда в Энск. Под предлогом получить отпускные Владик поехал на работу в Подлипки и сразу прошел в кабинет своего непосредственного начальника Феофанова.

— Что у тебя? — подняв голову от бумаг, буркнул Константин Петрович.

Владик, слегка смущаясь, напомнил, что он пребывает в очередном отпуске, и попросил отозвать его через неделю телеграммой на службу.

— Что, укатала жизнь семейная? — понимающе усмехнулся начальник сектора «Ч».

— Не только, — покраснел Владик. — По работе скучаю. Сейчас ведь у нас начинается все самое интересное.

— Это ты прав. Могу прямо сегодня тебя здесь оставить.

— Хотелось бы, но, увы, мне надо обязательства перед семьей выполнить. К своим в Энск их отвезти.

— Ну, тогда валяй. — И Константин Петрович сделал пометку в перекидном календаре. — Через неделю вызову тебя, так и быть.

А на лестничной площадке Владик, как часто бывало, пересекся с курякой Флоринским.

— Здорово, дорогой! — воскликнул тот и облобызал колючими усами. Потом, понизив голос, стал рассказывать, как ездил на Балхаш испытывать парашютную систему будущего спускаемого аппарата:

— Антонов нам дал свой огромный самолет «Ан-12». Пять раз мы с него шарик сбрасывали. — Спускаемый аппарат все, кто с ним вплотную работал, называли фамильярно и ласково «шариком». — Ощущение, скажу тебе, не из приятных, когда на борту находишься. Все-таки спускаемый аппарат две с половиной тонны весит! В момент, когда его скидывают, центровка самолета нарушается, начинает тебя бросать — дай-дай. Особенно в первый раз. Как брякнуло нас, чуть сами в космос не улетели. Но на «Антонове» все-таки настоящие асы летают, выправили «птичку».

— А что это у вас? — указал на белесую точку на носу Флоринского Владик.

— Да, понимаешь, обморозился, — смущенно потирая нос, ответил тот. — Холодина там страшная, все время минус тридцать, ветрище! А работа сплошь на открытом воздухе: пока погрузишь «шарик» в «Ан», а потом, после сброса, пока найдешь его в степи, организуешь эвакуацию, снова на аэродром притаранишь — и все на ветру. И, что характерно, у летчиков спирта не допросишься. Говорят, нет у нас, не держим-с. Жмоты! Пришлось мне самому Королеву в Подлипки звонить, чтобы бидон прислал.

— И прислал?

— Прислал. Ворчал, но прислал. Но раньше бидона начальник твой туда прибыл, Феофанов. Страшно смотреть на него было: в ботиночках, с бумажными носочками, без, пардон, кальсончиков. Мы ему ватные штаны и унты выдали. Сберегли, короче, для прогрессивного человечества... А в последний сброс решили собачек в спускаемый аппарат посадить. Кто его знает, думаем, может, это нам со стороны кажется, что все нормально с шариком, а на деле там перегрузки чрезвычайные или удар о землю сильнейший. Ну, посадили, сбросили и... — Юрий Васильевич сделал артистическую паузу.

— Парашют не раскрылся? — ахнул Иноземцев.

— Нет, слава богу! Но «шарик» закатился куда-то по степи, пару часов его в снегу искали. Собачки чуть от холода не околели... Ладно, прости, дорогой, мне пора бежать — работы сейчас, сам знаешь, выше крыши.

Владик даже уходить из ОКБ не хотелось, настолько интересно было то, чем они сейчас занимались. Он готов был даже пожертвовать бабушкиными пирожками и общением с Галей (отношения с которой вроде налаживались), лишь бы делать Дело.

Энск. Галя

Когда в квартиру Иноземцевых в Энске принесли телеграмму на имя Владика: «СРОЧНО ВЫЗЫВАЕТЕСЬ НА ПРЕДПРИЯТИЕ ПЛЯ номер такой-то», Галя перехватила торжествующий взгляд супруга и сразу все поняла: он рад удрать на работу, рад избавиться от нее. Она и сын ему надоели! Оставляет ее одну здесь, в Энске, вместе со своими родственниками! Работать, видите ли, ему нужно!

Галя ушла на балкон плакать, и Владик не пришел ее утешать — наверное, поскорей убежал на железнодорожный вокзал за билетом. Вместо него явилась свекровь. Обняла: «Ничего, ничего! Вечно они, мужчины, что-

нибудь придумывают, чтобы дома не сидеть. То у них работа, то война, то тюрьма. Что с ними поделаешь? Остается только смириться и ждать».

Внешне ситуация у Галины была благоприятной — и люди вокруг, и большая двухкомнатная квартира с паровым отоплением и дровяной колонкой. И ей с маленьким Юрочкой отвели почти отдельную комнату — кроме них, там спала бабуля, и это она к ребеночку по ночам вставала. Аркадий Матвеевич с внуком в колясочке вечерами гулять ходил, Антонина Дмитриевна купать помогала. Но все равно это была чужая семья. Чужая, не своя. И чужая жизнь. Со своими, посторонними обычаями и запахами. И в ней Галя все чаще начинала чувствовать себя, как в комфортабельной, даже уютной, но — тюрьме.

То ли от этих мыслей, то ли оттого, что она постоянно сидела взаперти, то ли от непривычной и нелюбимой обстановки — у нее стало пропадать молоко. Свекровь таскала Галю к участковому врачу и невропатологу. Все давали разные советы, от пресловутого чая с молоком до вечерних прогулок и валерьяновых капель, однако все было бесполезно. «Не беда, — с фальшивой бодростью восклицала Антонина Дмитриевна, — будем вводить больше прикорма, есть еще и молочная кухня». Но во взгляде ее, устремленном на Галю, читалась укоризна: «Как же тебя, такую, мой сынок выбрал, что ты даже не можешь ребенка выкормить?»

Подмосковье. Владик

Если бы «Восток», на котором полетел Гагарин, создавали обычным советским порядком, он (как думал впоследствии Иноземцев) не стартовал бы и к семидесятому году. Если б за дело не взялся харизматичный и пассионарный Королев, никакого Гагарина Советский Союз первым не запустил бы. Но слова секретного постановления, что партия и правительство считают отправку человека в космос первоочередной задачей, открывали Королеву все двери. Они магически действовали на смежников, военных, проектантов, конструкторов, рабочих — на всех. Все были готовы работать днем и ночью для того, чтобы выполнить задачу. В результате, даже не проект «Востока», а всего лишь его эскиз был подписан в середине апреля шестидесятого года. В тот момент, когда корабль уже существовал в металле, и с ним проводились испытания.

Владик гордился не только тем, что его некий абстрактный труд вложен в проект «Востока», он еще придумал для него важную систему — визуальной ориентации и ручного управления, шутка ли. Правда, от придумки,

одобренной сначала Феофановым, а потом самим Королевым, до практического применения оказался длинный путь. И большая работа, которую делал далеко не один Владик, но и другие проектанты, смежники из других НИИ, конструктора, и рабочие. Ручным управлением тормозного двигателя он и занимался всю первую половину шестидесятого года. И нельзя сказать, что в ту пору не вспоминал о жене и сыне, нет, вспоминал, и даже часто, особенно в свои одинокие вечера в домике в Болшево. И писал письма. Пару раз даже вызывал Галю на телефонные переговоры. Но, откровенно говоря, делать ручное управление для «Востока» ему нравилось больше, чем пестовать сына.

И вот однажды его вызвал к себе Феофанов. Был начальник озабочен и хмур.

— Пиши заявление на командировку, я подпишу, и беги, оформляйся. Вылетаем сегодня в ночь.

— Куда? — не удержался от вопроса Владик.

— На ТП. — ТП означало «Техническая позиция», или полигон в Тюратаме, место, которое впоследствии назовут космодромом Байконур.

Сердце Владика радостно ворохнулось. А Феофанов, совершенно безжалостно, продолжал:

— Я не хотел тебя брать, и даже спорил с ЭсПэ, что ты там не нужен. Но он настоял: возьми, говорит, молодого инженера, пусть учится. Станный он человек! То настаивает, чтобы никого лишнего на полигон не брали, сам, лично, списки утверждает, полезных людей заворачивает, то явный балласт с собой тащит.

Намек был более чем прозрачен, а испытующий взгляд Феофанова, казалось, молчаливо вопрошал: «Ну, скажи-покайся, почему ты так полюбился Королеву?»

— Может, раз сам главный меня распорядился взять — значит, я действительно нужен? — дернул плечом Владик.

Обижаться за словечко «балласт», которым наградил его начальник, он не стал. Он и вправду не очень понимал, для чего может пригодиться в Тюратаме. Но ни это, ни беспощадный приговор начальника не ухудшили его радостного настроения: он едет туда, откуда стартуют ракеты в космос!

Феофанов велел ему прибыть к двадцати одному ноль-ноль с вещами во Внуково и подойти к газетному киоску.

— Возможно, ты там увидишь знакомых, но никого не узнавай, ни с кем не здоровайся. Обозначь свое присутствие и отойди. Тебя позовут.

В итоге, Иноземцев заработался и собирался впопыхах. Даже Гале с мамой письма перед поездкой не написал (хотя планировал). И мчался со своим чемоданчиком в Болшево, чтобы успеть на нужную электричку. А потом

трясся на автобусе во Внуково, боясь опоздать. В итоге успел-таки в аэропорт к назначенному сроку. Как велели, подгреб к киоску, помаячил, отошел. Подходили к условленному месту и другие люди, но незнакомые. Наконец появился Константин Петрович, а вскоре и летчик подошел, с планшетом. «Кто по списку номер два, пожалуйста за мной», — сказал он. Группа, человек пятнадцать, все сплошь мужчины в возрасте до сорока пяти, последовала за ним по закоулкам аэропорта.

Вышли на летное поле и потянулись к скромному турбовинтовому «Ил-14». Возле трапа молодой человек в штатском (но с офицерской выправкой) тщательно проверил у каждого командировочные удостоверения, паспорта и справки о допуске к секретным работам, после чего пассажиры гуськом стали подниматься на борт. Иноземцев шел последним.

Как самый молодой и ни с кем не знакомый, он забился в одиночестве на последние кресла. Раздернул полотняные шторы на прямоугольном иллюминаторе и стал смотреть на бетонку и здание аэровокзала. Лайнер, наконец, разогнался по взлетной полосе и с надсадным свистом взлетел. Под крылом понеслись домики и рожицы вечеряющего пригорода. Владик со стыдом вспомнил, что так и не написал ни Гале, ни маме. И ни разу даже не подумал о своем маленьком сыне. Впрочем, быстро себя утешил: «Я мужчина, у меня свои, гораздо более важные дела, нежели личные».

Впоследствии эту свою первую командировку на полигон Иноземцев будет вспоминать как время исключительного счастья. Несмотря ни на что. Ни на то, что статус его был самым неопределенным, и от этого рабочие обязанности ему выпадали самые разнообразные, и не всегда приятные. Ни на то, что работали они без какого либо определенного графика, а это значит, проводили в МИКе, в бункере и на стартовой площадке дни и ночи напролет. Ни на то, что начиналась пустынная жара, и были перебои с водой, что в столовой для гражданских спецов кормили отвратительно (впрочем, не лучше обстояло и в офицерской, и в солдатской). Зато он чувствовал свою настоящую причастность к большому, даже большущему Делу.

И в памяти осталось от того мая множество картинок-случаев-эпизодов, которые теперь тасовались в памяти, лишней раз подтверждая, что все это ему не приснилось, он был там и видел все своими глазами...

Первый пуск навсегда запомнился Иноземцеву. Невероятное, ни с чем не сравнимое зрелище. Рев, дрожь земли, пламя, грохот взлетающей ракеты. И их с Радием радостные крики, когда огненная точка ушла за горизонт...

Да-да, на Байконуре Владик встретил своего друга Радия — теперь лейтенанта. Рыжов служил здесь, на космодроме. Квартиры в городке он пока не имел, жил, как и Владик, в тридцати километрах, на «королев-

ской» второй площадке, в офицерском общежитии, в комнате на четверых. А Владик ютился в одноэтажном бараке-общежитии для гражданских специалистов. Зато рабочее место, монтажно-испытательный корпус, было рядом, и там он пропадавал круглые сутки: проверял «свою» систему ручной ориентации, испытывал автоматическую систему, сначала основную, на основе инфракрасного датчика, а потом и запасную, по солнцу. Впрочем, сказать испытывал — слишком громко. Скорее, принимал участие в испытаниях.

Перед первым пуском он не уходил из МИКа тридцать шесть часов. Зато видел, как стыкуют шарик спускаемого аппарата с приборным отсеком, а потом соединяют собранное изделие с циклопической ракетой... Возвращение шарика на Землю в тот раз не планировалось. Теплозащиту на него еще не поставили, и после торможения аппарат должен был сгореть в атмосфере. Чтобы сохранить расчетный вес, вместо теплозащиты засунули в аппарат металлические болванки. И вот на первый космолет (или космический корабль?) — прямо на глазах у Иноземцева — надели обтекатель.

В список тех, кто должен находиться в бункере в момент пуска, вместе с Королевым и другими главными конструкторами, Владика не включили — молод еще. Хорошо, что Радий тайком протащил его на первый измерительный пункт в паре километров от «стадиона» — однако и там смотреть за запуском не позволили, заставили прятаться в окопах, отрытых в полный рост, а оттуда не видно ни черта. Но Радий нашел способ улизнуть, и они увидели это воистину восхитительное зрелище, одно из самых впечатляющих в жизни: старт космической ракеты. Из динамика шел отсчет секунд, и, когда отсчитали четыреста, и двигатели выключились, стало ясно, что аппарат на орбиту вышел. Тогда они с Радием крикнули «ура!» и обнялись — как, впрочем, кричали и обнимались все остальные, оказавшиеся на измерительном пункте.

Что еще запомнилось из той, самой первой поездки на космодром? Как на следующее утро Владик слушал сообщение, зачитанное по радио Левитаном: «...15 мая 1960 года в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля на орбиту спутника Земли. По полученным данным, корабль-спутник, в соответствии с расчетом, был выведен на орбиту, близкую к круговой, с высотой около 320 километров от поверхности Земли, после чего отделился от последней ступени ракеты-носителя...» Дело было в длинном коридоре барака-общежития, и голос диктора доносился из черного раструба громкоговорителя, напоминавшего о войне. Мимо проходил Феофанов, он похлопал Владика по спине и сказал снисходительно: «Поздравляю, коллега», — «коллега» в его устах прозвучало довольно скептически. Потом добавил: «Ты заметил?» — «Заметил — что?» — «Королев,

как и следовало ожидать, победил. Это он вписал в коммюнике по итогам старта: «корабль-спутник» и «космический корабль». Теперь про наш «космолет» все забудут. И никто, помяни мое слово, наше изделие по-другому, кроме как «космический корабль», называть не будет».

Но перед этим разговором была еще ночь, последовавшая сразу за успешным пуском. Признаться, они с Радием на радостях напились. На полигоне спиртное нигде не продавалось, даже в городке, зато имелось полно спирта, который выдавали по заявкам служб и управлений. Рыжов, как человек на Байконуре бывалый, сумел встроиться в систему раздачи спирта и вечером в барак-общагу специалистов пришел со своим чайником. Из закуски были только куски серого хлеба, захваченные из столовой. Рыжов страшно напился и почему-то стал вспоминать Жанну.

— Владька, друг, какие же мы с тобой все-таки подлецы... — растекался он пьяным тенорком. — Подлецы — все... И ты, и я, и Флоринский... И даже Галка твоя... Про Вилена и Лерку я не говорю... Они — убийцы... Но мы-то, мы! Почему промолчали? Почему не признались? Не сказали следователям, как дело было? Никому и ничего!

— У каждого были свои причины и свои опасения, ты ведь знаешь, Радий, — говорил Владик. В отличие от друга, он пил немного и был почти трезв.

— Я знаю, знаю, — продолжал тот. — Но это наше молчание и значит, что мы все — подлецы. Слушай, но ведь никогда не поздно исправить. Давай сделаем это — а, Владислав? Давай, завтра пойдем и заявим? Объясним, как в ту проклятую ночь все было, и кто по-настоящему виновен? Давай, а?

— Радий, братишка! — пытался образумить приятеля Владик. — Что ты несешь? Куда мы с тобой пойдем? Ночь на дворе, и потом — ты что, не помнишь? — мы с тобой на по-ли-го-не. Пустыня во все стороны на сотни километров. Нет здесь никого, ни прокуратуры, ни милиции. Куда идти?

— Хорошо, — с пьяной податливостью соглашался приятель. — Тогда давай напишем письмо. В генеральную прокуратуру СССР. Как дело было. Ты и я. Возьмем и напишем. А ты потом своей жене дашь подписать. И Флоринскому. Или нет. Чтобы не откладывать дело, мы с тобой напишем прямо сейчас, а Галке твоей и Юрию Василичу скажем, чтобы они тоже к нам присоединялись. И они — подпишут. На миру и смерть красна, дорогой Владик, я тебя уверяю, пусть нас накажут, но это лучше, чем всю жизнь жить с ощущением, что ты н-носишь на себе п-печать п-подлеца. Давай, тащи бумагу, чернильницу, ручку.

— Нет у меня ни бумаги, ни ручки.

— Не-ет? Не-ет под рукой бумаги с ручкой?! Да какой ты инженер после этого?

Трагедия (смерть Жанны) или, по меньшей мере, драма (их молчание по поводу ее гибели) стремительно превращалась в водевиль или фарс. Но лучше пусть так, чем и впрямь идти и признаваться в содеянном, думал тогда Владислав. И выпивать вместе с Рыжовым больше ни в коем случае нельзя — он и сам погибнет, на режимном-то объекте, и его погубит. Но, чтобы уговорить друга в тот вечер, пришлось прибегнуть к хитрости.

— Давай, — сказал он, — я пойду сейчас, отыщу бумагу с карандашом, и мы напишем. Только для начала выпьем. На посошок.

Владик разлил по граненым стаканам разведенный спирт из чайника. Проследил, чтобы Радий выпил, а сам, сделав вид, что тоже пьет, выплюнул ректификат в банку, из которой они запивали «огненную воду».

— Подожди, я с тобой, — проговорил Рыжов заплетающимся языком. Встал, сделал два нетвердых шага и начал падать. Иноземцев подхватил его, дотащил до пустующей койки соседа-специалиста. Через минуту Радий уже крепко спал.

На следующий день он, как и следовало ожидать, ничем не обмолвился о вчерашнем вечере. Проснулся, почистил зубы и отправился на боевое дежурство.

А столь счастливо запущенный с Байконура пятнадцатого мая шестидесятого года корабль-спутник имел, в итоге, не самую удачливую судьбу. Во всяком случае, не такую, какая ему была уготована. Однажды, дней пять спустя, Владик стал свидетелем спора между Феофановым и Флоринским:

— Телеметрия показывает, что с инфракрасным датчиком все обстоит нормально, — утверждал Константин Петрович.

— И все же, Костя, — возражал Флоринский, — не нравится мне этот сигнал.

— Чем не нравится, Юрий Васильевич? Хороший, ровный сигнал.

— Может, и хороший. Может, и ровный. А мне — не нравится. Слишком хороший. Слишком ровный. Может, отказ? Давай лучше проведем ориентацию по резервному варианту — с датчиком по солнцу.

— С какой стати, Юрий Васильевич?

— Сердцем чую.

— Знаете ли, дорогой товарищ Флоринский, — рассердился Феофанов, — внутреннее чутье в научных спорах — совсем не аргумент.

Потом (как рассказывал Флоринский Владике) Феофанов убедил Королева, что следует ориентировать космический корабль именно по инфракрасному датчику, который работает нормально. Так и поступили, но в результате тормозные двигатели сработали в прямо противоположном направлении, и спутник полетел не к Земле, а, напротив, перешел на более высокую орбиту.

Однако Королев, в отличие от соратников, был доволен и весел: «Самое главное мы сделали — вывели корабль в космос. И, вдобавок, доказали, что он может маневрировать в пространстве и переходить с одной орбиты на другую». Главного конструктора отличала ценная черта: даже в периоды сплошных неудач он не терял оптимизма и находил положительные стороны в самых отрицательных результатах.

Как станет известно много позже, тот самый первый корабль-спутник будет кружиться над планетой еще несколько лет в неуправляемом режиме.. А потом — ирония судьбы! — его обломки упадут где-то в американской глубинке. И долго специалисты НАСА, наткнувшись на балласт, которым наши заменили теплозащиту, будут гадать: с какой целью русские забрасывают в околоземное пространство металлические болванки?

А в Подлипках и на Байконуре продолжалась тем временем космическая гонка. Следующий корабль был полностью экипирован для возвращения с орбиты. В нем должны были лететь (и вернуться) две собачки — беспородные, как всегда — Лисичка и Чайка. Однако на двадцать третьей секунде полета ракеты, по причине, в точности до сих пор не установленной, разрушилась. Обломки ее разлетелись по пустыне. Никто не погиб — за исключением, разумеется, обеих собачек. Они стали второй и третьей жертвой космоса, после Лайки.

О неудачном пуске никто ни в Союзе, ни во всем мире не узнал. О нем сообщений ТАСС не выпускалось. Даже Владик услышал о неудаче случайно: на полигон готовить пуск ездил Флоринский, он и шепнул Иноземцеву о том, что случилось:

— Королев, я видел, лично Лисичку в корабль сажал. Подержал ее в руках, почесал за ушком. Грустный такой был — предчувствовал, что ли? Потом народ на полигоне говорил: нельзя было отправлять в космос рыжую собачонку.

Наши дни. Москва. Агент Сапфир

— У нас в Америке тоже есть опыт масштабного освоения пустыни, — говорит мне Лора в ответ на мой рассказ, как строился Байконур. — Когда с нуля возводились огромные сооружения.

— Что ты имеешь в виду?

— Лас-Вегас.

— Ты шутишь? — пытаюсь я заметить хотя бы отблеск иронии в ее железобетонных глазах. Но нет, этого чувства в ней нет ни капельки, лицо дьявольски серьезно.

— Почему — шучу? — удивляется она.

— Да потому, что, когда мы, русские, строили Байконур, мы стремились к звездам. А вы, обустроивая свой Лас-Вегас, думали только об одном — о прибыли. Вот и вся разница между Вегасом и космодромом. И — между вами и нами!

— Вы строили Байконур изначально для боевых ракет, — возражает она довольно резонно. Но делает из правильной посылки совершенно неверный вывод: — Потому что стремились к победе коммунизма на всей планете. И к гегемонии во всем мире!

— Да нет же, это вы, американцы, стремились и стремитесь к гегемонии на планете. Вы просто всюду хотите насадить ваши ценности! Чтобы вся планета была, как ваш Лас-Вегас: полуголые стриптизерши, небоскребы, выпивка рекой — и деньги, деньги, деньги! Видели, знаем!

Переругиваться с Лорой подобным образом мы можем долго. В этот раз мы сидим с ней в кафе, благопристойно едим мороженое и попиваем газировку.

На людях мы не выходим из однажды и навсегда затверженного образа. Она защищает свои ценности, американские, я — свои, советские и российские: а как иначе в московском кафе! Но оба мы понимаем, что, в сущности, это не что иное, как игра в поддавки и работа на публику. Ведь никто, кроме нас двоих, не знает и не должен знать, что в действительности я работаю на нее, и в начале встречи она передала мне флешку с огромным количеством весьма конкретных вопросов, касающихся новейших российских вооружений. Я до сих пор консультирую несколько крупных фирм и предприятий в столице и ближайшем Подмосковье. Поэтому мне есть что рассказать презренной Лоре и ее заокеанским хозяевам из Лэнгли.

Июнь 1960 года. Подмосковье. Владик

Когда Иноземцев возвратился с полигона, в Москве установилось настоящее лето. Первым делом после работы он сходил на почту и вызвал на следующий день Галю на переговоры. Он так и не написал ей. Его не трогало больше, как она себя чувствует, о чем думает, что делает и, вообще, любит ли его. Он даже перестал думать о генерале и о том, насколько далеко зашли их отношения. Что-то будто обломилось внутри, и то, что еще вчера болело и мучило, словно отвалилось, как сухая ветка на яблоне. Ее отпилили, и теперь она лежит себе в отдалении, совершенно посторонняя, и никакого отношения к тебе абсолютно не имеет.

Поэтому он бы и дальше не звонил и не писал Галине. Но вот сын... И мама... Они оба были нужны Иноземцеву.

Вернувшись домой, Владик вдруг услышал, как у крыльца остановилась какая-то машина, и выглянул в окно. Из новенькой «Волги» черного цвета вышел военный в чине капитана, одернул гимнастерку, поправил пилотку. Не обнаружив на двери звонка, постучал: коротко, громко, требовательно. Владик тут же распахнул дверь.

— Иноземцева Галина здесь проживает? — довольно учтиво спросил капитан.

— А что вы хотите? — нахмурился Иноземцев.

— Фельдъегерская служба. Ей пакет.

— Она в настоящее время находится в другом городе, — ответил Владик.

— Вот как? А вы ее родственник?

— Муж.

— Знаете ее адрес?

— Да, знаю. В этом никакого секрета нет. Записывайте.

Он продиктовал мамин адрес в Энске, фельдъегерь записал его в свою тетрадь, сел в «Волгу» и — поминай, как звали.

На следующий день, разговаривая с Галей по телефону, Владик рассказал ей про капитана, а потом сухо поинтересовался:

— Что это могло быть?

— А, они сюда, в Энск, уже явились! — довольно рассмеялась она. — Представляешь, принесли вызов: меня в сборную приглашают!

— В какую сборную? — не понял Иноземцев.

— Как в какую? По парашютному спорту, я кандидат в мастера, забыл?

— Ах, это... — протянул Владик.

— Да, представь себе, — проговорила она с вызовом, — в моей жизни имеются и другие интересы, помимо пеленок. Или ты совсем обо мне ничего не помнишь?

— Но ты ведь все равно никуда не поедешь, — утвердительно проговорил он.

— А почему нет? — с обидой и даже вызовом ответила Галя.

— Ты же — молодая мать! У тебя ребенок! Ты кормишь его грудью!

— Если хочешь знать, молока у меня уже нет, — произнесла Галя обвиняющим тоном, словно в отсутствии у нее молока был виновен именно он.

— Как это нет? Как же Юрочка? — Для него на первом месте по-прежнему оставался сын.

— Ничего страшного, есть молочная кухня, тысячи детей находятся сейчас на искусственном вскармливании. И Юрочка тоже растет, толстееет и прекрасно себя чувствует.

— И ты хочешь его бросить?

— Почему сразу — бросить? Во-первых, меня вызывают не прямо сейчас, а через месяц. А, во-вторых, твоя собственная мать не возражает. Она согласна посидеть с Юрочкой, пока я на сборах. И вообще уговаривает меня оставить его у нее, в Энске, чтобы я спокойно могла работать, когда закончится декрет.

— Но ведь моя мама тоже работает!

— Есть еще и бабушка, Ксения Илларионовна. В конце концов, можно нанять няню.

— Галя, послушай! Но ведь Юрочке будет плохо без матери. Как ты его бросишь?!

— Что значит, «бросишь»? Уехать на месяц — совсем не значит бросить!

— Ладно. Мы с тобой не понимаем друг друга. Давай оставим этот разговор. Но имей в виду: я против того, чтобы ты ехала куда бы то ни было.

— Я поняла твою позицию. — В ее голосе послышались слезы. — Ты, как все мужики. Хочешь запереть меня на кухне, и чтобы я толстела и дурнела.

— Скажи мне лучше, как Юра, — попытался перевести разговор на другую тему Владислав.

— Да все в порядке. Что ему сделается? Растет не по дням, а по часам.

— Как мама?

— Тоже неплохо.

— Бабушка?

— Хорошо.

В голосе супруги зазвенел настоящий лед. Иноземцев почувствовал, как здорово он устал от этого разговора, и ему захотелось повесить трубку. А тут и телефонистка вклинилась: «Ваше время истекло. Продлить будете?» — «Нет», — сказал ей Владик, а Гале бросил:

— Нас сейчас прервут. До свиданья, что ли?

— Ну, пока, — с вызовом проговорила она.

Подмосковье. Провотворов

Его подопечных пока никто не называл «космонавтами». Просто: «спецотряд ВВС номер один». Или коротко: «спецотряд». Потом уже их назовут «первым отрядом». Потому что будет и второй отряд, и женский, и лунный, и прочие. А пока об этом и речи не было. И никто не знал, кто и когда из парней полетит на спутнике.

Но подготовить к полету молодежь надо. А попутно, через все испытания и тренировки, выявить, кто из этой двадцатки более достоин. Тренировки и испытания оказались теми, о которых, как Провоторову доложили, говорил в своем выступлении этот мозгляк, муж Гали Иноземцевой. Центрифуга — как парни переносят перегрузки? Барокамера — как сказывается на них недостаток воздуха? Вибростенд. Кресло Кориолиса — как действует качка и укачивание? Потом сурдокамера — запереть каждого в одиночку, в крошечное помещение, чуть больше кабины будущего космолета, и пусть сидит, без связи и звуков извне, неизвестно сколько: может, полет до десяти суток продлится, если тормозная система откажет. А еще нужно каждого научить прыгать с парашютом: приземляться в любом случае придется отдельно от корабля, под куполом. В свободное от занятий время — спорт: волейбол, футбол, турник, батут, кольца, баскетбол. Кроме этого, надо внимательно следить, как парни общаются — что говорят, что умалчивают, как едят, спят, читают. Ребята собраны хорошие, но для особенного задания, из особого отряда следует выделить самого лучшего.

Одна половина испытателей отправилась на Волгу, под Саратов, тренироваться в парашютных прыжках, другая оставалась на Чкаловской, ездили группами в Томилино, на центрифугу, и в Институт авиационной медицины, на барокамеру и сурдокамеру. Беседовали с психологами, занимались физкультурой, проводили политзанятия, выпускали боевые листки и стенгазеты.

От молодых парней генерал напивался юной энергией, энтузиазмом. Его новое дело ему нравилось. Все чаще он оставался ночевать на Чкаловской, где ему обустроили кабинет с комнатой отдыха. Но когда все-таки возвращался в Москву, в свою квартиру, которая, несмотря на уборщицу Василису, все больше приходила в запустение, его задевала мысль, что в его жизни чего-то не хватает. И тогда он постарался дать самому себе отчет: если ему кажется, что чего-то ему не достает, то следует определить — конкретно чего? И ответ на этот вопрос высветился со всей очевидностью: не хватает не «чего», а «кого». Не хватает Гали!

Он вспоминал о ней все чаще. И чем дольше он ее не видел, тем большим собранием положительных качеств она ему казалась. Молодая, красивая, активная, веселая, собранная, деловая. И наплевать, что замужем, что у нее есть ребенок. Воображение рисовало ее черты: черная копна волос, серые глаза, волевой рот. Да, подобное с ним творилось впервые. Никогда еще женщина не вызвала в нем такого количества мыслей. С этим требовалось считаться — и это требовалось прекратить.

Полковник Чинов из центрального совета ДОСААФ доложил ему по телефону, что с Галиной Иноземцевой переговорили, однако она катего-

рически отказалась принимать участие в сборах и последующих соревнованиях. Причина простая и уважительная: декретный отпуск, ребенок родился в марте. Однако адрес полковник сообщил генералу: Энская область, город Энск, улица Коминтерна, дом двадцать, квартира двадцать три.

Провоторов поднял трубку спецвязи. В конце концов, командующий Энским военным округом, генерал-майор Возницын — его давний, еще с войны, приятель. Можно сказать, фронтовой товарищ.

Энск. Галя

Юрочке пора было спать, и Галя решила пройтись по городу — прогуляться с малышом. Она, не спеша, покатила коляску в сторону главной площади города — благо, идти было недалеко. Там недавно, по случаю жары, открылась торговля квасом. И теперь молодая женщина предвкушала, как выпьет большую кружку. А потом сядет на лавочку в тени акаций и пролистает свежий номер журнала «Смена», который принесла из библиотеки свекровь.

На обложке был изображен несущийся к земле парашютист, и это обнадеживало найти внутри что-то интересненькое. Но нет: с содержанием номера обложечная фотография сочеталась мало. Имелась лишь крошечная заметка про то, как истребитель полковника Т. сбил империалистического хищника, американский самолет-разведчик. А из беллетристики журнал предлагал только неопубликованную ранее главу «Американской трагедии» прогрессивного автора Теодора Драйзера. Зевнув, Галя приготовилась к чтению. Юрочка не шевелился, лежал, раскинув ручки. Она устроилась так, чтобы солнечный свет, проникавший сквозь крону деревьев, не падал ему на лицо, и принялась читать про молодость Клайда Гриффитса. Вдруг краем глаза Галя заметила, что на скамейку рядом с ней кто-то садится, и подняла глаза.

Это был Иван Петрович Провоторов, собственной персоной. В красивом летнем костюме песочного цвета, с галстуком, в шляпе.

— Здравствуй, Галя, — заговорил генерал.

— Что вы здесь делаете? — воскликнула она.

— Я приехал к тебе. Командующий Энским военным округом прислал за мной свой самолет. Может быть, пройдемся?

— Здесь полно знакомых моей свекрови. Вы поставите меня в неловкое положение. Как вы меня нашли? Ах, ну да. Раз за вами присылают самолет — значит, у вас повсюду есть свои шпионы, верно?

— Галя, возвращайся в Москву.

— В Москву? Зачем мне в Москву?

— Я хочу быть с тобой.

— Похвальное, конечно, желание, только у меня есть муж. И сын.

— К черту мужа. Ты должна с ним развестись.

— По-моему, вы выпили.

— А ты, по-моему, чего-то не понимаешь. Я — свободен, и я делаю тебе предложение. Возвращайся в Москву. Прямо сейчас. Зайди домой, собери вещи, и в путь. Не волнуйся ни о чем. — Молодая женщина смотрела на него расширившимися глазами. Да и генерал удивлялся сам себе. Он никогда еще, даже по молодости, не произносил столь длинных и жарких речей. — Я приглашаю и зову тебя к себе домой. После смерти жены ни одна женщина не переступала его порог. Ты будешь хозяйкой. Мы будем жить вместе. С мужем ты разведешься и выйдешь за меня. Едем. Самолет ждет. Иногда надо совершать безумные поступки. Особенно, если они продиктованы любовью.

— Я не говорила вам, что люблю.

— А тебе этого и не требуется. Достаточно того, что я тебя люблю.

Она смотрела на его немолодое, раздумавшееся лицо и понимала, что это — не шутка, не розыгрыш и не банальное соблазнение чужой жены. Что за словами генерала, в самом деле, страсть, горячее чувство, которое теперь вдруг стало сильнее его самого. На мгновение ей захотелось, чтобы все случилось именно так, как предлагал генерал: чтобы она жила с ним в его квартире, вела бы его хозяйство, и он, а не Владик, стал бы настоящим отцом ее сына.

— Перестаньте... — прошептала она. — Я не могу... Это так неожиданно...

— Едем! — воскликнул Провоторов. Поднялся со скамейки и подхватил Гаю под руку, помогая встать. Затем схватил коляску с Юрочкой и покатил ее по направлению к дому свекрови — очевидно, он каким-то образом успел хорошо разобраться в городской географии. Гале ничего не оставалось делать, как поспешить за ним.

Подмосковье. Владик

Мама позвонила ему на работу и, невзирая на то, что их слушали, по меньшей мере, две телефонистки — одна на узле связи в Энке, а вторая на коммутаторе в ОКБ, начала, захлебываясь, рассказывать, что не далее как вчера Галя после прогулки с Юрочкой по городу явилась

домой сама не своя. Быстро собрала вещи, свои и сына, и сказала бабушке (дома была только Ксения Илларионовна), что срочно уезжает в Москву. «В чем дело? — испугалась та. — Что-то с Владиком?» Но Галя ответила, что с Владиком все в полном порядке, а вот что случилось, и почему такая спешка, она объяснит позже. Затем оделась и, с чемоданом, ребенком и коляской, спустилась во двор. Ксения Илларионовна видела в окно, как подкатило такси, и грузиться в машину ей помогал статный молодой человек в красивом костюме песочного цвета и шляпе.

Владик плотно прижимал тяжелую эбонитовую трубку к самому уху, чувствуя, как леденеет сердце. Ему с трудом удалось успокоить маму и пообещать, что он немедленно постарается выяснить, что случилось с женой, и непременно даст знать телеграммой.

А вскоре, не прошло и пары часов, ему на работу позвонила сама Галя.

— Я в Москве, — начала она.

— Я знаю.

— Мама тебя уже оповестила. Что ж, тем лучше.

— Как Юрочка? Здоров?

— Да, с ним все в порядке. Он в хороших условиях.

— Давай не будем говорить об этом по телефону, — пробормотал Владик. — Встретимся и все обсудим.

— Хорошо, я не возражаю.

— Вечером, после работы. Куда мне подъехать?

— Вечером неудобно, мне надо будет укладывать Юру. Приезжай сейчас.

— Ты что, рабочий день!

— Отпросись. Мало ты работал вечерами и в выходные? А я как раз пойду с Юриком гулять после обеда.

— Когда и где? — только спросил он.

— Знаешь, где кинотеатр «Ударник»?

— Конечно.

— Тогда у входа в три часа дня. Не опаздывай.

Галя пришла одна, без колясочки.

— А где Юрик? — первое, что спросил Иноземцев.

— За ним присмотрит няня.

— У тебя уже появилась няня? — неприятно удивился Владик и мотнул головой в сторону возвышавшегося рядом громадного дома, предназначенного для первых лиц партии и государства: — Ты теперь здесь, что ли, проживаешь?

— Это все, что ты мне можешь сказать? — прищурилась она.

— Нет, не все. Ты совершила гадкий поступок, но я, наверное, смогу простить тебя, даже готов извиниться за тебя перед своей мамой. А ты — лучше возвращайся домой...

— Знаешь, Владик, я поняла: наша жизнь с тобой и наш брак были ошибкой, — пристально глядя на него, проговорила Галя.

— И что?

— Нам надо развестись. Я готова подать на развод.

— А как же Юра? — пробормотал Иноземцев.

— Не волнуйся, он будет жить со мной. Если хочешь, можешь с ним встречаться, конечно. По воскресеньям.

— Ты так уверенно сжигаешь за собой мосты. Не пожалеешь? — нахмурившись, спросил Владик.

— За меня не волнуйся. Уж как-нибудь.

— Кто он?

— Он — кто? — Она сделала вид, что не поняла.

— Твой новый мужчина. Генерал?

— Какая тебе разница?

— Значит, он. Что ж, прекрасный выбор. Ему сколько лет? Пятьдесят? Больше? Скоро вы, гражданка Иноземцева, станете богатой вдовой.

— Дурак! — неожиданно вспылила Галя, развернулась и, в слезах, побежала по направлению к своему новому дому.

На следующий запуск корабля-спутника Владика на космодром не звали. О нем он, как все советские люди, узнал по радио, снова заговорившем голосом Левитана: «Советский корабль, созданный гением наших инженеров, ученых, техников и рабочих, вышел на орбиту спутника Земли... В кабине корабля находятся подопытные животные — Белка и Стрелка... Новая беспримерная победа советской науки и техники явилась замечательным выражением преимуществ социалистического строя...» В Тюратам-Байконур от отдела ездил Флоринский. Он рассказывал потом Владиду, как происходил полет корабля.

Беседовали у него дома, в его отдельной двухкомнатной квартире в Подлипках. Теперь, когда Галя ушла, забрав с собой Юрочку, у Иноземцева появилось много свободного времени. Не безраздельно же его отдавать работе! Можно и для друзей оставить.

— Слава богу, ракета, в отличие от предыдущего пуска, не разрушилась, за бугор не ушла. Вывели на орбиту собачек в штатном режиме, — говорил Флоринский. — Теперь вторая основная задача: как сажать. И вот пришла к нам с орбиты телеметрия, и опять та же петрушка, как с самым первым кораблем: отказ датчика инфракрасной вертикали. Только теперь уже ни-

каких сомнений — очевидный, полновесный, широкоэкранный отказ. Ориентировать по инфракрасной вертикали корабль невозможно. Королев сразу напрягся: «Что делать, как возвращать собачек будем? ТАСС о полете уже объявил, не вернем их — опозоримся на весь мир». Тут ему Феофанов и говорит: «В корабле ведь имеется и солнечная ориентация». ЭСПэ, похоже, сам забыл, что в аппарате зарезервировали все, что только можно, в том числе датчики ориентации. Феофанов предложил ему сажать по Солнцу, только сначала систему протестировать, но главный не согласился. Баллистики всю ночь сидели, разработали программу спуска. Утром передали на корабль: четвертый измерительный пункт, в Енисейске, программу на борт отправил. Измерительный пункт номер шесть, на Камчатке, доложил: программа принята. Далее спутник вышел из зоны нашей видимости. В десять часов где-то над Африкой должны были сработать тормозные двигатели. Но о том, включились они или нет, и в правильном ли направлении сработали, сразу не узнаешь — корабль не над нашей территорией, связи нет. Если все в порядке, ровно через семь минут услышим, что сигнал, идущий от аппарата, пропал: антенны начнут гореть в плотных слоях атмосферы. И вот — десять часов пятьдесят семь минут. Проклятый корабль продолжает подавать сигналы: бип, бип, бип... Напряжение в бункере страшное. Неужели все пропало, и загнали собачек на более высокую орбиту, как первый корабль! Горючего, чтобы повторить торможение, больше не осталось. Но вдруг, буквально через десять секунд, военные сообщили: сигнал потерян. А еще через несколько минут пошел новый сигнал — от датчика, который в стропы вмонтирован. Значит, парашют раскрылся. Поисковики вскоре доложили: видим капсулу на Земле. Королев и председатель госкомиссии немедленно в самолет и на место посадки помчались, к собачкам...

После той встречи в конце августа Владик и Флоринский расстались надолго. Королев снова отправил инженера на полигон, дав ему ряд формальных поручений — и, в том числе, одно неформальное, о котором, понятно, ни с кем не следовало говорить вслух. На Байконуре в то время ударными темпами строилась и была почти готова к испытаниям новая площадка для королевского конкурента — академика Янгеля. Тот в своем КБ в Днепропетровске создавал ракету, более мощную, чем королевская «семерка», под наименованием Р-16. Главный конструктор из Подлипков ревниво следил за тем, что делается в хозяйстве у Янгеля. Флоринский, у которого имелось всюду множество друзей, в том числе и в днепропетровском КБ, и на Тюратаме, должен был, помимо прочего, информировать Королева о том, что происходит у конкурента, на стартовой позиции новой, «шестнадцатой».

Никто не знал, насколько опасной станет эта командировка.

Лето 1960 года. Владик

Иноземцев заново привыкал к холостяцкой жизни. И ему, черт возьми, она нравилась! Конечно, фактически он и без того был все время одиноким, с начала апреля, когда жену и сына в Энске оставил, а сам в Болшево вернулся. Но тогда он ощущал себя женатым, а теперь снова чувствовал себя холостяком. И это оказалась большая разница. С него как будто оковы спали. Вроде бы ничего не переменилось — как ходил на работу и проводил там по четырнадцать часов, так и продолжал ходить. Как пил в одиночестве чай по вечерам в своем домике, так и продолжал пить. Но с него словно сняли вериги.

Он не афишировал то, что произошло в его семье — ни одна живая душа об этом не знала, для всех Галя с сынишкой продолжала проводить декретный отпуск в Энске. Но друзья-коллеги отчего-то стали чувствовать перемену в его статусе. Последовали приглашения на вечеринки (которые он, впрочем, не принимал), подсаживания молодых особ за столик в «кабэшной» столовой (он разговаривал с ними, но не больше), гораздо более долгие и внимательные девичьи взгляды.

Кроме Флоринского он несколько раз выпивал и болтал с Кудимовым. А однажды Вилен даже пригласил Иноземцева к себе домой, на Кутузовский проспект. Без малого год, со дня убийства бедной Жанны Веселовой, не был там Владик, и не думал, что когда-нибудь снова окажется. После всего, что произошло прошлогодней октябрьской ночью, они с Галей, не сговариваясь, решили всяческие связи с Кудимовыми обрубить. Но не зря говорят, никогда не зарекайся. Вот и с Виленом Иноземцев снова завел дружбу, даже приглашение Кудимова в дом, где произошла трагедия, принял. И со старшим Старостиным, Федором Кузьмичом, нашел в себе силы двумя-тремя словами перебраться. В квартире ничего не изменилось: тот же сервант, с трофеями и наградами, тот же ковер на стене в спальне, тот же солидный стол с зеленым сукном в кабинете у бывшего генерала. И все та же домработница Варвара подавала печеные пирожки с капустой и с рисом. Разве что не висели теперь на ковре в спальне Вилена и Леры острейшие грузинские кинжалы, одним из которых была убита Жанна.

И Лера ничуть не изменилась, как и прежде, была добродушной, высокой, немного нескладной, со своими неловкими медвежьими объятиями и сильным рукопожатием. Рассказывала свежие сплетни о том, что творится в ее «ящичке», обсуждала новейшие постановки в Театре сатиры и в «Современнике». А на прощание сказала, обращаясь к супругу:

— Как хочешь, а мы, пока Гали нет (она, как и все прочие, была уверена, что Иноземцева продолжает проводить декретный отпуск в Энске), обязаны взять над Владиславом шефство. Что это такое?! Наш товарищ совсем завял, ничего в жизни не видит, кроме своего кульмана и логарифмической линейки. Надо непременно вытащить его куда-нибудь.

Конечно, Владик подозревал, что внимание к его персоне со стороны Кудимовых возникло неспроста. Они выбрали его, как слабое звено, схватившись за которое, можно разорвать всю цепь, а именно: возникшее после убийства Веселовой отчуждение этой семейки от прежних друзей. Но сам себе Иноземцев возражал: «И пусть. Что ж, теперь всю жизнь Кудимовых бойкотировать? Они и без того пострадали, наверняка сейчас мучаются угрызениями совести, только не говорят».

Выполняя свое обещание, через неделю Кудимовы пригласили Иноземцева в Большой театр. «Пойдем втроем, — уговаривал его Вилен, — мне хоть выпить будет с кем в антракте, и не так тягостно этот балет высиживать, Лерка ведь от него без ума, и мне таскаться приходится».

Они оказались в ложе, в первом ряду, Лерка посередине, мужчины рядом, и она по ходу представления шепотом просвещала Владика: и кто такая Плисецкая, и с каких мест в театре лучше смотреть балет, и что означают жесты и па солистов.

В антракте отправились в буфет, выпили бутылку шампанского, закусили бутербродами с черной икрой. А на выходе из буфета вдруг произошла встреча, которая вновь перевернула его жизнь. Он нос к носу столкнулся — кто бы мог подумать! — с девушкой, с которой давным-давно навсегда мысленно простился, но о которой никогда не забывал: болгаркой Марией. «Мария, ты?!» — «Владислав?!»

Вилен с Лерой обернулись, увидели, что Владик кого-то встретил, и, как воспитанные люди, не стали мешать, вернулись на свои места в ложе бенуара. Мария тоже была не одна, но ее подруга так же скромно отошла в сторонку.

— Ты как здесь?! — воскликнул Иноземцев. — Приехала как туристка?!

— О, нет, — засмеялась Мария, — теперь я учусь тут, Москва, аспирантура.

Прозвенел второй звонок, и Владик поспешно спросил:

— Как мне найти тебя?

— Я проживаю Москва в общежитии института. Телефона я не имею, ты можешь просто прийти, если хочешь. Вечер я всегда дома, я проживаю с еще два русские коллега, но они часто не бывают.

На всякий случай Владислав не стал говорить ни Вилену, ни Лере о своей нечаянной встрече. Программку свернул так, чтобы записанный

адрес был незаметен. На прямой вопрос Вилена, на кого он, мол, напоролся, коротко ответил, что встретил старую знакомую из Энска.

В ближайшую субботу, купив бутылку сладкого вина и торт, Иноземцев отправился в общежитие в Лефортово. Угрызения по поводу того, что он «засекречен», и подобные контакты ему строго возбраняются, Владик постарался в себе подавить. Он ничего Марии не станет рассказывать, никаких тайн открывать, даже о месте своей работы не обмолвится. И никому из коллег и друзей, разумеется, не признается в этом знакомстве. А раз промолчит, то об этом никто ничего не узнает, и с него взятки гладки.

Удивительно, но Мария в его сердце моментально вытеснила Галю. Она была удивительным и прекрасным приключением, а привкус опасности придавал их встречам больше остроты. Все было как в сказке — даже еще лучше, чем представлялось ему в самых дерзких мечтах. Он проводил ночи в ее комнатке в общежитии, они много гуляли, ходили в кино.

Но так не могло продолжаться бесконечно. Однажды, провожая ее после кино до студенческого городка, Владик вдруг взял ее за руку, посмотрел в ее глаза и, стараясь говорить как можно ровно и спокойно, произнес:

— Мария, я не должен встречаться с тобой. Понимаешь, я совершаю преступление против своей Родины, и меня даже могут посадить в тюрьму.

— Зачем? Почему?! Что мы с тобой такое делаем?!

— Понимаешь, — сказал он шепотом, — у меня секретная работа. Я давал подписку, и мне нельзя встречаться ни с кем из иностранцев.

— Но мы же с тобой просто дружим! Ты не говорил мне никаких секретов! — На ее глаза навернулись слезы. — Я поняла. Ты просто не хочешь быть со мной. Только спать.

— Нет, Мария, нет! Мне очень жаль, но таковы правила!

— Тогда уходи! Убирайся! Махай се!

— Мария, пойми, я люблю тебя, по-настоящему люблю! Но встречаться открыто мы не сможем, только тайно!

— Мне такое не подходит. Я не хочу стыдиться тебя. И стыдиться любить. — Она вскочила и побежала прочь. А на повороте к общежитию обернула к нему свое залитое слезами лицо и прокричала: — Ако мислите за нещо — обратно!

— Что? Что?! — переспросил он, не поняв.

— Если что-нибудь придумаешь — возвращайся!

Что оставалось делать? Только развернуться и побрести к остановке троллейбуса.

Кажется, думал Владик, я опять потерял Марию, теперь уже точно навсегда.

Подмосковье. Генерал Провоторов

На службу в Чкаловский Иван Петрович, хоть и положена ему была персональная машина, добирался на своей собственной «Победе». Когда он сидел за рулем, шоферское кресло хотя бы отчасти напоминало ему место пилота-истребителя. Главное сходство с полетом — свобода. Свобода передвижения. Захотел — быстрее поехал, захотел — остановился, захотел — свернул. Все его мысли были заняты элитным отрядом будущих космонавтов. Их было двадцать, этих парней — столь же молодых, как его Галка. В основном, старлеи. Почти все — моложе тридцати. Только один с боевым опытом — майор Беляев, воевавший в Корее, остальные — пороху еще не нюхали.

Вчера, получив совершенно секретное постановление Совета министров СССР, генерал решил не делать из документа тайны для слушателей-космонавтов, а зачитать его прямо сегодня — на утреннем построении. Поэтому нынче он прибыл в авиагородок в семь тридцать утра, оставив дома глубоко спящую Галку и Юрика. Замполит, полковник Марокасов, проводил с космонавтами утреннюю зарядку-разминку. Парни пробежали мимо Провоторова в своих спортивных костюмах — веселые, разрямянившиеся, бодрые. Пока воспитанники проводили физзарядку, генерал поднялся в свой кабинет, поработал с документами, а в положенный час снова вышел на плац. Дежурный по отряду отдал рапорт. Девятнадцать молодых летчиков вытянулись перед ним, построенные в две шеренги. В таком, во всех смыслах элитном подразделении, для того чтобы поддерживать дисциплину и авторитет командования, требовались особые, экстраординарные меры — держать «золотую середину» и никогда не перегибать палку.

— Товарищи офицеры, — негромко сказал генерал перед строем, — разрешите ознакомить вас с совершенно секретным положением о советских космонавтах, которое было принято постановлением Совета министров СССР.

И далее зачитал небольшой документ, пять неполных машинописных страниц в полтора интервала, все изложено коротко и ясно. Закончив, он обратился к будущим космонавтам:

— Вопросы есть?

Вопросов ни у кого не оказалось. Даже записные юмористы, вроде Леонова или Гагарина, оставили при себе свои реплики. Знали, когда явно не время шутить. Льготы, им положенные, произвели впечатление на всех. За полгода службы в Московском округе летчики спецотряда ВВС посте-

пенно начали привыкать к мысли, что они — элита, однако объем возможных благ даже на них подействовал.

Осень 1960 года. Владик

Идея — как космонавт будет управлять тормозной установкой корабля «Восток» — явилась Владiku в минувшем январе в течение секунды: случилось своего рода озарение, дар свыше. Чтобы оформить замысел — расписать, рассчитать, начертить — потребовалась неделя. Чтобы отстоять, защитить — сначала перед непосредственным начальником Феофановым, а потом перед старшими товарищами, ведущим конструктором корабля и самим Королевым (вникавшим во все вопросы, связанные с первым полетом) — понадобился месяц. А чтобы воплотить задумку в жизнь, согласовать ее со смежниками и конструкторами других систем, вписать в существующий объект, Иноземцев затратил едва ли не полгода. Это притом, что практически все вокруг концепцию ручного управления одобряли и всячески шли ему навстречу.

И вот, наконец, к осени шестидесятого корабль, предназначенный для полета, был готов. Смежники привезли едва ли не последнее из недостающих элементов: кресло космонавта. В тот момент Владик оказался в цехе, где доводили изделие. Особых дел у него здесь не было, но он придумал повод, чтобы попасть в цех, так хотелось впервые взглянуть на практически готовый объект. Он получился красивым: шарик спускаемого аппарата словно венчал бочку приборного отсека, ожерельем обнимали его баки, куда заляют рабочие тела двигателей ориентации, посверкивали сопла тормозной двигательной установки. Возле изделия на платформах, на разной высоте работали инженеры, конструкторы и техники в белых халатах и шапочках. Изо всех сил изображая деловитость, с чувством законной гордости, Иноземцев обошел корабль кругом. Красивую вещь они создали, черт возьми!

Тут по трансляции под сводами цеха разнеслось:

— Ведущего конструктора объекта З-КА просьба срочно зайти к начальнику цеха.

«Объектом З-КА» в заводских документах звался пилотируемый корабль. От группы инженеров отделился один и быстро пошел в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. Минут через семь он вернулся и тихо сообщил своим коллегам: «Звонил ЭсПэ. Сказал, что скоро придет навещать корабль вместе с его хозяевами». Кто-то удивленно переспросил: «Хозяевами?» Но Иноземцев понял: главный конструктор собирался по-

жаловать в цех вместе с летчиками из спецотряда ВВС — будущими космонавтами. И тогда он решил — будь что будет, надо остаться и дожидаться визита главного. Вскоре в цеху действительно появился ЭсПэ, в накинутом на плечи белом халате, он, вместе с молодыми летчиками, подошел к стоящему на стапеле кораблю и стал им что-то рассказывать, жизнерадостно и вдохновенно. Летчики — худенькие, маленькие, в белых халатах поверх кителей и в стерильных шапочках — внимательно слушали его. Их было шестеро. Из всех Иноземцев узнал только обаятельного старлея Юру, с которым выяснял отношения во время своей лекции. Других он по именам не знал, и даже впоследствии — много позже, когда документы, связанные с первым отрядом, начали рассекречивать — не мог в точности вспомнить, кто именно тогда вместе с главным конструктором осматривал корабль.

Главный вдруг сделал приглашающий жест рукой: не хотите, мол, попробовать? И первым немедля сделал шаг вперед Гагарин: «Разрешите мне?» «Пожалуйста», — кивнул Королев, и Гагарин, сняв халат и разувшись, легко взлетел по лестничным ступеням на корабль и с помощью одного из инженеров загрузился в люк...

После смены Иноземцев встретился с Виленом, и они решили отправиться в пивную. Сначала поговорили о работе, естественно, в рамках дозволенного. Считалось, что в близлежащей к предприятию пивной — как и во всех помещениях ОКБ — даже стены имеют уши. Поэтому Кудимов очень удивился, когда узнал из экивоков Иноземцева, что, оказывается, Владик работал над изделием, которое представляли сегодня хозяевам, а теперь трудится над «новым объектом, продолжающим традиции первого». Так, соблюдая режим секретности, Иноземцев определил свою работу над новым кораблем, под индексом 7К, которому дали имя «Север»: рассчитанный на трех космонавтов, он предназначался, в перспективе, для облета Луны.

Потом Вилен перебрался на дела семейные. Стал плакаться: Лера, дескать, его не уважает, шпыняет, почему зря. Теща смотрит надменно, и только тесть, генерал в отставке Старостин, уважителен к зятю.

— Ах, зачем я, — начал он ныть после третьей кружки, — на ней женился? Почему с Жанной не остался? Пусть не было бы Москвы, пусть распределили куда-нибудь в Тмутаракань. Везде люди живут. Зато Жанка была бы со мной. Боже мой, как я по ней скучаю! Может, если б я ее тогда не отпустил, она бы и сегодня была жива, а?

Владик, тоже изрядно подпивший, сказал, что недавно о том же — о безвременно погибшей Жанне Веселовой — плакался ему на технической позиции Радий.

— И он тоскует, черт этакий! — нехорошо ослабился Кудимов.

— Тебя во всем винит, — подлил масла в огонь Иноземцев. — Убить грозился.

— Руки коротки! — отрезал Вилен и вдруг круто перевел разговор на другую тему: — А у тебя с Галкой — как? Хорошо, я надеюсь?

Разогретый откровениями Кудимова, Иноземцев поведал приятелю о своей незадавшейся семейной жизни с Галей. Рассказал, что она ушла от него к генералу и, судя по всему, довольна жизнью, потому что даже не звонит.

— Вот это да! — потрясенно воскликнул Вилен. — И тебе с женой не подфартило! Выходит, ты сейчас один? Класс! Тогда поехали прямо сейчас к тебе — продолжим наши игры, тем более что шалман вот-вот закроется.

Сказано — сделано, и товарищи отправились в гастроном на углу за добавкой. Там Кудимов отмел поползновения друга приобрести армянский коньяк:

— Это барство, самое настоящее. Тем более, мешать пиво с коньяком терапевты не рекомендуют. Ржаное нужно пить с пшеничным.

Взяли водки, а на закуску селедочки. Картошка и лук у Владика дома имелись — волей-неволей, научись хозяйствовать без жены. Поехали на электричке, и Вилен по дороге неожиданно предложил: «Сегодня я заночую у тебя. Только позвоню, отпрошусь у своей домашней полиции». — Приехав в Болшево, он тут же кинулся к телефону-автомату. Долго что-то говорил супруге, потом вышел, усмехаясь, махнул рукой: «Идем! Я сказал ей, что у меня командировка в Химки, там и переночую».

Дома они первым делом затопили печку: кончался сентябрь, и ночами иногда пробивали заморозки. Вилен ловко освежевал селедку пряного посола и крупными кольцами порезал лук. Владик начистил и наварил картошки. Совместная работа в четыре руки еще больше сблизила друзей. За окнами стемнело; стекла от жарко топившейся печи запотели.

Наконец сели за стол и, слово за слово, коснулись личной жизни Владика. Иноземцев рассказал о Марии и об их романе — скрыл только национальность своей возлюбленной.

— Она аспирантка, в энергетическом институте учится. Сама приезжая, живет в общежитии. — Он вздохнул и мечтательно добавил: — Эх, знал бы ты, дружище, как нам хорошо с ней вместе! Ты помнишь, как мы в пятьдесят седьмом, во время фестиваля девчонку иностранную задержали в парке? А потом с Радием отправились ее провожать?

— Да-да! — с энтузиазмом подхватил Вилен.

— Так вот: это она. Аспирантка. Болгарка. Мария.

— Вот здорово! — искренне восхитился приятель. — А чего ж ты тушуешься? Разводись с Галей и женись на своей Марии. Подумаешь, ино-

странка называется, — убеждал он друга, — всего-навсего болгарка. Болгария только формально за граница! Правильно про нее говорят: шестнадцатая советская республика! Ты не волнуйся, мы все устроим. Я завтра, на трезвую голову, подумаю, как к этому делу лучше подойти. Только ты больше о своей Марии никому — ни гу-гу. Я, разумеется, тоже буду молчать как партизан. Могила!

Потом они легли спать: Владик у себя, на бывшем супружеском ложе, за занавесочкой, Вилен — на гостевом диванчике.

Иноземцев никак не мог уснуть, с раскаянием думая о своей откровенности: «Зачем я ему все выболтал?! Зря не держал язык за зубами! Правильно говорят: болтун — находка для шпиона. Может, Виленчик все просто забудет, и информация никуда дальше не уйдет?» — С этой слабой надеждой он, наконец, заснул.

Проснувшись утром, приятели вышли на крыльцо покурить. Вдруг лицо Виленки стало задумчивым, и он тихо проговорил:

— Ты еще не знаешь, но на полигоне Флоринский попал в автомобильную аварию. Он находится в крайне тяжелом состоянии.

Впоследствии Иноземцев не раз задавал себе вопрос: знал ли Вилен тогда, что в действительности произошло с Флоринским? Иногда ему казалось, что — да, иной раз — нет. Но о том, что ни один простой советский человек не ведал в те дни о том, что случилось на Байконуре двадцать четвертого октября шестидесятого года, — это факт. Владик же услышал об этом только через пару месяцев, когда сам оказался на Байконуре. И то — лишь слухи, ничего официального. Однако в военном городке скрыть адскую вспышку в пустыне, а потом братскую могилу в городском парке оказалось невозможным...

А пока он решил навестить Флоринского. Прикупил по дороге апельсинов и отправился в госпиталь имени Бурденко. Бюро пропусков помещалось в отдельной пристройке. Владик протянул в окошко свой паспорт и попросил пропуск к Флоринскому Юрию Васильевичу. Дежурная долго листала разные списки, а потом вдруг бросила: «Ждите!» и захлопнула окошко. Ему показалось, что она принялась куда-то звонить. Владик отошел в сторонку, им овладело дурное предчувствие.

Ждать пришлось долго. Через полчаса из дежурки вышел военный — молодой капитан, в погонах и фуражке василькового цвета. «Из госбезопасности», — догадался Владик. В руках офицер держал его паспорт, хлопывая зеленым коленкором по сгибу ладони. «Гражданин Иноземцев? Пройдемте со мной» — с отстраненной вежливостью проговорил капитан, и они вошли в служебное помещение, где стояла пара столов, а на стенах висели портреты Ленина и Дзержинского.

— Присаживайтесь, — указал офицер на табуретку. Владик сел, чувствуя себя не в своей тарелке. — Вы кем Флоринскому приходитесь? Родственник?

— Сослуживец.

— Ах, сослуживец. А вы где работаете?

— В почтовом ящике. — И Владик назвал номер «ящика», под которым он значился в открытых документах.

— Как давно вы знакомы с Флоринским? Когда виделись с ним последний раз? И откуда вы узнали, что в данный момент он находится в госпитале?

— Мне об этом сказал наш общий коллега.

— Коллега? Кто конкретно?

— Вы меня, конечно, извините, но это не ваше дело, — разозлившись, отрезал Иноземцев.

— Возможно, — усмехнулся офицер. — Возможно, и не мое. А, может, и мое... Что вам известно о состоянии Флоринского?

— Понятия не имею. Затем и пришел — узнать.

— Состояние, я вам скажу, крайне тяжелое. Врачи борются за его жизнь. А что конкретно стряслось с Флоринским, вы знаете?

— Нет.

— Как же? Разве ваш коллега не сообщил вам, что Юрий Васильевич находится в госпитале, не сказал, при каких обстоятельствах он пострадал?

— Он сказал, что произошла автомобильная авария.

— Правильно, — удовлетворенно протянул офицер. — Именно авария, и именно автомобильная. А вы, наверное, подробности хотите знать?

— Ничего я не хочу. Я просто собирался навестить Юрия Васильевича и, вот, передать ему апельсины.

— Увидеть Флоринского никак невозможно, — покачал головой капитан, — так что вы пока можете быть свободны. — И, протянув Владиславу паспорт, добавил: — Рекомендую поменьше распространяться о болезни Юрия Васильевича.

— Хорошо, — пожал плечами Иноземцев. — Может, вы ему хотя бы апельсины передадите? Не тащить же мне назад.

— Боюсь, ваши фрукты Флоринскому сейчас никак не понадобятся.

— Ну, тогда врачам, что ли, отдайте. Не увозить же.

— Разве что врачам... — с сомнением протянул капитан. — Впрочем, давайте.

От этого дурацкого допроса настроение совсем испортилось. К тому же Владик все время исподволь ожидал вопроса о Марии. Вот тут бы он точно поплыл. Потому что, встречаясь с болгаркой, он нарушал один из важнейших пунктов подписки о секретности, которую давал сначала на

третьем курсе МАИ, а потом при поступлении на работу в «хозяйство Королева»...

Вернувшись в Болшево, Владик позвонил матери. Та сразу начала выговаривать ему за то, что он с Юрочкой не видится: «Неужели ты не понимаешь, Владинычка, что мы с тобой его потеряем навсегда!» — «Ох, мама, — раздраженно перебил ее Иноземцев, — если он тебе так нужен, приезжай сама в Москву!» — «И приеду, а что ты думаешь? Я давно собираюсь!» — «О, правильно! Буду рад тебя видеть! Когда пожалуешь?» — «Скоро ноябрьские. Может, выкрою под праздники недельку». Под конец разговора Владик неожиданно вспомнил, что мама ведь тоже знакома с Флоринским, да еще с юности, и сказал о том, что бедняга Юрий Васильевич загремел в госпиталь и находится в крайне тяжелом состоянии. В трубке повисла долгая и глухая тишина. Он даже подумал, что их нечаянно разъединили, и стал кричать в трубку: «Алло, алло!» — но тут мама вдруг отозвалась совершенно глухим и далеким голосом:

— Я выезжаю.

— Выезжаешь?! — поразился Иноземцев. — Почему? Зачем? Из-за Флоринского?! Да ведь к нему даже в госпиталь не пускают!

Но Антонина Дмитриевна, не слушая его, тем же глухим голосом проговорила: «Я прямо сейчас на вокзал. Постараюсь выехать вечерним поездом. Как возьму билет, дам тебе срочную телеграмму», — и отключилась.

Владик, в полной растерянности, тоже повесил трубку.

Мама приехала во вторник. Прибыла налегке — ни варений, ни сушеных грибов, ни воблы, только небольшой чемоданчик в руках. Иноземцев был на работе, и ключи от дома ей дала вдова-хозяйка. Владик вернулся домой поздно, прямо с порога обнял ее и нарочито грубоватым тоном произнес:

— Зачем примчалась? Все равно к Флоринскому ты не попадешь.

— К нему попасть должен — ты.

— Я?! Почему?

— Не сейчас. Я тебе потом все объясню.

— Но меня к нему не пустят, я уже пробовал — без шансов.

— Я поговорю, с кем надо.

— С кем ты, позволь узнать, поговоришь?

— Ты не в курсе, Сергей Павлович в Москве?

— Королев? К нему ты не прорвешься. Режимное предприятие! Я и сам его раза два-три за год видел.

— Я ему позвоню.

— Позвонишь? Да я даже телефона его не знаю. Могу, конечно, выяснить, но это только через секретаршу, а она тебя вряд ли с ним соединит.

— Я знаю его прямой номер. Сергей на него, как мне сказали, всегда сам отвечает, когда в кабинете. Мне его дал Юрий Васильевич. На самый крайний случай.

— Какой такой случай?

— Вдруг, не дай бог, что-то с тобой случится. Но, как видишь, случилось — с ним. Мы сейчас быстренько поедим, а потом проводишь меня до станции. У вас ведь там есть телефон-автомат? Я думаю, ваш великий Эспэ еще на работе?

— Если он в Москве, то часов до девяти-десяти сидит в кабинете точно. Если не на производстве, конечно.

Через полчаса, похрустывая подмерзшими палыми листьями, они пришли на почту. Мама скользнула внутрь телефонной будки и долго не выходила — значит, дозвонилась. Владик отвернулся, не желая подсматривать и подслушивать ее разговор с главным конструктором. Антонина Дмитриевна и впрямь дозвонилась! Наконец положила трубку на рычаг, вышла, хлопнув дверцей, и озабоченно спросила у сына:

— Как я выгляжу?

— Нормально. А что?

— Сергей Палыч обещал прислать за мной машину. Через пятнадцать минут — прямо сюда.

— Ну, мама! Ну, ты и авантюристка! — восхищенно воскликнул Владик.

И впрямь: через четверть часа прямо к телефонной будке подрулил королевский «ЗиС». Шофер даже вышел из машины и помог маме устроиться на заднем сиденье представительского лимузина. «Надолго я не задержусь», — царственно бросила она на прощание.

Но ее свидание с Королевым, бывшим коллегой по довоенной юности, затянулось. Вернулась она, когда Владик уже позевывал под одеялом. Обратно ее доставил тот же «ЗиС».

Антонина Дмитриевна сняла пальто и ботинки, прошла в комнату и подседа к нему на кровать — совсем как в детстве. Положила ладонь на лоб, погладила по волосам. Чтобы не рассиропиться, он, усмехаясь, сказал:

— А от тебя коньячком пахнет. Ай-яй-яй, что скажет Аркадий Матвеевич?!

— Да, Серенчик предложил выпить по рюмочке. Неудобно было отказать.

— Ну и как вы с ним поговорили?

— Он был мил. Любезен. Даже галантен. Постарел, конечно. Все мы не молодеем... Эх, знаешь, я ведь и тогда, в тридцать пятом, знала, что Королев наш далеко пойдет. Но он превзошел все мои ожидания. Ка-

ким делом руководит! Какое у вас огромное хозяйство! Кстати, он приглашал меня на работу, сказал, что в библиотеке для меня место всегда отыщет. А, может, и что-нибудь посерьезнее. И с жильем обещал помочь!

— Прекрасно! Переезжай! Будем рядом.

— Что ты, сыночек, в мои годы судьбу не меняют. А потом — на мне бабушка. А Аркадий Матвеевич? Он с таким трудом нашел место в тресте, и теперь на очень хорошем счету там. Знаешь, репрессированным не так просто устроиться на работу... А квартира наша в Энске? Нет, вряд ли я поеду.

— А что с Флоринским?

— Флоринский очень плох. Множественные ожоги третьей-четвертой степени, чуть не семьдесят процентов. Врачи считают, вряд ли выживет. — По ее щеке скатилась слезинка. — Но Серенчик, ой, Сергей Павлович, заверил меня, что он сделает все, чтобы ты к нему в госпиталь попал.

— Мама, скажи, почему так необходимо, чтобы я навестил Флоринского в Бурденко?

— А ты что, — грустно посмотрела на сына Антонина Дмитриевна, — еще не понял?

— Не-ет, — протянул Владик.

— Он — твой отец.

**За десять месяцев
до описываемых событий.
1 января 1960 года, квартира
Флоринского в Подлипках**

Юрий Васильевич втащил уже собравшуюся уходить Антонину Дмитриевну в квартиру, запер за ней дверь. Ошеломленные Владик, Галя и девушка Флоринского по имени Нина остались на лестничной площадке. Однако Иноземцева нимало не удивилась. Она всю новогоднюю ночь, едва встретила после двадцатипятилетней разлуки своего бывшего друга, ожидала от него чего-то подобного.

— Узнаю тебя, Юрочка, — усмехнулась Антонина. — Ты все такой же авантюрист.

— Снимай пальто и боты.

— Зачем?

— Поговорим.

— О чем, Юрочка?

— Для начала об Иноземцеве. Он — мой сын?

— Мы с тобой встретились в Гаграх в августе тридцать четвертого. Владик родился в мае тридцать пятого. Считай сам. Впрочем, я не настаиваю. У него в графе «отец» прочерк. И отчество у него, в честь деда, Дмитриевич. Мы с ним, худо-бедно, двадцать пять лет без тебя прожили, и дальше справимся.

— Боже мой, Тоня! Речь не об этом! Почему ты мне тогда не сказала, что беременна?!

— Это что-то изменило бы?

— Кто знает. Но, скорее всего, да.

— Юрочка, мне не нужна от тебя никакая милость. Ни тогда не нужна была, ни, тем более, сейчас. Неделя знакомства на курорте, и только. Ты пленил меня своими рассказами о звездах и межпланетных путешествиях и стихами Пастернака и Цветаевой. Какой же я была душой! Ведь примчалась к тебе потом в Ленинград. Куда делась моя гордость? Мама до сих пор не знает, а узнала бы — убила. Ты это оценил? На тебя мой приезд никак не подействовал. Значит, если б я тебе тогда, осенью тридцать четвертого, сказала, что жду Владика, ты бы опомнился и попросил моей руки? Смешно! Все прошло, Юрочка, пройдено и забыто. И нечего нам сейчас ворошить старые угли, все давным-давно сгорело.

— Как ты жила эти годы, Тоня?

— Как я жила? — вздохнула она с печальной улыбкой. — Трудно жила, как вся страна. В тридцать восьмом, когда взяли Лангемака с Клейменовым и других руководителей нашего РНИИ, я в один день рассчиталась, схватила Владика, маму и умчалась в Энск. Боялась, что до меня тоже дотянутся. Но, слава богу, обошлось.

— А почему именно в Энск?

— Там мой дядя, брат мамы, работал тогда председателем горисполкома. Он давно нас звал. Выхлопотал жилье. Там и войну мы всю провели. Дядю на фронте убило, в сорок первом, он добровольцем ушел... А мы — что? Эвакуированных к себе брали на постой, вещи на барахолке продавали, варежки для фронта вязали, лебеду с крапивой ели... Много чего было, Юрочка, всего не расскажешь.

— А меня репрессировали, знаешь? Как Королева, как моего бывшего ленинградского шефа Глушко. В первую зиму на Колыме — каким чудом жив остался, не знаю. Потом меня оттуда в «шарашку» перевели, в Казань. Благодаря тому и спасся. В «шарашке»-то полегче стало, с Колымой не сравнить. Там я в сорок четвертом с Королевым и познакомился. Потом, в сорок пятом, мы с ним в Германии работали, «фау-два» осваивали... Да, ты права, всего не расскажешь — а ведь жизнь, считай, прошла... Ты сейчас одна?

— Нет, рядом со мной очень хороший человек, Аркадий Матвеевич. Про тебя я не спрашиваю. Вижу, ты до сих пор паришь.

— Да уж, летаю... Знаешь, Тоня, я хотел бы тебя попросить: не говори пока Владика, что я его отец. Я лучше сам скажу, когда... Когда буду готов, что ли.

— Не волнуйся. Я и не собиралась ему ничего говорить...

— ...Как видишь, — закончила свой рассказ мама, — Юрий Васильевич так и не собрался тебе все рассказать... Ох, и жаль его, хороший он человек. Слабый, умный и хороший. Ты сходи к нему в госпиталь. Помоги ему, Господь, выкарабкаться. Я уж и бабулю попросила за его здоровье молиться, и сама перед отъездом в церковь зашла, свечи поставила Николаю Чудотворцу и Святому Пантелеймону, целителю.

— Ты лучше скажи, что тебе Королев сказал: Флоринский и впрямь в автокатастрофе пострадал? Или что-то случилось на полигоне?

— Ох, Владька, — вздохнула мама, — мне Сергей Павлович сказал по секрету, что на полигоне, на стартовом столе взорвалась ракета производства днепропетровского КБ. Десятки жертв, и маршал Неделин там погиб. Но только ты об этом никому. А когда к Флоринскому... то есть к отцу можно будет сходить, тебе дадут знать.

На следующий день, ближе к вечеру, Иноземцева позвали к телефону. Да не криком, через всю огромную комнату, к его столу пулей подбежала сидевшая на телефоне техник Марина с округлившимися глазами и прошептала с восторженным ужасом: «Тебя к телефону — Королев!!!» Это был первый случай на памяти Владика, когда сам главный конструктор звонил в отдел. Он, опережая Марину, бросился к трубке.

— Иноземцев? Это Королев. Вас будут ждать в госпитале Бурденко сегодня. — И в телефоне раздались короткие гудки.

Через полтора часа Владик входил в знакомое ему помещение бюро пропусков. Та же дама в окошке дала ему квиток и объяснила, как пройти в палату, где лежит Флоринский. Ему выдали белый халат, шапочку, марлевую повязку и бахилы на ноги, и он по широкой мраморной лестнице поднялся на второй этаж. Перед палатой, за столом с телефоном, сидел давешний капитан госбезопасности, на этот раз в штатском и белом халате, накинутом на пиджак. Он с огромным удивлением посмотрел на Иноземцева, тщательнейшим образом проверил его паспорт, пропуск, потом, вдобавок, позвонил куда-то и уточнил, действительно ли разрешен допуск гражданина Иноземцева Владислава Дмитриевича к больному Флоринскому? Услышав утвердительный ответ, он, наконец, позволил войти, но при этом предупредил: «Время посещения — пять минут».

На кровати, весь обмотанный бинтами, видны были только закрытые глаза и рот, лежал Флоринский. Владик подошел ближе, и сердце его бо-

лезненно сжалось, горло перехватило от переполнявшей его жалости — сразу было видно, больной — не жилец. Вдруг глаза Флоринского открылись, и он прошелестел губами:

— Владик?

— Да, это я, Юрий Васильевич.

— Владик, ты... — начал умирающий.

— Я все знаю, Юрий Васильевич, — перебил его Иноземцев. — Мне мама сказала. И, знаете, что? Я очень рад, что моим отцом оказались именно вы. Вы хороший человек. И я счастлив, что мы с вами работаем вместе. И будем работать и дальше, — солгал он, сам не веря своим словам. — Вы обязательно выздоровеете, все вас ждут на работе, и ЭСПэ тоже. Это он мне пропуск сделал, чтобы вас навестить. И мама вам кланяется, она, как узнала, что с вами случилось, сразу в Москву приехала. А смотрите, как интересно получилось. Я своего сына Юрием назвал, хоть и не знал тогда, что вы мой отец. А теперь выходит, что назвал в вашу честь.

Тут дверь в палату приоткрылась, и послышался негромкий голос капитана: «Заканчивайте».

— Спасибо, что пришел, — с трудом выдавил из себя Флоринский.

— Поправляйся, папа, — фальшивым голосом произнес Владик, развернулся и вышел из палаты.

Он сдал халат и бахилы, надел куртку и, выйдя в госпитальный двор, не сдержался и заплакал.

Флоринский скончался через три дня.

О том, что происходило на полигоне двадцать четвертого октября, Владиду по секрету рассказал через пару недель Радий, бывший в то время на Байконуре — но, слава богу, находившийся на другой площадке. Однако всех деталей происшедшего Рыжов не знал еще лет тридцать, до тех пор, пока в перестройку не начали появляться публикации о катастрофе. Теперь документы, наконец, оказались рассекречены, и стал известен даже поименный список погибших: семьдесят восемь человек. Одни только мужчины. Все молодые и образованные. В подавляющем большинстве, русские или украинцы. (К ракетной и ядерной технике представителей национальных меньшинств — немцев, евреев, кавказцев, равно как выходцев из Прибалтики, Средней Азии или Закавказья — допускали лишь в исключительных случаях.)

Девятнадцать из числа сгоревших заживо — солдаты. Двадцать офицеров, от лейтенантов до подполковников. А также один маршал Советского Союза — Иван Митрофанович Неделин. Остальные — инженеры, конструкторы, ученые, техники, проектанты. Средний возраст погибших — двадцать девять лет.

Цвет нации. Как двадцатью годами раньше он погибал в войну. А еще раньше — в лагерях. А до того — в Гражданскую. И в революцию.

После катастрофы руководитель комиссии по расследованию Леонид Ильич Брежнев сказал: «Наказывать никого не будем. Виновные сами себя наказали». С тех пор прозвучало множество ответов на вопрос «кто виноват?» — начиная от сугубо технических и кончая философскими. И самым ходовым стал один: виновата, мол, холодная война. Время, мол, было хоть и мирное, но почти военное. Шло соревнование двух систем. Гонка вооружений между СССР и США. То есть почти война. А война — она все спишет.

Однако у Владика был собственный ответ на вопрос, почему погиб его отец и другие, можно сказать, лучшие люди.

Тогда все они, не жалея себя, делали ракеты, и Королев с соратниками создали ракету Р-7. Однако довольно быстро выяснилось, что королевская «семерка», может, и хороша для пропагандистских целей, но для того, чтобы постоянно грозить Соединенным Штатам, не подходит. Летает она на «чистых» компонентах: кислороде и керосине, кислород же на стартовой позиции испаряется, и через сутки ракету надо перезаправлять по-новой.

Короче, Родине срочно требовалась иная межконтинентальная ракета, чтобы можно было поставить ее на постоянное боевое дежурство. И такую ракету взялся делать академик Янгель в своем КБ в Днепропетровске. Питалась она ядовитыми высококипящими компонентами: несимметричным диметилгидразином и азотным тетраоксидом. Под нее на Байконуре в спешном порядке построили новый гигантский стартовый стол и циклопических размеров монтажно-испытательный корпус.

В тот день, двадцать четвертого октября шестидесятого года, очень спешили с первым запуском ракеты, поэтому все стартовые расчеты — те самые погибшие солдаты и офицеры, а также испытатели и конструкторы — работали днем и ночью. А маршал Неделин, главнокомандующий ракетными войсками стратегического назначения, показывая пример личного мужества и заинтересованности в успехе дела, сидел на стуле в двадцати метрах от заправленной ядовитым топливом ракеты.

Когда начались неполадки на заправленной ракете, единственным правильным решением было: слить топливо, вернуть ракету в монтажно-испытательный корпус и спокойно во всем разобраться. А потом снова вывезти Р-16 на старт. Однако людьми обуял азарт и чисто русская горячка, густо замешанная на «авось». Очень уж хотелось не только добиться успеха, но и «вставить фитиль» Королеву. И потому — продолжали готовить пуск, несмотря на смертельную усталость и работая, в буквальном смысле, «на слух и на глазок». И тогда последовала цепь ошибок. Прошла ложная команда. Запустились двигатели второй ступени. Они разрушили баки первой ступени, ядовитое топливо разлилось по площадке, начался

пожар. Многие сгорели заживо в первые секунды. Другие пытались убежать, превратившись в живые факелы.

Среди них оказался и Флоринский. Он, работник «хозяйства Королева», не должен был в тот день находиться на проклятой сорок первой площадке, но приехал подписать какие-то бумаги. А, может, бумаги служили лишь прикрытием, и он просто хотел полюбопытствовать, как идут дела у ближайшего королевского конкурента. Никто теперь ничего не узнает в деталях. Как не узнает никогда, что думали и что чувствовали в свои последние секунды те реальные, погибшие на старте молодые, красивые, умные мужчины...

Флоринского похоронили в закрытом гробу на Немецком кладбище в Москве. Мама на похороны из Энска не приехала. На погребение пришли несколько руководителей ОКБ, но самого Королева не было: говорили, он уехал на полигон. У гроба плакали незнакомые женщины разного возраста. В редкой толпе шептались: вторая и третья жена покойного. Навзрыд рыдала бедненькая юная Ниночка.

На поминки Владик не поехал. Сначала хотели организовать тризну в Подлипках на фабрике-кухне, близ ОКБ, но потом из первого отдела поступило указание: смерть не педалировать, на кладбище приглашать только самых близких, обойтись без долгих речей и других демонстраций. Поэтому Ниночка с другими женщинами устроили поминальный стол на квартире покойного.

День был холодный, но ясный, и Иноземцев решил пройтись в одиночестве до платформы Сортировочная. На душе было муторно. Хотя он не мог еще думать о Флоринском, как о своем отце, для него он оставался старшим товарищем, умным и веселым, но его было очень жалко.

На следующее утро его вызвал к себе Феофанов.

— Завтра едешь на полигон, — начал он без всяких предисловий. — У тебя теплое белье, одежда есть? Там зимой страшный колотун.

— Чем мне придется там заниматься?

— «Востоком». Постановление ЦК и Совмина о том, что человека надо запустить в космос в уходящем году, никто не отменял. Однако Королев считает, и я его категорически в этом поддерживаю, что человек полетит только после того, как пройдут два полностью успешных беспилотных запуска по программе пилотируемого полета. А у нас пока счет «один — два» не в нашу пользу. Первый корабль забросили на более высокую орбиту, вместо того чтобы посадить. Второй взорвался на двадцать третьей секунде, двух собачек угробили. И только третий, с Белкой и Стрелкой, был относительно удачным. А теперь, старичок, два новых корабля готовы, и их везут на стартовую позицию. Займешься там горизонтальными испытаниями. Если два раза успешно пустим в декабре, то отправим космонавта на орбиту еще до Нового года.

— Надолго меня на техпозицию посылают?

— Ты сам знаешь, на полигон попасть непросто, списки лично главный конструктор утверждает. А выбраться еще сложнее. Королев отпускает только тех, к кому никаких вопросов по их системам нет. А такого добиться — совсем непросто. Но, со своей стороны, обещаю: когда произойдут два успешных беспилотных запуска, поставлю вопрос о твоей побывке в Москве. А пока иди, закругляй все текущие дела, и можешь быть свободен, я тебя отпускаю. Купи себе что-нибудь теплое из одежды, если успеешь, — напомнил начальник.

За три недели до описываемых событий

В одной из совершенно неприметных квартир в центре Москвы собрались за длинным столом четверо мужчин разного возраста. Старшему — где-то около пятидесяти, а самому молодому — лет двадцать пять, в нем легко можно было узнать Вилена Кудимова. Как самый младший, по возрасту и по званию, он сидел в дальнем конце стола. Еще один персонаж — командир Вилена подполковник Варчиков, он занимал лишь второе по значимости место за столом. Председательский стул принадлежал пятидесятилетнему мужчине, которого все называли Александром Федосеевичем. И, наконец, четвертый, в котором чувствовалось что-то неуловимо восточное или южное, он постоянно приглаживал свои тонкие щеголеватые усики. Александр Федосеевич, открывая совещание — а то, что встреча четырех мужчин, невзирая на приватную обстановку, являлась именно совещанием, не вызывало сомнения. Велась даже скрытая магнитофонная запись, а впоследствии был составлен протокол. Встреча происходила на конспиративной квартире, а не в управлении, лишь по причине того, что двое сотрудников действовали под прикрытием: Кудимов — в качестве инженера почтового ящика, а «южанин» прибыл в Советский Союз под крышей представителя болгарского объединения «Плодэкспорт».

— Итак, товарищи, — окинул собравшихся внушительным взглядом председательствующий, — в первых словах моего выступления позвольте представить вам нашего коллегу из народной республики Болгарии, сотрудника болгарского комитета государственной безопасности, майора Пламена Гочева. — Гость улыбнулся и коротко кивнул. — Чтобы не откладывать дело в долгий ящик, предоставляю слово товарищу Пламену.

— Уважаемые коллеги! — начал болгарин. — По вашей просьбе мы проверили информацию о гражданке Болгарской народной республики Марии Стоичковой. — Он достал из внутреннего кармана сложенную вчетверо бумагу и начал читать: — Мария Иванова Стоичкова, год рожде-

ния тысяча девятьсот тридцать третий, уроженка города Варна, по национальности болгарка, образование высшее, техническое.

— Не надо установочные данные, — перебил его Александр Федосеевич, — переходите к сути.

— Хорошо. — Товарищ Пламен отвлекся от бумаги и проговорил: — Доложу о главном. Гражданка Стоичкова неоднократно выезжала из Болгарской народной республики за рубеж, в том числе в Польшу, Румынию, Советский Союз и Францию. Среди своих родственников она имеет дядя, который до времени начала Второй мировой войны сделал эмиграция в Франция. Теперь он проживает в город Париж и занимается свой бизнес. Гражданка Мария Стоичкова три раза, в пятьдесят четвертом, пятьдесят пятом и пятьдесят седьмом годах, посещала Франция и каждый раз около один месяц времени проживала у своего дяди. Во время своих визитов она имела связь интимного характера с господином Джоном Локидом, установленным сотрудником центрального разведывательного управления США. Имеется информация, что сотрудник ЦРУ Локид совершил вербовка гражданка Стоичкова. В настоящее время гражданка Стоичкова находится Москва и обучается в аспирантуре Московского энергетического института по специальности «промышленная электроника».

— Простите, товарищ Пламен, что перебиваю, — высунулся подполковник Варчиков, — насколько подтверждена информация, что Стоичкова завербована главным противником?

— Мы считаем, что так есть, — отозвался болгарин.

— А почему вы раньше, — наскочил на него Варчиков, — не уведомили об этом нас, ваших советских коллег?

— А вы нас об этом не спрашивали, — развел руками Пламен.

— Безобразие! — выдохнул вполголоса подполковник, бросая многозначительный взгляд на Александра Федосеевича.

— Давайте не будем торопиться с оценками, — мягко осадил его председательствующий. — Вы закончили, товарищ Пламен? Если да, позвольте предоставить слово нашему младшему коллеге, старшему лейтенанту Кудимову. Лейтенант Кудимов работает под прикрытием в номерном почтовом ящике в Подмоскowie. Для справки докладываю, что в «ящике» занимаются разработкой самых современных систем ракетного вооружения. Пожалуйста, Вилен Витальевич.

— Товарищи, хочу доложить следующее, — начал Вилен. — Вышеупомянутая гражданка Стоичкова вступила в контакт с сотрудником нашего почтового ящика, инженером Иноземцевым, и сейчас они поддерживают интимную связь. Мне удалось, на почве товарищеских отношений с Иноземцевым, убедить его познакомить меня со Стоичковой. У меня и моей супруги Валерии Кудимовой состоялся с нею контакт и завязались друже-

ские отношения. Учитывая изложенное товарищем Пламеном, считаю, что гражданка Стоичкова способна явиться субъектом нашей разработки — чтобы впоследствии организовать либо операцию по ее перевербовке, либо по дезинформации главного противника. Последнее, на мой взгляд, предпочтительнее.

— Кстати, этот твой Иноземцев, — панибратски наклонился к нему Варчиков, — он не начал еще выбалтывать своей любовнице государственные тайны?

— Никак нет, товарищ подполковник. Я уверен, что нет.

— А я совсем НЕ уверен. Иноземцев имеет первую форму допуска. Он по службе владеет секретной информацией особой важности. А если он уже завербован Стоичковой? И перед ним поставили задачу добывать не только те сведения, к которым он допущен по роду службы, но и другие данные? И он начал против нас работать? Да и без вербовки он болгарке мог столько всего в постельке выболтать — закачаешься. Считаю, надо немедленно брать их обоих, Иноземцева и Стоичкову, чтобы пресечь возможный канал утечки. И устраивать процесс по измене Родине — закрытый или открытый, тут как партия решит. С последующим самым суровым приговором. Чтобы прочим неповадно было.

— Подождите, подполковник, — сделал отметающий жест председательствующий. — Давайте дослушаем Вилену Витальевича. У него, по моему, имеется дополнение.

— Я лично знаю Владислава Иноземцева почти семь лет, — продолжил Кудимов чуть более горячо, чем хотел, — и я уверен, что он не может, даже невольно, работать на противника. Владик — такой парень, — вдруг сказал он совсем неформально, — что никогда никого не предаст. Тем более нашу Родину. Я за него ручаюсь.

— Головой ручаетесь? — вдруг спросил Александр Федосеевич.

— Головой, — без малейших колебаний выпалил Вилен.

— Ты, Кудимов, головой-то своей не разбрасывайся, — грубовато усмехнулся Варчиков. — Она тебе самому еще пригодится.

— Извините, я не закончил, — перебил его Вилен. — Разоблачить шпиона, который вовсе не шпион, а будем называть вещи своими именами, лишь тьюфак и простак, связавшийся с иностранкой, плоско и скучно. Тем самым мы обрубим все концы, которые, по моему, весьма перспективны. Нам, конечно, следует использовать ситуацию, чтобы начать игру со Стоичковой, однако кандидатуру Иноземцева в качестве субъекта дальнейшей дезинформационной игры с противником я считаю слабой и потому негодной. Предлагаю, ни в коем случае не раскрывая карты, тактично вывести его из операции — например, отправить в длительную командировку. В то же время подставить болгарке источник, который полностью на-

ходится под нашим контролем, и через него снабжать противника дозированной дезинформацией. В качестве такого источника я предлагаю — себя. Мне уже удалось войти в контакт со Стоичковой. Между нами начали складываться товарищеские, доверительные отношения. Я считаю свою кандидатуру наиболее подходящей для того, чтобы начать операцию.

— Что, на горяченькое потянуло, лейтенант? — осклабился Варчиков. — Хотите сменить друга в постельке у болгарки?

Реплика явно имела провокационный характер — вывести подчиненного из себя. Но Кудимов на провокацию не поддался, скрипнул зубами, но ответил совершенно спокойно:

— Мы встречались со Стоичковой несколько раз, в присутствии моей супруги, Валерии Федоровны Кудимовой, в девичестве Старостиной. — Он специально упомянул девичью фамилию жены. Тесть, генерал Старостин, наверняка был известен Александру Федосеевичу как соратник в органах госбезопасности. Стоило о том напомнить, если Александр Федосеевич вдруг забыл. — Я полагаю, что под прикрытием товарищеских, а не интимных отношений, мне, вместе с супругой, проще войти в доверие к Стоичковой, подставиться под вербовку, а впоследствии, будучи якобы завербованными, передавать главному противнику дезинформирующие материалы. Тем более что моя жена также является «секретоносителем», она трудится в почтовом ящике номер *** и имеет допуск по первой форме секретности.

— Вы закончили, лейтенант? — спросил председательствующий. Вилен кивнул. — А вы что скажете, товарищ майор? — обернулся Александр Федосеевич к болгарину. — Поддержите нас в нашей игре?

— Мы всегда поддерживаем действия наших советских братьев, — улыбнулся в ответ болгарин.

— А ваше мнение, подполковник? — спросил руководитель у Варчикова.

— Классический вопрос: что предпочесть — синицу в руках или журавля в небе, а? — ответил тот. — Вам знакома такая поговорка, товарищ Пламен?

— Конечно, — развел руками Пламен.

— А кто не рискует, тот не пьет шампанское — такая вам известна? — Болгарин снова кивнул. — Вот и я думаю. Активность, можно даже сказать, горячность моего молодого сотрудника начинает склонять меня к мысли: а, может, и впрямь, рискнуть?

— Хорошо, — кивнул Александр Федосеевич. — Похвально, когда молодые сотрудники не боятся взять на себе ответственность и столь уверены в своих институтских товарищах, что ручаются за них головой. Подведем итоги. Ваше предложение, Вилен Витальевич, — спокойно, тихо и правдоподобно отвести от Стоичковой Иноземцева, принимается. Това-

рищ подполковник, позаботьтесь, чтобы руководство «ящиком» отправило его в долгосрочную командировку, и чтобы все происходящее выглядело максимально естественно. А что касается дезинформационной игры — я предложение товарища Кудимова поддерживаю и доложу о нем руководству. Однако окончательное решение должно приниматься на более высоком уровне. Тем не менее, считаю, что может получиться интересная операция, как вы думаете, товарищи?

Декабрь 1960 года. Полигон Тюратам (космодром Байконур). Владик

Владик, как и в мае, жил на так называемой второй площадке. Площадка находилась километрах в тридцати в глубь пустыни от военного городка. Тогда городок все называли десятой площадкой, или «объектом Заря». Городок был относительно цивилизованный, там имелись магазины, школы, дом офицеров и даже танцверанда. А вторая площадка, окруженная колючей проволокой, являлась отдельной воинской частью, с казармами для солдат, общежитием для неженатых офицеров, гостиницей для заезжих специалистов. «Женатики» прибывали туда каждое утро из городка на мотовозе — подобии электрички, запряженной дизелем. Имелись на площадке четыре одноэтажных сборных домика — для самых важных гостей полигона, — где проживали Королев и другие птицы высокого полета, когда прилетали в Тюратам. Один из домиков звался «маршалским». Там обычно останавливался главком ракетных войск маршал Неделин, погибший двадцать четвертого октября. (Там в ночь перед полетом переночуют Гагарин и Титов). Тогда эти домики, с их простой, если не сказать, убогой обстановкой, казались верхом комфорта.

Владика поселили в гостинице для специалистов, которая мало чем отличалась от общежития — пятеро человек в комнате, скрипучий шкаф, растрескавшийся стол, удобства в конце коридора. Вода подается строго по расписанию, которое, впрочем, часто не соблюдается. Не раз Владiku, чтобы умыться, приходилось откупоривать специально запасенный в городке нарзан.

Зато на работу ходить было совсем недалеко. Главное сооружение на площадке звалось МИКом, или монтажно-испытательным корпусом. В нем помещалась, лежа на боку, вся ракета. Там проводили горизонтальные испытания и, одновременно, проверяли корабль. Потом стыковали его с ракетой и испытывали «ракетный поезд» вместе. Одновременно вокруг ракеты и корабля суетились несколько бригад — в общей сложности, человек до пятидесяти, военных и гражданских. Порядок и дисциплину поддерживали строжайшую.

Рядом, на той же второй площадке, в офицерской общаге проживал и друг Иноземцева — Радий Рыжов. Вместе ходили в столовую, встречались

в МИКе — Радий с солдатами отлаживал на ракете свои гироскопы. По вечерам — если они выдавались, свободные вечера, — играли в шахматы или расписывали, «зафрахтовав» одного-двоих коллег, партию в преферанс.

В МИКе торопились. Ближе к пуску очередных собачек из Москвы пожаловал Королев и весь совет главных конструкторов: академики Глушко, Бармин, Кузнецов, Рязанский, Пилюгин. Ракету с кораблем вывезли на стартовую позицию — или на площадку номер один, которая находилась в нескольких километрах от МИКа и второй площадки. В корабле должны были лететь собачки — беспородные, как всегда, Мушка и Пчелка. Это был первый запуск после грандиозной катастрофы на сорок первой площадке, и поэтому на стартовом столе предпринимали экстраординарные меры безопасности — особенно на заправленной ракете.

Запуск в первых числах декабря прошел успешно. Вскоре о полете объявил ТАСС, а это было верным признаком, что все прошло хорошо. Похоже, Владiku оставалось теперь пережить в Тюратаме только еще один беспилотный запуск. А потом полетит человек — и он вернется в Москву, к сыну и Марии.

Однако Иноземцев рано радовался. Вскоре все пошло наперекосяк. И самое обидное, что с системой, за которую отвечал Владик. Конечно, не он был в том виноват, но все же... Перед тем как тормозиться, корабль был сориентирован не совсем правильно. Тормозная установка сработала, аппарат вошел в атмосферу и понесся к Земле, однако его траектория оказалась слишком пологой, чересчур растянутой. Скорее всего, корабль приземлился бы успешно, но — на территорию Китая. И тогда автоматика подала сигнал на АПО — автоматическую систему подрыва. А вот эта система сработала безукоризненно и разнесла спускаемый аппарат, вместе с двумя бедными дворняжками, в клочья. Признать полет успешным никак было нельзя, и потому стало совершенно ясно: постановление партии и правительства выполнено в срок не будет, в шестидесятом году человек к звездам не полетит.

На стапели в МИКе поставили новую ракету и новый корабль. И снова понеслась работа. Все завертелось в прежнем ритме: испытания, адский холод и поземка на улице, казарменный уют в общаге, столовая, работавшая три часа в день (по часу на завтрак, обед и ужин), редкие выпивки или шахматы в компании Радия. Однако трудились и гражданские, и военные на подъеме. Делали то, что до них не делал еще никто — готовили первый полет человека в космос. Ради этого можно было и пострадать.

22 декабря взлетела ракета, понесла ввысь новый корабль, с собачками Кометой и Шуткой. Но на орбиту его вывести не удалось. Отказали двигатели третьей ступени. Корабль от нее отделился и приземлился, слава богу, на территории Союза — но в чертовой глуши, в Эвенкии, в сорока километрах близ поселка Тура.

Спускаемый аппарат искали четверо суток. Собачки оказались живы-здоровы. Однако пуск был признан настолько неуспешным, что его, как и все прочие неудачи, засекретили...

Новый год Владик встречал на полигоне — без всякой надежды на возвращение в столицу. Из пожарного депо выгнали машины, вымыли полы, посреди зала водрузили елку, расставили столы. Устроили концерт, в традициях «Карнавальской ночи», и банкет (правда, из напитков подавали нарзан и ситро — сухой закон не отменяли даже в Новый год).

После того как пробили куранты, они с Радием вышли из «банкетного зала». Глотнули разведенного спирта из фляжки. Настроение у Владика упало. Ему вспомнилось, как встречали прошлый год в квартире Флоринского, и вот теперь Юрия Васильевича больше нет. И нет рядом с Владиком Гали. И не сбылось главное пожелание Флоринского: чтобы в космос умчался советский человек. Слава богу, хоть друг имелся рядом — Радий. Было, кому сказать: «Ох, несчастливый оказался год високосный, шестидесятый. Катастрофа на сорок первой площадке. А на нашей, второй? Пять пусков произвели по программе «Восток» — а успешным оказался один, с Белкой и Стрелкой».

— В общей сложности, неудачных пусков было не пять, а девять, — поправил Радий, обернувшись: не подслушивают ли? — Еще двумя ракетами в этом году пуляли в Луну, и двумя в Марс. И все ушли за «бугор».

— Да, дела неважные, — вздохнул Владик, которым обуяло уныние. — Одна удача из девяти возможных. Долго же нам придется пилотируемого полета ждать.

— Нет, брат, для оптимизма предлагаю другую арифметику: по собачкам. Из четырех собачьих экипажей на землю вернулось два. Получается, успех пятидесятипроцентный. Да и Мушку с Пчелкой могли бы не взрывать — сели бы они прекрасно, хоть и в Китае. Тоже, считай, удачный пуск. Выходит, семьдесят пять процентов благополучного исхода.

— И все равно наш ЭСПэ не станет человека запускать, пока не пройдут хотя бы два успешных полета.

— Это точно, Королев мужик четкий. Значит, будем стараться: два безаварийных пуска ему обеспечим.

1961 год. Полигон Тюратам (космодром Байконур). Владик

После Нового года Владик принял решение: дни больше не считать, с полигона в Москву не рваться. Постараться представить, что Тюратам теперь в его жизни — навсегда. Когда начинаешь мыслить по-

добным образом, становится легче. И впрямь, дни понеслись за днями, складываясь в недели и месяцы.

В феврале с Тюратама попытались запустить две ракеты к Венере. Владик тоже готовил в МИКе эти межпланетные станции. Первый аппарат вышел на околоземную орбиту, но очень низкую. Сделал пару витков и рухнул на Землю — как ни удивительно, на территорию СССР.

Следующая станция к Венере улетит. Связь с ней потеряют на седьмые сутки, но она пронесется на расстоянии ста тысяч километров от Венеры, что произойдет впервые в мире. Запуск посчитают успешным, о нем прогремит ТАСС, и Радий с Владиком выпьют вечером коньячка за «утреннюю звезду».

Наконец в марте, девятого, полетит беспилотный корабль, с собакой Чернушкой. И это будет первый полностью успешный одновитковый беспилотный полет. А двадцать второго марта отправят на орбиту следующий спутник, с манекеном и собакой Звездочкой, и он опять-таки приземлится благополучно.

Все понимали: приближался самый важный и ответственный запуск — после которого, как надеялся Владик, его отправят в столицу.

За прошедшие более чем полвека столько всего написано о первом полете человека в космос, что Владик в итоге стало трудно отделять собственные впечатления от вычитанного. Тем не менее, он хорошо помнил свое ощущение, когда Гагарин и Титов примеряли скафандры, а потом сажались в них в корабль. Это было девятого или десятого апреля в МИКе. Королев тогда стоял рядом с космонавтами, и Владика поразило, как он смотрел на пилотов: то был по-настоящему отцовский взгляд, в котором смешивалась гордость, обеспокоенность и тревога.

Тревожиться было отчего: посадить своего любимого сына на макушку ракеты, наполненной тысячами тонн горючей смеси, и поджечь ее! Наверняка Королев понимал: если что-то пойдет не так, и ракета взорвется на стартовом столе или в первые сорок секунд полета — шансов на спасение практически нет. Никакой системы аварийного спасения тогда не существовало. В катастрофической ситуации с Земли должны были отдать команду катапультировать космонавта. Однако если бы катастрофа случилась до старта (как с ракетой Р-16) или в первые двадцать секунд полета, его парашют даже не успел бы раскрыться, к тому же пилот упал бы в котлован, над которым натянули металлические сети, и специальная команда должна была броситься туда и вытащить человека. Все это давало лишь мизерные шансы на спасение.

Иноземцеву удалось оказаться двенадцатого апреля в бункере. На старте ему, строго говоря, делать было нечего. Его работа над кораблем Гагарина началась в МИКе двадцать седьмого марта, когда изделие прибыло с завода, и закончилась одиннадцатого апреля утром, когда ракету вывезли на старт. Но разве можно было пропустить такой исторический

момент! Бункер располагался рядом со стартовым столом, на глубине пятиэтажного дома, залитый сверху слоем армированного бетона. Здесь двенадцатого апреля ожидался аншлаг. Правда, местечко у Иноземцева оказалось далеко не в партере. Главная комната была пультовой, где двенадцатого находились Воскресенский, Кириллов, космонавт Попович, генерал Каманин и сам Королев. При этом Королев ракеты на позиции и самого старта не видел — только слышал, через бетонные стены и потолок, гул запуска и держал по радио связь с Гагариным. В пультовой имелись два перископа, в которые наблюдали Воскресенский и Кириллов. Вторая комната бункера называлась гостевой, и там помещались другие наиболее важные персоны: все главные конструкторы, новый главком ракетных войск, председатель госкомиссии. Был и третий перископ, но его изначально узурпировал академик Глушко. Третье помещение в бункере называлось телеметрической, туда стекалась вся информация о полете. Вот в телеметрическую и удалось Владике попасть.

Этот день был, конечно, днем Королева, поэтому Иноземцев решил для себя, что должен наблюдать двенадцатого, насколько получится, именно за Сергеем Павловичем. Ему удалось услышать, как Королев говорит своему заместителю и самому близкому другу Мишину: «Ты знаешь, Василий Палыч, я даже таблетку транквилизатора принял». И еще довелось видеть из дверей, как главный конструктор, вцепившись одной рукой в подлокотник, а другой в микрофон, пытается вести спокойный предстартовый диалог с Гагариным. Никакого телевидения, кинохроники и ни единого журналиста в бункере не было. То, что впоследствии станут показывать в документальных фильмах — всего лишь реконструкция событий. Королева снимали для хроники в тех же интерьерах, и реплики он подавал те же — но вот состояние духа и напряжение были совсем не те. А Владик тогда видел, как сжаты челюсти ЭСПэ, как цепляется его левая рука в подлокотник кресла, а правая впивается в микрофон. И как светлеет и, одновременно, тяжелеет его лицо с каждой новой секундой полета, отсчитываемой по громкой связи: десять секунд... пятнадцать, двадцать... Семьдесят секунд... Сто... Иноземцев отметил, что за первые три минуты полета Королев шесть раз спрашивал у Гагарина, в разных выражениях, как тот себя чувствует. Еще бы ему не волноваться! Да, слетали собачки. Да, вернулись живыми и вроде бы невредимыми. Но они никому не могли рассказать, как им там пришлось. Может, непреодолимо страшно и тяжело? Может, невыносимо? Но всякий раз Гагарин отвечал: самочувствие отличное, полет нормальный.

А через двенадцать минут после старта корабль отделился от третьей ступени и вышел на орбиту. Королев бросил микрофон и поднялся. Все вокруг — и в пультовой, и в гостевой, и в коридоре — зашумели, стали хлопать друг друга по плечам, громко и радостно смеяться. Кто-то под-

скочил к ЭСПэ: «Разрешите «ура» — тихонечко, вполголоса». Ох, какое лицо тогда стало у главного! «Какое тебе еще «ура»!», — цыкнул он и, пройдя в комнату телеметристов, бросил баллистикам:

— Посчитайте мне быстренько параметры орбиты.

Владуку первому удалось расслышать задание главного, и он схватил логарифмическую линейку. Задача была легкая, на уровне третьего курса. Время работы двигателей. Скорость изделия. Подставляем. И еще раз, перепроверим, что-то получается слишком много... Он подошел к Королеву:

— Сергей Павлович, двигатели работали дольше запланированного, в итоге скорость изделия к моменту их выключения превысила расчетную на двадцать пять метров в секунду...

— Результат?! — не слушая его, прорычал Королев.

— Перигей орбиты будет с превышением расчетного более чем на семьдесят километров. Вместо двухсот тридцати пяти километров — более трехсот двадцати.

Лицо главного конструктора посерело.

— Прикинуть, через какое время корабль приземлится за счет естественного торможения в атмосфере? — спросил Иноземцев. Это был его конек. Его тема.

Их диалог слышали. В толпе главных конструкторов и их замов кто-то присвистнул. Послышались реплики:

— Получится суток пятьдесят полета, не меньше.

— Никакого естественного торможения не получится.

— Если тормозная установка не сработает, это значит, что...

— Будет у нас пленник орбиты.

Тут главный конструктор жестко оборвал все разговоры:

— Тормозная установка СРАБОТАЕТ! — и, обратившись к ее главному конструктору Исаеву, почти ласково спросил: — Вы согласны, Алексей Михайлович?

— Конечно, Сергей Павлович, — откликнулся Исаев.

А Гагарин в то время ни о чем подобном не ведал. Никто его ни о каких нерасчетных режимах, разумеется, не информировал. И Гагарин — летел!

У него имелось еще два верных шанса погибнуть за те почти два часа на орбите. Но об этом Королев узнает только на следующий день и в личном разговоре с Гагариным посоветует ему в своих официальных (но совершенно секретных!) докладах о происшествиях сообщить, однако в общении с товарищами-космонавтами на них не напирать: чтобы не пугать следующих. Не говоря, конечно, об общении с публикой и журналистами, для которых полет проходил в полном соответствии с заданной программой.

Первая проблема с «Востоком-1» заключалась в том, что спускаемый аппарат не отделился от приборного отсека, и в течение десяти минут ко-

рабль кувыркался перед входом в атмосферу со скоростью оборотов пять в минуту. Если бы разделения не произошло, никто не знает, чем бы все закончилось, и смог бы космонавт катапультироваться из корабля перед посадкой. Однако, в итоге, сработал запасной вариант разделения: текстильные ленты, соединявшие спускаемый аппарат и приборный отсек, просто сгорели, когда корабль вошел в плотные слои атмосферы.

Вторая проблема заключалась в том, что, когда Гагарина катапульта выбросила из спускаемого аппарата, он не мог сразу открыть дыхательный клапан в скафандре и отворил его только минут через пять. Вдобавок, запасной парашют оторвался одновременно с основным, управлять ими обоими космонавт никак не мог и приземлялся спиной вперед. Только на высоте метров тридцать его каким-то чудом развернуло к Земле лицом.

Но все это было мелочами по сравнению с взрывом ракеты на старте (как произошло с собаками Лисичкой и Чайкой) или посадкой по баллистической траектории посреди Эвенкии, как случилось с Кометой и Шуткой.

Да! Гагарин оказался на земле и был жив! Они с Королевым оказались удачниками. Может быть, самыми большими удачниками в России в двадцатом веке.

Когда пришло сообщение, что космонавт приземлился, Королев немедленно рванул в своей личной машине на тюратамский аэродром. Его примеру последовали все прочие начальники. Руководители рангом поменьше пытались сесть им на «хвост», чтобы оказаться в самолетах, которые разлетались с Байконура: кто-то в Куйбышев, встречать космонавта, кто-то в Москву.

Попытался присоседиться к ним и Владик. «А ты куда собрался?» — увидел его Феофанов. — «Как куда? Вместе со всеми, в Москву». — «В Москву?! Нет, брат, в списках тебя нет. Да ты нам здесь, на полигоне, нужен. Думаешь, это последний старт?»

Вернуться в столицу не удалось даже после столь впечатляющего триумфа. Одна радость: хозяйственники выписывали в тот день спирт «для протирки оптических осей» безо всяких ограничений. И Иноземцев с Рыжовым и другими обитателями второй площадки, молоденькими лейтенантами и старлеями, хорошенько отметили великую победу в космосе, к которой они были причастны.

Наши дни.

Болгария, область Бургос, город А. Владислав Дмитриевич Иноземцев

Владиславу Дмитриевичу нравилось отдыхать в Болгарии. Русскому пенсионеру вообще-то выбирать не приходилось. Как там говорят англичане? The poor do not choose — «бедняки не выбирают». А он,

хоть и доктор технических наук, профессор, но, чай, не англичан и не немец. Проживать все лето на Средиземном море, как тамошние стариканы, не мог себе позволить. А тут появилась замечательная оказия: его бывший аспирант занялся бизнесом и, немного разбогатев, приобрел квартиру для летнего отдыха на побережье.

К октябрю побережье пустело. Квартирка — тоже, и приятель давал ключи от нее Иноземцеву. Жилье, таким образом, обходилось бесплатно. Чартер до Бургаса в не сезон тоже стоил дешево. Да и жизнь в Болгарии недорогая. Владислав Дмитриевич даже мог себе позволить (не каждый день, разумеется, но все-таки) то, что давно ему было не по карману в российской столице — посидеть в ресторане за бокалом вина или чашкой кофе.

Пустынные пляжи, ветер с моря, сложенные зонтики... Курортники в октябре не приезжали, и русского профессора, отдыхавшего третью осень подряд, стали узнавать местные. При встрече раскланивались, обменивались несколькими словами. Русский язык с болгарским схожи, это он понял еще во времена Марии. Одним словом, на разговор о погоде хватало.

Москву Владислав Дмитриевич в последнее время не любил. Слишком много машин, людей, домов, блеска. Первопрестольная теперь была совсем непохожа на тот просторный, зеленый, милый город, в который он приехал в пятьдесят третьем и который любил, поэтому даже из дома выходил очень редко. Те, кто нуждался в его консультациях — а нуждались многие: дипломники, диссертанты, сотрудники ракетных корпораций, — сами приезжали к нему на квартиру. А что, он старый ученый, чудачества ему положены по статусу. Лекций он уже лет пять как не читал, семинаров не вел. С тех пор, как в девяносто пятом скончалась вторая жена, слабый пол к себе не подпускал — невзирая на все посягательства друзей устроить ему спокойную старость. Квартиру на Ленинском проспекте, полученную в результате головоломного обмена из двух квартир — его и бывшей жены, — содержал в порядке самостоятельно, по своей системе. Каждый день прибирался и вытирал пыль в одном помещении: понедельник — кабинет, вторник — коридор, среда — ванная и так далее. По воскресеньям, как в далекой юности, когда жил в одиночестве в съемном домике в Болшево, готовил обед на неделю. Вкусы его остались простецкими: щи, жареная картошка, сосиски.

Он полюбил Интернет. Путешествовал в нем по странам и картинным галереям, где побывать не довелось — и, верно, теперь уж не доведется. Пристрастился к мемуарам. Прочитывал все, что появлялось по истории космонавтики — даже расплодившиеся в последнее время во множестве компилятивные и явно некомпетентные сочинения. Несколько раз брался за собственные мемуары, да слова не слушались, на бумаге выходило бледно, скучно, вяло, совсем не так ярко и живо, как было на самом деле. Приходилось с досадой бросать...

В тот осенний день в болгарском городке, когда с моря ветер гнал клоки туч, время от времени срывающиеся дождем, Иноземцев забрел в ту часть городка, в которой до сих пор ни разу не был. Улочка была пустынная. У тротуара притулилась пара стареньких машин. За крохотными палисадниками возвышались узкие двух- или трехэтажные особнячки. На калитках, на стволах деревьев или на столбах были развешаны листы бумаги, затянутые для долговечности в полиэтилен. Каждая прокламация начиналась словом ВЪЗПОМЕНАНИЕ. Владислав Дмитриевич не терпел эту болгарскую моду. Каждая семья считала своим долгом известить на весь мир, что она не позабыла своих родственников, ушедших в мир иной. непонятно, почему нельзя скорбеть про себя? Зачем извещать об этом всем подряд? Нет ли в этом проявления кликушества и ханжества? Да и кому нужно, чтобы на каждом шагу тебе напоминали о грядущей смерти — которая, к чему лукавить, совсем не за горами?

И вдруг на одной из калиток Иноземцеву бросился в глаза листок с крупным заголовком: ВЪЗПОМЕНАНИЕ, а ниже: МАРИЯ ИВАНОВА СТОИЧКОВА. Сердце гулко забилося в груди. Он сказал себе: чепуха, совпадение, Стоичкова очень распространенная здесь фамилия, и имя Мария не редкость... Но память, тем не менее, совершила гигантский скачок, на полвека назад, в шестьдесят первый год.

1961 год. Москва. Владик

На Байконуре он тогда застрял. Прошла весна, минуло засушливое лето. Отправили в полет второго космонавта, Титова. Съездил в очередной отпуск, на родину в Горьковскую область, Рыжов. А Иноземцева все не отзывали. Он стал обращаться к гостям из Подлипок, имевшим хоть какой-нибудь вес. Написал два письма, с оказией, самому Королеву. Все безрезультатно. И только в декабре, больше, чем через год, его, наконец, вызвали в Москву.

Хозяйка домика в Болшево пустила в его отсутствие других постояльцев. Свои пожитки Галина вывезла. Вещи Владика, уместившиеся в один чемодан, сиротливо дожидались на веранде.

Он написал заявление на отпуск и взял билет в Энск, к маме. До поезда оставалось еще три дня. Ночевал в Подлипках, в общежитии для молодых специалистов. После второй площадки полигона ему любые бытовые неудобства стали нипочем.

Иноземцев повидался и с Галей — она работала все там же, в переводческом отделе ОКБ, и жила по-прежнему с Провоторовым. Выглядела

прекрасно и промурлыкала: «Скоро я надеюсь тебя удивить». Он грубовато переспросил: «Ты беременна, что ли?» Галя расхохоталась: «Нет, совсем из другой оперы!»

Она разрешила повидаться с сыном, и Владик как-то выбрался к ним домой. Вот с кем произошла разительная перемена! Мальчик уже вовсе бегал, не слушался няню, болтал на своем детском языке. Он сходу стал называть Иноземцева папой — не иначе, Галка продолжала воспитательную работу. С Юрочкой стало интересно играть, читать и заниматься, и Владик, с сожалением оторвавшись от него, решил для себя, что, как бы ни складывалась судьба и их отношения с бывшей женой, с мальчиком он должен видаться часто.

Из квартиры Провоторова он отправился в общежитие к Марии. Но в Лефортове его ждало жестокое разочарование. В комнате болгарки жили совсем другие девушки, и про нее они ничего не слышали. Не знали о Стоичковой ни на вахте, ни комендант общежития.

Иноземцев отправился в деканат. Замдекана сказал равнодушно: «Да, была такая. Ее отчислили, по собственной просьбе, по состоянию здоровья». — «И где она теперь?» — «Уехала на родину».

Владик бросился разыскивать Вилену — хоть какая-то ниточка. В КБ ему сказали, что Кудимов уволился. Иноземцев позвонил ему на Кутузовский, и, как ни странно, Вилен оказался дома. Обрадовался ему: «О, Владислав Дмитриевич! Вернулся? Сколько лет, сколько зим! Приезжай, я как раз сегодня выходной, сижу дома».

Кудимов рассказал ему, что пришлось перейти работать в «ящик», где он служил прежде: «Представляешь, они сами меня нашли, предложили должность с повышением. Конечно, я согласился». Однако о Марии даже он тоже ничего не смог рассказать, помимо того, что Владик уже знал: девушка отчислилась по собственному желанию и уехала на родину. «Мы встречались с ней несколько раз. Особенно Лерка с ней подружилась. Нет, адреса своего она не оставила. Может, когда-нибудь напишет? Наш-то адрес она знает, мы ей дали».

Однако болгарка больше не написала — ни Вилену с Лерой, ни Владиду, и на горизонте не появлялась.

...И вот теперь, пятьдесят с лишним лет спустя, Иноземцев стоял перед извещением о ее смерти — на неприметной улочке тихого болгарского городка. Или то была не она? На листке имелась фотография — неважного качества, мутная, слегка подмоченная дождями. На ней была изображена женщина лет семидесяти — улыбающаяся, сухощавая. Владик вгляделся в снимок: кажется, что-то общее есть. Глаза, складка рта, изгиб бровей. Может, и впрямь она? Как узнаешь человека спустя полвека на

выцветшем фото! Иноземцев пробежал глазами текст «Възпоменания» — после нескольких лет, проведенных на здешнем курорте, читать по-болгарски несложные тексты он, худо-бедно, научился. Тем более, на листке значились стандартные фразы: «Дорогая тетя... ушла... любим, скорбим, никогда не забудем». Правда, имелась и еще одна зацепка, от которой сердце застучало чаще: в листке поминали двухлетнюю годовщину смерти, а женщина умерла в восемьдесят лет. Значит, сейчас ей было бы восемьдесят два, Мария никогда не кокетничала своим возрастом и не скрывала, что она на пару лет старше его.

Застывший у калитки мужчина привлек внимание хозяйки, женщины лет шестидесяти, полноватой, с нитями седины в иссиня-черных волосах, и некрасивой. Она прошла несколько шагов по палисаднику и обратилась к нему: «Имате нужда от нещо?» Он спросил по-русски, стараясь говорить простыми фразами и отчетливо выговаривать слова: «Эта женщина, Мария Иванова Стоичкова... Я, кажется, знал ее. Кто она вам?»

— Сте руски? — перепросила хозяйка.

— Да.

— От кой град?

— Москва.

— Да, — кивнула женщина, — леля ми разказваше, че учи в Москва.

Он понял без труда: «Тетя говорила мне, что училась в Москве», и воскликнул:

— Да! Когда была молодая! В аспирантуре, в Энергетическом институте!

Хозяйка кивнула: «Так, так», — а потом поманила его рукой: «Влезте!»

Он прошел в дом. В гостиной на первом этаже, совмещенной с кухней, она усадила его за полированный стол. Потом выключила какое-то жарово на плите, полезла в секретер, порылась среди полиэтиленовых пакетов, набитых фотографиями, и достала один, едва ли не самый тоненький. Вытащила из него три фото, разного размера и цвета.

Первое изображение оказалось копией того, что было напечатано на «Възпоменании», только лучшего качества: немолодая, худощавая и улыбающаяся дама. Теперь показалось, что это и впрямь Мария, его Мария, только, разумеется, сильно постаревшая. Следующее фото — маленькое, полароидное — изображало ее же, в обнимку с хозяйкой. Стоичкова была примерно на четверть века моложе, чем на предыдущей карточке. Тут черты его Марии проступали еще отчетливее. А последнее фото было черно-белым, с трещинами и оторванным уголком, но на нем точно была она, такая, как он ее знал когда-то — молодая, красивая, хохочущая... «Да, это она», — прошептал Иноземцев.

Потом он долго расспрашивал хозяйку и смог, в общих чертах, восстановить дальнейшую судьбу Марии Стоичковой.

Она проучилась в Москве в аспирантуре один год, потом вдруг вернулась в Болгарию, хотя планировала оставаться в Москве три года. Довольно скоро уехала во Францию. А потом от нее долгое время не было никаких вестей. Снова появилась она в родной стране в середине восьмидесятых, когда в Советском Союзе началась перестройка, и режим Живкова клонился к закату. Рассказывала о себе: живет в Америке, в небольшом городке на Восточном побережье, у нее свой бизнес. Замужем, но детей нет и никогда не было. Много путешествует по свету, подолгу жила и работала в Чили, Японии, Китае, Индонезии. С тех пор связь с ней, хоть и тоненькая, не прерывалась. Мария писала в А. своей племяннице, передавала подарочки-передачки, и несколько раз, когда бывала на родине, заезжала в гости. А два года назад позвонил из США ее муж (он американец) и сказал, что Мария, к сожалению, умерла.

Иноземцев почувствовал, что устал, поднялся из-за стола, поблагодарил хозяйку и распрощался. Он вышел из незнакомого дома и побрел по улице в сторону моря. С одной стороны, сейчас, на склоне лет, какое это имеет значение — любил он Марию или нет? Но, с другой стороны, — если не любовь, что тогда в жизни вообще имеет значение?

Наши дни.

Подмосковье. Виктория Веселова

Поскольку Радий Егорович Рыжов, семидесятидевятилетний подполковник в отставке и бард, вдруг, обознавшись, посчитал меня моей собственной бабушкой, я решила отбросить маскировку.

— Нет, конечно, я совсем не Жанна Веселова, но я — ее родная внучка. И вас я побеспокоила именно по поводу Жанны. Я хочу узнать, кто и почему убил ее тогда, в октябре пятьдесят девятого, в квартире генерала Старостина на Кутузовском проспекте.

Отставник пригласил меня на веранду, за стол, покрытый выцветшей клеенкой. Налил мне чаю в громадный щербатый бокал с эмблемой сорокалетия Победы и цифрами 1945–1985.

— Вы — внучка Жанки? Как это может быть? Ведь Жанна умерла, когда ей было двадцать четыре года! И у нее не было никаких детей!

— Она никому ничего не рассказывала, но у нее тогда уже росла дочка, по имени Валя, или Валентина Веселова, моя мама. Бабушка родила ее еще в пятьдесят четвертом году и оставила на попечении своей матери в городе М., а сама уехала учиться в Москву.

— Потрясающе! — протянул Радий Егорович. — У меня голова кругом идет. Жанка мне никогда ничего не говорила!

— А она не только вам — никому никогда про нее не говорила. Надеюсь удачно выйти замуж, а уж потом предъявить избраннику готовую дочку.

Мне пришлось пересказать своему престарелому собеседнику во всех подробностях жизнь моей мамы, а затем — и мою собственную. Я знала хорошее правило: откровенность за откровенность, и надеялась, что мое прямотушие заставит его, в свою очередь, искренне поведать о том, что и почему случилось тогда, октябрьской ночью пятьдесят девятого, в квартире у Старостиных.

Мой рассказ, в котором были и Шербинский, и карьера матери в Москве, и ее попытки добиться правды в деле об убийстве Жанны Веселовой, продлился несколько часов. Радий Егорович всецело погрузился в мое повествование, и на его открытом, морщинистом лице проходили все оттенки сопереживания, а пару раз на глазах проступали слезы. Закончив говорить, я добавила:

— Откровенность за откровенность. Расскажите мне, кто убил Жанну Веселову?

— Лерка. Валерия Федоровна Кудимова, — просто ответил он.

— Как?

— Саданула остро отточенным кинжалом. Попала прямо в сердце. Наверное, не хотела убивать, но так получилось.

— Почему? За что?

— Все просто: Лера Кудимова была замужем за Виленом, а тот в ту пору имел связь с Жанкой. И Лера об этом знала. И вот, Жанка — то есть, прости, твоя бабушка — мало того, что довольно нахально явилась тогда на день рождения к Валерии Федоровне, так еще и подначивать ее взялась, посмеиваться над ней. У той все внутри разыграло, и она вызвала Жанну в другую комнату для разговора. Ну, началась ругань, слово за слово — а потом в порыве ярости Кудимова ее убила.

— А почему ее не наказали?

— Ты знаешь ответ. Тоже все просто. Отец Лерки, Федор Кузьмич Старостин, был большой шишкой. Он ее и отмазал. А для этого предварительно поговорил с каждым из нас. В тот самый вечер. Он примчался в квартиру с дачи. И побеседовал со мной, потом с Владькой Иноземцевым, с его Галкой, с Флоринским Юрием Васильевичем. Всех запугал и убедил дать нужные показания. — Радий Егорович вдруг прервался и спросил: — Выпить хочешь? У меня есть настоящая грузинская чача.

— Нет, — покачала я головой.

— А я выпью. — Он достал из пузатого холодильника «Зил» бутылку из-под коньяка, налил себе рюмочку и выпил, не закусывая. А потом вдруг глубоко вздохнул, скорее, даже застонал, и воскликнул: — Зачем, зачем

мы тогда согласились врать? Грех на душу взяли? Испугались! Подумать только, мы испугались этого упряя, Старостина! А чем он нам грозил? Подумаешь! Да и чем он нам мог грозить?! Какими-то нашими мелкими грешками! Ошибками молодости! А мы все: и Владька, и Галка, и Юрий Васильевич, и я... И, уж, конечно, Вилен... Все, все, взяли грех на душу! Послушались генерала, отмазали его доченьку!.. Хотя, если б сказали правду, ничего бы он нам не сделал. Ну, получили бы по выговору по комсомольской линии. Может, Владика с работы уволили бы. А меня дальше Байконура никуда бы все равно не услали. Куда дальше-то!.. Да и Лерке — если б даже мы тогда ее не выгородили — что бы ей грозило? Ведь ей наверняка родители нашли бы хорошего адвоката, и к прокурору с судьей отыскали бы подходы. Ну, дали бы ей за убийство по неосторожности или в состоянии аффекта лет пять, от силы восемь общего режима. Года через три-четыре выпустили бы по «условно-досрочному». И — преступление смыто, можно спокойно смотреть людям в глаза. И у нас совесть была бы чиста...

Он налил себе еще чачи и, лихо опрокинув рюмку, продолжил:

— Я перед святыми отцами, конечно, за тот давний свой грех исповедовался... Хоть и партийным был тридцать лет, а потом пришел-таки к вере... Так вот, отец Иоанн мне, конечно, грех мой отпустил, и сказал, что Бог всемилостив и все простит... Но... сам я себя простить не могу! — выкрикнул вдруг отставник и постучал кулаком себя по груди.

— А я, — спокойно проговорила я, — эту вашу Леру не прощаю. Я догадывалась, что это она сделала. Она! И, как говорится, мне отмщение, и аз воздам.

— Не ты, — вдруг строго поправил меня Радий Егорович. — Не ты должна воздавать. В этом — смысл евангельского изречения, мне отец Иоанн растолковывал. Не ты, Бог всем воздаст. А ты даже не думай.

— Скажите, — вдруг спросила я, — вы мою бабушку любили?

— Да, любил, — признался Рыжов. — Она хорошая была. Классная, огневая. Ее невозможно было не любить. — Глаза его опять набухли слезами, но он смахнул их и проговорил с напускной веселостью: — Посему, дорогая Вика Веселова, я запросто мог быть твоим дедушкой.

— Я бы не отказалась. Вы классный дедуля, — улыбнулась я.

Пока мы с Рыжовым взаимно исповедовались, за окнами стемнело. Он вдруг спросил:

— А хочешь, я тебе спою?

— Хочу. Спойте про осень.

— О, да ты знаешь мои песни! — обрадовался Рыжов.

Он принес откуда-то гитару и начал петь. И про осень, и другие песни, очень неплохие...

Я осталась у него до утра, но спала плохо — на чужих перинах, попахивавших плесенью. Наутро отставник напоил меня кофе, и я вызвала по телефону такси. Расстались мы друзьями, он долго жал мне руку и даже погладил по щеке.

Прямо от престарелого барда я поехала на кладбище, где был похоронен Старостин — благо оказалось оно недалеко, на полпути к Москве.

На Богословском кладбище пришлось долго искать нужное место, в один момент я даже подумала, что старик Пайчадзе, давший мне номер могилы, ошибся с участком. Пришлось от отчаяния обратиться к могильщикам. Они тоже долго искали, пока, вооружившись планом, не привели меня к искомому погосту.

Могила генерала и парторга Старостина густо заросла травой. Похоже, ее никто не посещал лет десять, а, может, со дня похорон, на участке даже стихийное дерево выросло. Памятник покосился. Фотографию размыло до неузнаваемости. В истертой надписи на камне осталась добрая половина букв. Она гласила:

С-----Т-Н

— -Д-Р ---ЬМ-Ч

Даты рождения и смерти оказались вовсе неразборчивы.

— Что, девушка? — спросил бодрый могильщик. — Расчистим могилку дедули? Облагородим? Поправим, обновим?

— Нет, ничего делать не надо.

— Для вас, такой красавицы, очень хорошую скидку сделаем.

— Говорю вам, делать ничего не надо. И я вас больше не задерживаю. — Я протянула им банкноту, и могильщики испарились. Дорогу к выходу я могла найти сама.

У Бориса Виана есть роман «Я приду плюнуть на ваши могилы». Я его не прочла, но название мне нравилось. Я долго мечтала плюнуть на могилу Старостина, но теперь поняла, что нет, не могу. Да и не нужно это. Как там трактовал вчера на веранде Евангелие старичок Радий Рыжов? Отмщение — это дело Бога? И Он воздаст?

Вот Он Федору Кузьмичу и воздал. В виде полного забвения от родимой дочки. За все его труды.

Сразу с кладбища я отправилась в дом Леры на Кутузовский.

Я понятия не имела, что стану делать, но мне хотелось поскорее покончить со всем и вернуться в милый патриархальный М.

Дом, где проживали Кудимовы-Старостины, находился неподалеку от метро «Кутузовская». Некогда он, как и все здания на проспекте, олицетворял силу советской империи. Теперь же строение изрядно поблекло и потускнело — особенно в соседстве с небоскребами Москва-сити поблизости.

Въезд во двор перекрывал аккуратный шлагбаум — парковка только для своих. Автомобили во дворе — сплошь «мерседесы», «лексусы» да «ауди». Подъезды, разумеется, перекрыты стальными дверями с домофонами.

Я нашла тот, где жила Валерия Федоровна Кудимова. Подумать только, сейчас ей почти восемьдесят. Да помнит ли она, что сотворила здесь пятьдесят пять лет назад? Или впала в маразм, как ее отец генерал-парторг Старостин?

Во дворе была разбита детская площадка, и я устроилась на лавочке таким образом, чтобы видеть вход в подъезд. В песочнице сосредоточенно копошился единственный малыш, его «пасла» пожилая дама с книжкой, наверное, бабушка.

Я достала мобильник и набрала домашний номер Кудимовой, что дал мне вчера Пайчадзе. Немолодой женский голос проговорил: «Алло?» И тут у меня так бешено забилося сердце, что я мгновенно сбросила звонок.

Итак, Валерия Федоровна была дома. Но что мне сейчас делать, я никак не могла придумать. Как подойти к старой даме? Что сказать? Или совершить? И я решила потерпеть и подождать. Правильно говорят, когда не знаешь, что делать, не делай ничего. Я открыла планшет и принялась читать книгу, не теряя из виду вход в подъезд, из которого время от времени выходили люди, но никто из них не походил на даму восьмидесяти лет. Часа через два я уже было собралась оставить свой пост и пойти пообедать, как вдруг из подъезда вышла она — высоченная, с прямой спиной, слегка оплывшая, степенная, в длинной юбке и шляпке — и, не спеша, отправилась в сторону проспекта.

Я, не раздумывая, последовала за ней. Кудимова меня удивила. Она прошла по проспекту, спустилась в подземный переход и, в завершение своего пятнадцатиминутного маршрута, завернула в кафе, где уселась за удачный столик у окна. Я тоже вошла в помещение и села так, чтобы не терять ее из вида, но и не бросаться в глаза.

Вела себя Валерия Федоровна с видом завсегдатая. Даже не глядя в меню, подозвала официанта и сделала заказ. Я тоже попросила принести мне блинчики и капучино. И тут пожилая дама удивила меня вторично. Через пару минут к ней за столик под села молодая девушка, по виду — явная иностранка. Они довольно тепло встретились, пожали друг другу руки и зачирикали — причем, на английском. По словам и акценту, долетавшим до меня, я поняла, что девушка — коренная американка, скорее всего, с Атлантического побережья. Болтали они о погоде, занятиях йогой, летнем отдыхе — довольно светский диалог. А я стала соображать, что теперь мне надо сделать. Может, выплеснуть, на глазах у ресторана, чашку кофе в лицо? Глупо и совершенно бесполезно. А что еще я могла?

Моя фантазия не работала дальше, чем подойти, представиться и спросить: а не стыдно ли ей за свой поступок?

И — что дальше? Она расплатится? Посыплет голову пеплом и уйдет в монастырь? Нет, скорее, скажет: а не пошла бы ты, гражданка. Сейчас в России мало кому за что-либо бывает стыдно, а уж за преступления, совершенные пятьдесят пять лет назад, — тем более.

Так ничего и не придумав, я принялась ковыряться в блинчике. Вроде бы и есть хотелось, и время обеда давно подошло, но кусок в горло не лез. Вот он, убийца, за своим столиком, благополучно уминает кусок торта, и ничто ее не беспокоит.

Агент Сапфир

Слежку за собой я заметила сразу. За мной следили несколько раз в жизни — и свои, и чужие. Особенно перед контактом или передачей. Обычно наблюдали виртуозно, профессионально, большими, организованными и хорошо подготовленными бригадами, с машинами, рациями, и я далеко не сразу замечала, что меня «ведут».

С тех пор как Мария Стоичкова завербовала меня в марте шестьдесят первого, слежка, или, по крайней мере, возможность попасть под нее, стала для меня обыденностью. Так меня и мой муж Вилен инструктировал, когда рассказывал обо всех сложностях, которые предстоит переносить двойному агенту: «Отныне вся твоя жизнь будет, как под стеклянным колпаком. И наши будут следить, и «цэрэушники». Эти его слова я запомнила навсегда. Одного он только не сказал — что эта жизнь «под колпаком», жизнь американского «крота» и советско-российской контрразведчицы, продлится столь долго. Шутка ли! С марта шестьдесят первого прошло больше полувека, а я до сих пор числюсь действующим агентом. И до сих пор должна быть настороже, чтобы не вызвать подозрений у главного противника.

На сей раз слежка выглядела крайне топорно и бестолково. Единственная девушка тащила за мной от самого моего подъезда. Я могла бы оторваться от нее в любой момент — но зачем? Контакт с Лорой у меня абсолютно легальный — как для той, так и для другой стороны. Никакой передачи мы с ней не планируем, а даже если дело обстояло бы так — что странного, что ученица приносит своей учительнице «флэшку». Может, там домашнее задание, или фотографии, снятые в отпуске. Кстати, чаще именно в фотографиях бывает закодирована шпионская информация. Небольшой, заранее условленный сдвиг по цветовой шкале, и вот

уже среди десяти мегабайтов визуальной информации появляется сто-двести килобайт текстового отчета или даже схем, например, нового российского бомбардировщика.

В ней, именно в ней, в информации, а не чьих-то случайных глазах, кроется для разведчика основная возможность провала. Остается только удивляться, как это я, с марта шестьдесят первого, когда меня Мария, так сказать, завербовала, до сих пор не провалилась, несмотря на всю ту «дезу», что мы с Виленом скармливали противникам из ЦРУ. Может, дело заключалось в том, что всякий раз дезинформация эта была обложена таким количеством вроде бы правдивых сведений, что американцы покупались?

Не случайно над моими ответами на те вопросники, что присылали из Лэнгли, работали обычно в авральном режиме, сутками, без сна и отдыха, десятки, а иной раз до сотни специалистов... А, может — кто их знает! — я уже давно разоблачена, как двойной агент? И сейчас американцы, в свою очередь, ведут со мной свою игру? Ведь по характеру дезинформации, которой я их подпитываю, они, косвенным образом, могут судить об истинном положении дел в нашей стране.

Да, моя служба меня не отпускала. Тяжело, конечно, что мне приходится ради этого встречаться с разными мерзкими особами типа Лоры и постоянно следить за каждым своим словом и жестом...

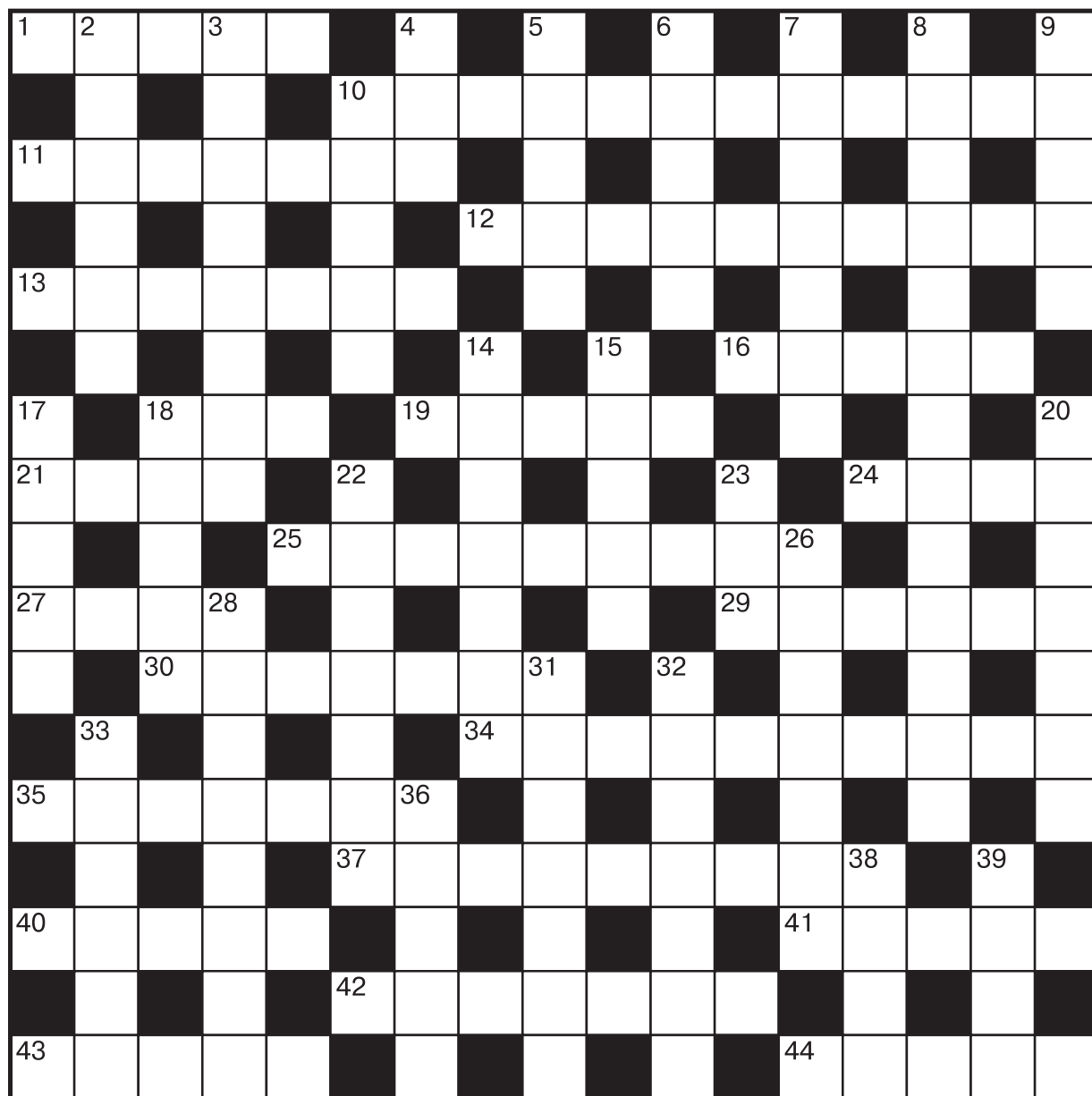
А эта юная русская девица за столиком в углу даже не скрывает своего интереса ко мне, явно прислушивается к нашему с Лорой разговору. Постараюсь срисовать ее, аккуратно сделать фото, а вечером шепнуть Вилену, чтобы он попросил куратора с ней разобраться.

Кстати, кого-то она мне напоминает, эта девчонка. Где-то я ее видела, вот только никак не могу вспомнить, где.

И только когда я допила кофе и мило позволила Лоре расплатиться, я поняла. Все вспомнила и поняла.

Она точь-в-точь походила на Жанну Веселову — девушку, которую я когда-то убила. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** «Хорошая дружба идет на ... обоим». **10.** Чемпионкой мира по шахматам она стала в 1978 году, когда ей исполнилось всего лишь семнадцать лет! **11.** Где Шарапов с Жегловым отловили Кирпича? **12.** Моллюск с перлом внутри раковины. **13.** Основа

компромисса. **16.** Кто из патриархов нашего кино попал в милицию за то, что купался голым под стенами Кремля? **18.** Музыкальный «бестселлер». **19.** «Лежак» на шпалах. **21.** Оперный эпизод. **24.** Линзы в оправе. **25.** Голливудская «блондинка в законе». **27.** «Звуковой диапа-

зон» брани. **29.** Чуть больше трех световых лет. **30.** Самый съедобный из сказочных персонажей. **34.** Что причиняют неудобства? **35.** Теоретик из генштаба. **37.** Какого пса несли во время Парада Победы по Красной площади на личном кителе Иосифа Сталина? **40.** Какая часть здания протыкает небо? **41.** Импортный лимит. **42.** Водный шлагбаум. **43.** Былинный купец. **44.** Какой предмет одежды неудобно надевать через голову?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Героиня мелодрамы «Жестокий романс» с лицом ведущей программы «Давай поженимся!» **3.** Какая рыба, усердно поедая личинки малярийного комара, помогла превратить Сочи в курорт? **4.** Погубитель гоголевского Хомя Брута. **5.** Где построили первую АЭС в Иране? **6.** «Когда вы работаете по двадцать четыре часа семь дней в неделю, обычно ... приходит к вам сама». **7.** «Самая итальянская» из пушкинских поэм. **8.** С каким морем в свое время венчался дож —

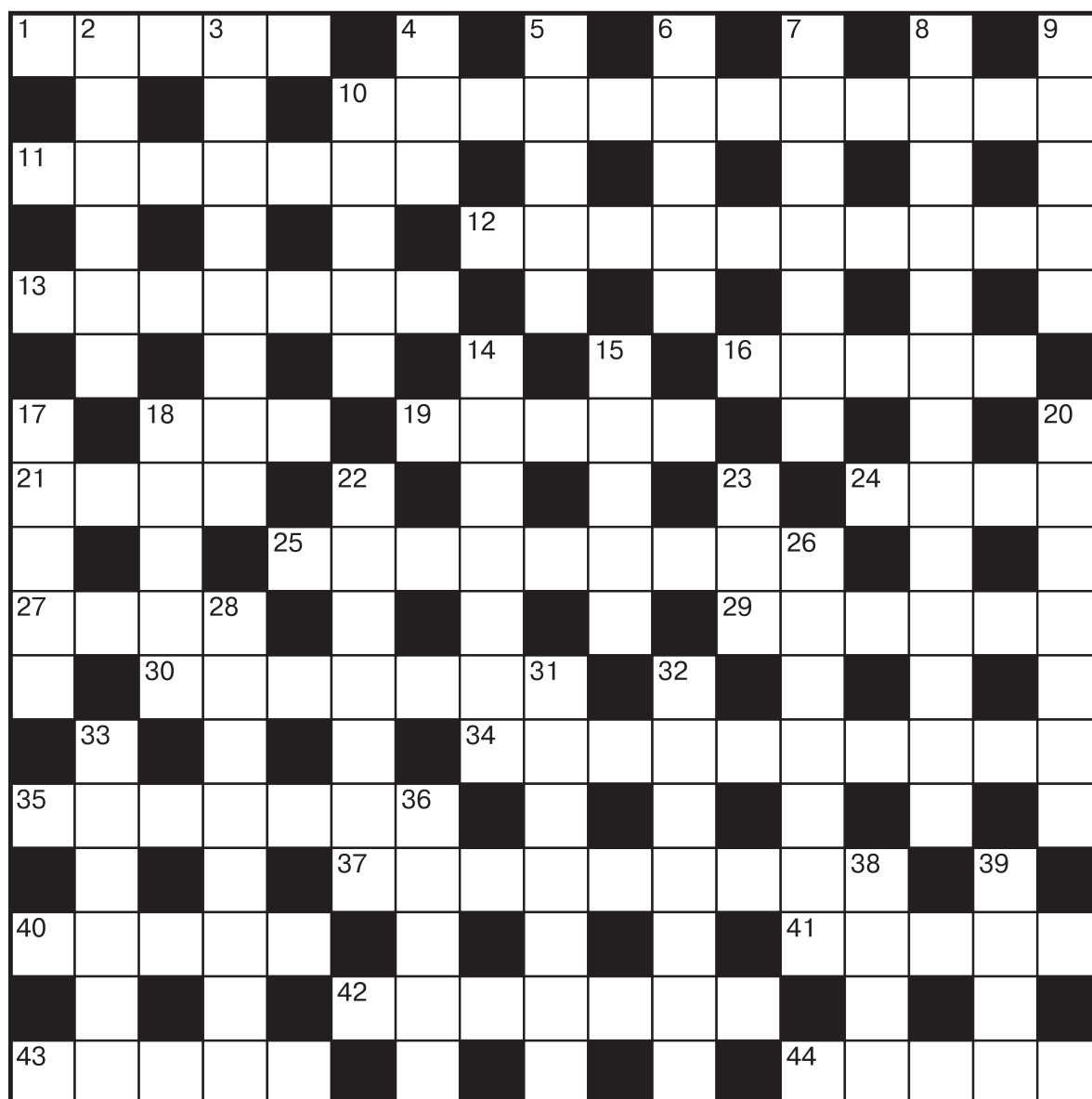
правитель Венецианской республики? **9.** Высшая французская кинопремия. **10.** Мхатовский символ. **14.** Автодорожная мудрость гласит: «... всегда прав, если остался жив». **15.** Сценарий для театра. **17.** Любимая настольная игра для футбольного кумира Андрея Аршавина. **18.** Тургеневский Базаров полагал, что «порядочный ... в двадцать раз полезнее всякого поэта». **20.** «Бу-тявка» в переводе с компьютерного сленга. **22.** Кто про фильмы «все знает»? **23.** «Если кастрюлю поставить на очень сильный огонь, ... выкипает. Так и с любовью!» **26.** От какой болезни личный врач Оноре де Бальзака прописывал французскому классику носовые платки? **28.** «Португальский ...» с жутко ядовитыми щупальцами. **31.** Без какого химического соединения офорту не бывать? **32.** Букетное искусство. **33.** «Книжная башня». **36.** Какой керамический промысел основан более шести веков назад? **38.** «Когда я появился на ..., то был так поражен, что два года ни с кем не разговаривал». **39.** Озвученная боль.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Обида. **7.** Ягода. **10.** Толмач. **12.** Басилашвили. **13.** Кандидат. **14.** Бассейн. **17.** Волгоград. **18.** Иена. **19.** Сон. **22.** Показ. **23.** Божество. **24.** Габен. **26.** Белоконская. **28.** Лаваш. **30.** Ужас. **31.** Почин. **32.** Рига. **34.** Бой. **36.** Босфор. **38.** Вырубова. **39.** Телефон. **40.** Знак. **41.** Взятка. **42.** Насадка.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Штука. **2.** Клинтон. **3.** Вашингтон. **5.** Блат. **6.** Джихад. **8.** Гавайи. **9.** Долг. **11.** Касса. **12.** Бангладеш. **14.** Бал. **15.** Неотразимость. **16.** Навоз. **17.** Вокал. **20.** Солоницын. **21.** Лесси. **22.** Пегас. **25.** Покой. **26.** Бар. **27.** Турбаза. **28.** Ланская. **29.** Барабан. **31.** Помеха. **33.** Кот. **35.** Фудзи. **37.** Река. **38.** Волк.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Смрадное болото в дантовом «Аду». **10.** Какая операция лишила бы сказочного Буратино главной изюминки в его внешности? **11.** Экзорцист в Древней Индии. **12.** Немецкое кушанье из поджаренных в масле кусочков черного хлеба. **13.** Какой великий художник при крещении получил имя из двадцати трех слов? **16.** Выюнок из горных лесов Мексики. **18.** Анг-

лийский изобретатель крутильной машины. **19.** Что собой представляет усыпанная бриллиантами работа «Ради любви к Господу» англичанина Дэмиена Херста? **21.** Кортик шотландца. **24.** Языческое надгробие. **25.** Какой из школьных предметов Николай Гоголь считал «тарабарской грамотой»? **27.** Каждый из гонцов, объявлявших о «священном перемирии» в честь Олимпий-

ских игр. **29.** Бамбуковая салфетка для приготовления японских суши. **30.** Какой немецкий археолог оставил над главным входом в великую пирамиду Гизы надпись иероглифами, прославляющую Фридриха Вильгельма IV? **34.** Рубанок, чтобы пазы делать. **35.** Митрополит в духовных наставниках Александра Пушкина. **37.** Американский спецназ. **40.** Морской моллюск, чья раковина сильно напоминает человеческое ухо. **41.** Народ, чьи воины стали основой армии наемников у ацтеков. **42.** Что Филон Александрийский противопоставлял материи? **43.** Чьи стихи подсказали Эндрю Уэбберу сюжет мюзикла «Кошки»? **44.** Какая птица способна, ныряя, развивать скорость до 140 километров?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Колхидский стиль плавания без рук. **3.** Чешский Петрушка. **4.** Кто создал первый в России кабинет для экспериментальных психологических исследований? **5.** Какой поэт окрестил «День одуряченных» таковым? **6.** Одна из двух рек, чьи воды очистили «Авгиевы

конюшни». **7.** Вишня из Вест-Индии. **8.** Зайчонок осеннего приплода. **9.** Византийский арбалет. **10.** «Водяная капуста». **14.** Какого ахалтекинца Никита Хрущев подарил королеве Елизавете II? **15.** Индийский лук со стальной тетивой. **17.** Как звали мать Сары Бернар? **18.** Самая частая «национальность» среди музыкантов, стоявших у истоков джаза. **20.** От чего скончался «самый худший президент Соединенных Штатов» Уоррен Гардинг? **22.** Основатель главной немецкой «империи спорта». **23.** В какой европейской столице расположена страна с нулевым приростом населения? **26.** Какие кактусы украшают в пустыне Сонора на Рождество за неимением елок? **28.** Обратный вексель. **31.** Музыкальный ритуал у древних греков. **32.** Кто из классиков русского классицизма женился на старшей дочери самого Александра Сумарокова? **33.** Палестинские шаровары. **36.** Грузинский цент. **38.** Единственное, что оставалось после того, как поест сказочный Карлсон. **39.** Кукурузная лепешка у осетин.

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Пожар. **7.** «Хаббл». **10.** Тэнгай. **12.** Сальпетриер. **13.** Корбатин. **14.** Фидибус. **17.** Ракофорус. **18.** Миге. **19.** Пюс. **22.** Сирос. **23.** Гелиодор. **24.** Бирич. **26.** Биссектриса. **28.** Билия. **30.** Ишан. **31.** Саксы. **32.** Дойл. **34.** Шон. **36.** Айдахо. **38.** Лигозома. **39.** «Олимпия». **40.** Гуно. **41.** Амрита. **42.** Нащокин.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Стикс. **2.** Андреас. **3.** Мазарович. **5.** Оран. **6.** Альтис. **8.** Атриум. **9.** Буер. **11.** Ремиз. **12.** Ситофобия. **14.** Фут. **15.** Синдесмология. **16.** Хейро. **17.** Рюрик. **20.** Перкуссия. **21.** Тиаре. **22.** Сирин. **25.** Усман. **26.** Бид. **27.** Химанго. **28.** Байдана. **29.** Алтабас. **31.** Соембо. **33.** Ехо. **35.** Поама. **37.** Олла. **38.** Личи.

Уважаемые читатели! С 01 марта 2015 года открыта подписка на 2-е полугодие 2015 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию, на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам; 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта досрочная подписка
на журнал «Смена» на II-е полугодие 2015 года.

Каталог
«Газеты Журналы»
Спецвыпуск

Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров,
инвалидов и ветеранов

Индекс 70820 — для остальных подписчиков

Подписка на текущие месяцы проводится по следующим индексам:
71518 (льготный), 70820, 99406, 88998 (адресный).

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких, наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд, в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...»*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2015 года**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на вторую половину 2015 года или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2015 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

